

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

13 2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 13 (616) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Култур-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображена *Вангари Маатаи* (1940–2011), кенийский эколог, активистка природоохранного движения.

Вангари Маатаи родилась в Ньери (Кения) и получила международную известность в ходе кампаний против «антилесных инициатив» правительства Кении в 1980–1990-х годах. Основанное ею движение «Зеленый пояс» сегодня действует на всем Черном континенте, что заметно преобразило его облик. Участвуют в этом движении беднейшие женщины страны, все эти годы организующие общественные лесопосадки. Для Кении важно каждое дерево, причем не только для сохранения экосистемы и рек, но и для обеспечения дровами, поскольку почти 90 % сельского населения используют их для приготовления пищи. Участники движения организуют питомники для выращивания саженцев, которые потом бесплатно раздают всем желающим.

Благодаря деятельности Вангари Маатаи удалось приостановить превращение африканских лесов в пустыню. За 25 лет члены этого общественного движения посадили около 30 миллионов деревьев, пытаясь противостоять вырубкам лесов, которые приобрели в Африке массовый характер и часто сопровождаются трагическими переменами в привычном укладе жизни местного населения, вызванными, в частности, наступлением пустынь из-за уничтожения лесов. Движение Вангари Маатаи изменило экологическую политику на целом континенте. Так, в 1989 году оно вынудило власти Кении отказаться от планов сооружения небоскребов в Ухуру — центральном парке Найроби.

За годы яростной борьбы с губителями родной природы Вангари многократно угрожали смертью, ей довелось побывать в тюрьме, она трижды подвергалась нападениям. Последнее покушение на ее жизнь произошло в 1999 году, когда вместе с соратниками она сажала деревья на территории, вырубленной под застройку. Впрочем, недоброжелателей у нее все-таки было меньше, чем сторонников. Ее организацию знают на всех континентах и активно поддерживают частные фонды из Соединенных Штатов, правительства Австралии и Нидерландов.

Вангари Маатаи получила образование в США и стала первой женщиной в Центральной и Восточной Африке, получившей ученую степень (доктор наук в области ветеринарии), а также первой женщиной, возглавившей факультет университета. Маатаи — первая в истории африканка, удостоенная Нобелевской премии. Впервые на столь же высоком уровне получило признание и само «зеленое движение», уже давно ставшее весьма влиятельной силой в современном мире.

Вангари Маатаи одна вырастила пятерых детей и при этом активно участвовала в политической жизни страны. Еще в 1964 году, основав Национальный совет женщин Кении, активистка долгое время возглавляла его, выступала против прежнего реакционного режима в Кении, привлекая внимание к ситуации в стране на международном уровне. Она активно боролась за установление демократии в своей стране, совмещая работу в области экологии с политикой.

В 2002 году Вангари с подавляющим преимуществом победила на выборах в парламент Кении. На проходивших затем президентских выборах она заявила, что кандидат от оппозиционной партии поддерживает природоохранное движение, чем резко подняла его рейтинг, и заставила президента предпринять конкретные шаги по улучшению экологической обстановки, чтобы не разочаровать выбравшее его население. А в следующем году назначенный президентом Кибакви министр окружающей среды Ньютон Кулунду сделал Вангари Маатаи своим заместителем.

Как отметил Нобелевский комитет, «профессор Маатаи объединила научную работу, социальную борьбу и активную политику в единое целое. Она пример и источник жизненной силы для каждого в Африке, кто борется за устойчивое развитие, демократию и мир». Ее работа — больше чем защита окружающей среды. Такая стратегия должна укрепить само основание экологической политики страны. Методы Маатаи приняты на вооружение рядом стран африканского континента. Фактически она была духовным лидером борьбы за экологические и социальные права людей, живущих между Египтом и ЮАР. В 2004 году Маатаи была удостоена престижной международной экологической премии «за многолетнюю бесстрашную борьбу в защиту окружающей среды, за права человека и социальную справедливость, человеческое достоинство и демократию».

Маатаи была автором нескольких книг и внесла значительный вклад в размышления об экологии, развитии и гендере в соотношении с африканскими культурами и религиями.

В знак признания большого вклада Вангари Маатаи, в 2009 году генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назначил ее посланником мира по вопросам окружающей среды и изменения климата. Эту работу она выполняла эффективно и с энтузиазмом до своей смерти 25 сентября 2011 года.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОЛОГИЯ

Курбангалеев Д. К.

Внедрение программного комплекса Soilbox как фактор снижения трудоемкости инженерно-геологических изысканий..... 331

Леонтьев М. В.

Гидрогеологическая оценка воздействия снежных полигонов на подземные водоносные горизонты и способы их защиты... 333

Фаезов Р. Р.

Геолого-тектоническое строение и характеристика продуктивного пласта ПК1 Северо-Комсомольского нефтегазового месторождения..... 336

СОЦИОЛОГИЯ

Аль-Шахдани С. А. Х., Колеошкина С. В., Мухаммад Б. М., Джамаль И. Г., Шайма Г. Р.

Аккультурация иностранных студентов в российских университетах: влияние на социальные процессы..... 339

ПСИХОЛОГИЯ

Борн В. Я.

Методики выявления склонности к нежелательному поведению старших дошкольников 348

Бузаева О. С.

Психолого-педагогическое сопровождение развития пространственных представлений у младших школьников 350

Voytova Y. S.

The role of emotional intelligence in academic achievement: a theoretical review 354

Шарапов В. В., Ефремова А. А.

Арт-терапия как средство психолого-педагогической коррекции девиантного поведения у подростков..... 356

Карбаинова А. М.

Современные методы работы с подростками с нарушениями пищевого поведения 358

Куприн Д. Ф.

Домашняя реабилитация: пять развивающих игр, которые можно интегрировать в занятия на ходунках..... 360

Норова А. У.

Психологическое консультирование подростков, испытывающих негативное влияние идеализированного контента в социальных сетях 364

Олейник Н. Н.

Влияние социальных сетей на формирование личности и психологическое благополучие подростков 366

Прохоренко-Елкина А. Ф.

Характеристика грамматического строя речи и словоизменения у дошкольников с общим недоразвитием речи 370

Скопцова Ю. А.

Факторы суицидального риска у современных подростков 372

Файзиева Г. У.

Гетерономные трансформации личности в цифровой среде 373

Федотов А. В.

Особенности психологического здоровья студентов в организациях среднего профессионального образования..... 382

Штокало К. Н.

Родительская подсистема как объект психологического анализа 385

ПРОЧЕЕ

Мазарова Д. С.

Порядок перемещения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу воздушным видом транспорта 390

Мищенко А. В.

Анализ риска возникновения и развития аварий на объектах нефтегазовой отрасли 392

ГЕОЛОГИЯ

Внедрение программного комплекса Soilbox как фактор снижения трудоемкости инженерно-геологических изысканий

Курбангалеев Денис Каусарович, студент магистратуры
Уфимский университет науки и технологий

В статье рассматриваются вопросы автоматизации инженерно-геологических изысканий на основе внедрения отечественного программного комплекса Soilbox. Анализируются технологические особенности платформы, позволяющие осуществлять сбор, передачу и обработку полевых данных в режиме реального времени. Обосновывается влияние цифровизации изыскательского этапа на сокращение трудоемкости процессов, снижение временных затрат и повышение качества проектных решений. Приводятся количественные показатели эффективности, достигнутые при внедрении системы на объектах промышленной инфраструктуры.

Ключевые слова: инженерно-геологические изыскания, цифровизация, Soilbox, снижение трудоемкости, автоматизация, полевые данные, BIM-технологии.

Введение

Инженерно-геологические изыскания являются фундаментальным этапом любого строительного проекта, определяющим надежность, безопасность и экономическую эффективность последующих решений. Традиционная организация изыскательских работ характеризуется высокой трудоемкостью, обусловленной разрозненностью процессов сбора, передачи и обработки данных, значительной долей ручного труда, а также временными задержками между полевым этапом и камеральной обработкой. Согласно отраслевым данным, изыскательский этап может занимать до одного года, при этом существенная часть времени расходуется на передачу и обработку информации, а не на ее непосредственное получение [1] [4].

В последние годы в российской практике активно развивается направление цифровизации инженерных изысканий. Одним из перспективных решений в этой области является программный комплекс Soilbox, разработанный одноименным российским стартапом и включенный в Реестр отечественного программного обеспечения [3]. Настоящая статья посвящена анализу влияния внедрения данной системы на снижение трудоемкости инженерно-геологических изысканий.

Технологические особенности платформы Soilbox

Платформа Soilbox представляет собой интеллектуальную систему сбора, обработки и хранения полевых данных, реализованную по принципу «мобильное устройство — облачное хранилище — офисная среда». Архитектура решения предусматривает возможность работы в условиях нестабильного интернет-соединения, что критически важно для удаленных объектов и месторождений [3].

Ключевые функциональные возможности системы включают:

1. Цифровое описание инженерно-геологических выработок. Модуль позволяет заполнять буровые журналы, описывать грунты, фиксировать образцы и керновый материал непосредственно с мобильного устройства с использованием интеллектуального помощника, содержащего подсказки и справочную информацию [6].

2. Автоматизированную передачу данных. Система обеспечивает мгновенную передачу полевой информации в офисную базу данных, что позволяет камеральной группе приступать к обработке материалов параллельно с продолжением полевых работ [3] [6].

3. Встроенные инструменты нормативного контроля. Платформа содержит wiki-систему на основе актуальных нормативных документов, что позволяет осуществлять автоматическую проверку соответствия данных требованиям ГОСТ и СП непосредственно на этапе сбора [3].

4. Интеграцию с геоинформационными системами. Soilbox обеспечивает пересчет координат между различными системами (WGS-84, MSK и др.) и пространственную привязку всех полевых наблюдений [3].

Снижение трудоемкости: технологические аспекты

Автоматизация полевого документооборота

Традиционная организация полевых работ предполагает ведение бумажных журналов, последующую расшивку рукописных записей и ручной ввод данных в табличные процессоры или CAD-системы. Это создает множественные точки потенциальных ошибок и требует дополнительных временных затрат на проверку и сверку. Внедрение Soilbox позволяет исключить бумажный документооборот: описание выработок осуществляется в цифровой форме непосредственно на месте бурения, а использование голосового модуля Soilvoice дополнительно ускоряет процесс фиксации наблюдений [3] [6].

Практика применения системы в учебном процессе Казанского федерального университета показала, что студенты (представители «цифрового поколения») осваивают цифровой формат описания выработок значительно быстрее традиционного бумажного, что косвенно свидетельствует о снижении когнитивной нагрузки при выполнении операций [6].

Параллелизация процессов

Критическим фактором снижения трудоемкости является возможность параллельного выполнения полевых и камеральных работ. В традиционной схеме камеральная обработка может начаться только после завершения полевого этапа и физической доставки документации в офис. Soilbox обеспечивает мгновенную передачу данных, что позволяет специалистам камеральной группы приступать к обработке, проверке и систематизации информации синхронно с продолжением полевых работ [1] [3] [7].

Согласно данным, опубликованным «Газпром нефть», использование цифровой системы сбора и анализа инженерной информации позволило в 200 раз сократить время анализа данных и в 10 раз повысить скорость их передачи [1] [4] [9]. Сокращение сроков запуска крупных проектов оценивается в среднем в один месяц [4] [7].

Автоматизация камеральной обработки

Значительный объем трудоемкости традиционных изысканий приходится на камеральный этап: построение геологических колонок и разрезов, расчет физико-механических свойств грунтов, формирование сводных ведомостей и текстовых приложений к отчету. Внедрение специализированного ПО позволяет автоматизировать эти процессы:

- **Динамическое обновление графических материалов.** Изменение исходных данных (например, уточнение границы слоя) влечет автоматическое обновление всех связанных разрезов и колонок, исключая необходимость ручной перерисовки.
- **Автоматизированные расчеты.** Встроенные алгоритмы выполняют вычисление нормативных и расчетных характеристик грунтов в соответствии с требованиями ГОСТ, заменяя многократные ручные вычисления.
- **Генерация отчетности.** Система формирует текстовые приложения (сводные ведомости, паспорта скважин, таблицы результатов испытаний) по установленным шаблонам, что сокращает время на оформление документации.

Снижение транзакционных издержек

Помимо прямого сокращения временных затрат на выполнение технологических операций, цифровизация снижает транзакционные издержки, связанные с координацией работы специалистов. Единое информационное пространство исключает необходимость синхронизации версий файлов между геологами, грунтоведами и чертежниками, а также уменьшает количество совещаний и согласований, связанных с устранением разночтений в данных.

Обсуждение: место Soilbox в контексте цифровизации изысканий

Внедрение Soilbox следует рассматривать в широком контексте цифровой трансформации строительной отрасли. Современные исследования в области инженерной геологии и геотехники указывают на устойчивый тренд интеграции данных изысканий с BIM-технологиями (Building Information Modeling) [2] [5] [8]. Soilbox, обеспечивая сбор и первичную обработку геологических данных в машиночитаемом формате, создает основу для последующей передачи информации в BIM-среду, что соответствует концепции «GeoBIM» [2] [8].

Как отмечается в исследовании Булдаковой Е. Ю., оцифровка строительной модели на геотехнической основе позволяет повысить эффективность информационного обмена между участниками инвестиционно-строительного процесса [5]. В этом контексте Soilbox выполняет функцию «цифрового моста» между полевым этапом изысканий и последующим проектированием.

Заключение

Внедрение программного комплекса Soilbox в практику инженерно-геологических изысканий обеспечивает снижение трудоемкости по следующим направлениям:

1. Автоматизация документооборота на полевым этапе с исключением бумажных носителей и повторного ручного ввода данных;
2. Параллелизация полевых и камеральных работ за счет мгновенной передачи данных в облачное хранилище;
3. Автоматизация расчетов физико-механических свойств грунтов и формирования графических приложений;
4. Сокращение транзакционных издержек за счет создания единого информационного пространства.

Количественные показатели эффективности, достигнутые при внедрении системы на объектах «Газпромнефть» (сокращение времени анализа информации в 200 раз, повышение скорости передачи данных в 10 раз, сокращение сроков запуска проектов на один месяц), подтверждают значительный потенциал цифровизации как инструмента повышения производительности труда в сфере инженерных изысканий.

Дальнейшее развитие технологий сбора и обработки геологических данных будет способствовать формированию целостной цифровой среды жизненного цикла объектов капитального строительства, в которой изыскательский этап становится не разрозненным набором операций, а интегрированным звеном единого информационного процесса.

Литература:

1. Газпром нефть запустила цифровую систему анализа данных для проектирования месторождений. — geologyscience.ru, 2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://geologyscience.ru/2025/03/08/газпром-нефть-запустила-цифровую-с/> (дата обращения: 23.01.2026).
2. Application of BIM Technology Combined with 3D Geological Modeling in Visualization of Geotechnical Investigation. — Smart Infrastructures in the IoT Era, 2025. — P. 593–608.
3. Официальный сайт компании Soilbox. — URL: <https://soilbox.ru/company/> (дата обращения: 23.01.2026).
4. Газпром нефть запустила цифровую систему проектирования промыслов. — РБК+, 2025. — URL: <https://t.plus.rbc.ru/news/67c12f747a8aa9021b927126> (дата обращения: 23.01.2026).
5. Булдакова Е. Ю. Оцифровка строительной модели BIM на геотехнической основе // Экономика и предпринимательство. — 2024. — № 5 (166). — С. 1228–1232.
6. Students return from field studies in Zelenodolsk District. — Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. — URL: <https://en.geo.kpfu.ru/students-return-from-field-studies-in-zelenodolsk-district/> (дата обращения: 23.01.2026).
7. Газпром нефть запустила 1-ю в отрасли цифровую систему анализа данных для проектирования месторождений. — ЭнергоНьюс, 2025. — URL: <http://energo-news.ru/archives/190902> (дата обращения: 23.01.2026).
8. Kassou F., Bouayach N., Rguig M. GeoBIM for Infrastructure Geotechnics: Parametric and Generative Design // Transportation Infrastructure Geotechnology. — 2025. — Vol. 12. — Issue 8.
9. В Восточной Сибири внедрили первую российскую цифровую систему для проектирования месторождений. — ФОНТАНКА.ру, 2025. — URL: <https://www.fontanka.ru/2025/02/28/75164471/> (дата обращения: 23.01.2026).

Гидрогеологическая оценка воздействия снежных полигонов на подземные водоносные горизонты и способы их защиты

Леонтьев Михаил Викторович, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В статье рассматривается воздействие снежных полигонов (снегосвалок) на гидрогеологическую обстановку территории. Анализируются пути загрязнения подземных вод талыми стоками, факторы риска и методы минимизации негативного влияния. Особое внимание уделено нормативным требованиям и современным инженерным решениям для безопасной эксплуатации снегосвалок.

Ключевые слова: снежный полигон, снегосвалка, подземные воды, загрязнение, гидрогеология, талые стоки, гидроизоляция, очистные сооружения, водоохранная зона.

Введение

Снежные полигоны (снегосвалки) — неотъемлемая часть инфраструктуры городов в зимний период. Однако их эксплуатация сопряжена с серьёзными гидрогеологическими рисками: талые воды содержат загрязнители, которые могут проникать в подземные водоносные горизонты [1; 2]. Цель статьи — оценить влияние снегосвалок на гидрогеологическую среду и предложить меры по снижению экологической нагрузки.

Источники загрязнения на снежных полигонах

Снег, вывозимый на полигоны, аккумулирует на городских улицах широкий спектр загрязняющих веществ:

- антигололёдные реагенты (хлориды натрия, кальция, магния; техническая соль);
- нефтепродукты (бензин, масла, дизельное топливо);
- тяжёлые металлы (свинец, кадмий, цинк, медь из выхлопных газов и износа шин);
- взвешенные частицы (пыль, сажа, резина, асфальт);
- бытовой мусор (пластик, бумага, стекло);
- биологические загрязнители (экскременты животных, патогены).

При таянии снега эти вещества растворяются в воде и могут мигрировать в почву и подземные воды [3; 4].

Гидрогеологические риски

Основные угрозы для подземных вод:

1. **Засоление водоносных горизонтов.** Хлориды из реагентов повышают минерализацию воды, делая её непригодной для питьевого водоснабжения [2; 5].
2. **Загрязнение тяжёлыми металлами.** Металлы сорбируются на частицах грунта, но при изменении pH или Eh могут переходить в раствор и мигрировать [3; 6].
3. **Нефтепродуктовое загрязнение.** Лёгкие фракции нефтепродуктов образуют линзы на поверхности грунтовых вод, а тяжёлые компоненты осаждаются в порах грунта [4; 7].
4. **Эвтрофикация водоёмов.** Попадание биогенных элементов (азота, фосфора) в подземные воды может провоцировать цветение водоёмов при их разгрузке в реки и озёра [5; 8].
5. **Изменение геохимических условий.** Изменение pH и окислительно-восстановительного потенциала может активировать вторичное загрязнение (высвобождение мышьяка, фтора и т.д.) [6; 9].

Факторы, влияющие на степень загрязнения

Интенсивность проникновения загрязнителей зависит от:

- **геологического строения участка:**
  - типа грунтов (пески, суглинки, глины);
  - мощности и проницаемости водоупорных слоёв;
  - глубины залегания грунтовых вод;
- **гидрогеологических условий:**
  - направления и скорости потока подземных вод;
  - наличия гидравлической связи между горизонтами;
- **климата и режима таяния:**
  - интенсивности весеннего паводка;
  - объёма осадков;
- **конструкции полигона:**
  - наличия гидроизоляции;
  - системы сбора и очистки стоков [2; 4; 7].

Нормативные ограничения

Законодательство РФ строго регламентирует размещение снегосвалок [1; 3].

- **Запрещено** размещать полигоны:
  - в водоохраных зонах рек, озёр, водохранилищ (ст. 65 Водного кодекса РФ) [1];
  - на территории зон санитарной охраны источников питьевого водоснабжения (СанПиН 2.1.4.1110-02) [3];
  - на участках с близким залеганием незащищённых грунтовых вод.
- **Обязательно** предусматривать:
  - гидроизоляцию дна и откосов (геомембраны, глинистые экраны);
  - систему сбора талой воды;
  - локальные очистные сооружения (ЛОС) перед сбросом стоков в канализацию или водоёмы [3; 4].

Инженерногидрогеологические решения

Для минимизации рисков применяют следующие технологии [4; 7; 9]:

1. Гидроизоляция основания:

- глинистые экраны (мощность $\geq 0,5$ м, коэффициент фильтрации $\leq 10^{-9}$ м/с);
- полимерные геомембраны (HDPE, LDPE) с защитным слоем геотекстиля.

2. Дренажная система:

- перфорированные трубы для сбора талой воды;
- накопительные прудыотстойники.

3. Очистка стоков:

- механическая очистка (решётки, песколовки);
- физикохимическая очистка (коагуляция, флокуляция);
- сорбция (активированный уголь, цеолиты);
- биологическая очистка (при наличии органики).

4. Мониторинг:

- наблюдательные скважины для контроля качества подземных вод;
- регулярные анализы на хлориды, нефтепродукты, тяжёлые металлы.

Типы снежных полигонов с учётом гидрогеологических требований

Тип полигона	Гидрогеологические особенности	Риски	Меры защиты
Естественный (без гидроизоляции)	Высокий риск инфильтрации	Сильное загрязнение грунтовых вод	Запрещён вблизи водозаборов; требует рекультивации
Сухой (с гидроизоляцией)	Ограниченная инфильтрация	Локальное загрязнение при повреждении экрана	Дренаж + ЛОС; контроль целостности мембраны
С принудительным таянием	Быстрый отвод стоков	Концентрированное загрязнение	Многоступенчатая очистка; автоматизированный контроль

Практические рекомендации по размещению и эксплуатации

1. Предпроектные исследования:

- инженерногеологическая и гидрогеологическая съёмка;
- оценка фильтрационных свойств грунтов;
- моделирование миграции загрязнителей (с помощью ПО типа MODFLOW) [7; 9].

2. Выбор участка:

- удалённость от водозаборов (≥ 500 м);
- глубокое залегание грунтовых вод (≥ 3 м);
- наличие естественных водоупоров (глины, суглинки).

3. Эксплуатация:

- раздельный приём снега (чистый/загрязнённый);
- регулярный контроль качества талой воды;
- обслуживание дренажной системы.

4. Рекультивация:

- удаление загрязнённого грунта после сезона;
- восстановление растительного покрова [2; 6; 8].

Заключение

Снежные полигоны представляют серьёзную угрозу для гидрогеологической среды, особенно при отсутствии должной инженерной защиты. Грамотное проектирование, включающее гидроизоляцию, дренаж и очистку стоков, позволяет минимизировать загрязнение подземных вод [4; 7]. Обязательный мониторинг и соблюдение нормативных требований — ключевые условия безопасной эксплуатации снегосвалок в городской среде.

Дальнейшее развитие этой инфраструктуры должно опираться на:

- внедрение технологий глубокой очистки талых вод;
- использование ГИС-моделирования для прогнозирования миграции загрязнителей;
- разработку региональных нормативов с учётом местных гидрогеологических условий [7; 9].

Литература:

1. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74ФЗ. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/
2. СанПиН 2.1.4.1110-02 «Зоны санитарной охраны источников водоснабжения и водопроводов питьевого назначения». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13040/25abd9bd4cc003a5ae7b9bab04d8d71497a92e22/
3. СП 32.13330.2018 «Канализация. Наружные сети и сооружения». — <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=9&documentId=492532>
4. ГОСТ Р 59433-2021 «Дороги автомобильные общего пользования. Требования к проведению гидрогеологических изысканий». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200179230>
5. Шестаков, В. М. Гидрогеодинамика. — М.: МГУ, 1995.
6. Пиннекер, Е. В. Охрана подземных вод от загрязнения. — Новосибирск: Наука, 1984.
7. Гольдберг, В. М. Гидрогеологические основы охраны подземных вод от загрязнения / В. М. Гольдберг, С. Газда. — М.: Недра, 1984.
8. Фрог, Б. Н. Водоподготовка: учебное пособие / Б. Н. Фрог, А. П. Левченко. — М.: АСВ, 2014.
9. Bear, J. *Hydraulics of Groundwater*. — New York: McGrawHill, 1979.

Геолого-тектоническое строение и характеристика продуктивного пласта ПК1 Северо-Комсомольского нефтегазового месторождения

Фаезов Рафаэль Раилевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Мустафин Сабир Кабирович, доктор геолого-минералогических наук, профессор
Уфимский университет науки и технологий

В статье автор исследует тектоническое строение Северо-Комсомольского месторождения, особенности структурно-тектонической зональности (Центральная зона дислокаций) и геолого-физические характеристики высоковязкой нефти пласта ПК1, осложняющие его разработку.

Ключевые слова: Северо-Комсомольское месторождение, пласт ПК1, высоковязкая нефть, тектонические нарушения, Центральная зона дислокаций.

Северо-Комсомольское нефтегазовое месторождение является крупнейшим по запасам высоковязкой нефти (ВВН) не только в России, но и в пределах всего Евразийского континента. По концентрации запасов ВВН в пласте ПК1 оно уступает лишь Русскому месторождению-гиганту, расположенному севернее в Западно-Сибирском геологическом регионе. Продуктивные горизонты обоих месторождений приурочены к пластам покурской свиты (ПК1), являются полными стратиграфическими и литологическими аналогами, а их нефтегазовые залежи имеют примерно однотипное строение

и одинаковые характеристики (за исключением вязкости пластовой нефти).

В региональном тектоническом плане Северо-Комсомольское месторождение расположено в северо-восточной бортовой зоне Пурпейского антиклинория. В структуре мезо-кайнозойских отложений месторождение связано с Северо-Танловским и Верхне-Танловским поднятиями, составляющими Верхне-Танловский вал — часть Танловского мегавала (структура II порядка), осложняющего Надым-Тазовскую синеклизу (структуру I порядка) [2].

По поверхности фундамента Верхне-Танловское палео-поднятие сливается со структурой Северного мегавала. Оно разбито на блоки тектоническими нарушениями нескольких систем.

Выявлена региональная «Центральная» зона тектонических нарушений, протягивающаяся через всю территорию в северо-восточном направлении и разделяющая Верхне-Танловский вал на западный и восточный приподнятые блоки. Эта зона связана со сдвигом фундамента, затрагивает весь осадочный чехол и является надежным флюидоупором. В нижней части разреза она отделяет приподнятый восточный блок от опущенного западного, а в верхней — маркируется наложенным прогибом.

В пределах восточных блоков выделяются Южное и Восточное поднятия, в западном блоке — Западное поднятие. Указанные структуры меняют очертания и амплитуды по горизонтам юрско-мелового разреза.

По отражающему горизонту «Б» (кровля баженовской свиты) месторождение представляет собой брахиантиклинальную складку, осложненную тектоническими нарушениями унаследованного характера. Центральная зона дислокаций выражена цепочками грабен и взбросов, образованных диагональными и субширотными разломами. Участок к западу от зоны имеет более низкий уровень отметок, чем восточный блок; перепад высот по линии ЦЗД достигает 80–120 м.

После накопления битуминозных глин баженовской свиты началось отложение клиноформного комплекса нижнего мела. Вверх по разрезу отмечается выполаживание структуры с сохранением Центральной зоны дислокаций, обусловившей тектонически-экранированный тип залежей. [4].

По кровле пласта ПК1 из всех систем разломов сохраняется только серия субпараллельных сбросов и взбросов, опережающих Центральную зону, что свидетельствует о меридиональном растяжении. В рельефе поверхности ПК1 Центральная зона выражена как полоса прогибания шириной 3–4 км, пересекающая вал по диагонали.

Западное поднятие имеет размеры 24×7 км, амплитуда — 53 м. Протяженность объединенного поднятия в восточном блоке — 40 км. Восточное поднятие имеет параметры 18×4 км (амплитуда 66 м), Южное — 20×9 км (амплитуда 40 м).

Северо-Комсомольское месторождение является сложнопостроенным и практически не содержит бензиновых фракций. Площадь месторождения — 1368,91 км². По состоянию на 1 января 2019 года остаточные извлекаемые запасы составили: нефти (категории АВ1В2) — 201 млн т, газового конденсата — 4 млн т, газа — 168 млрд м³ [1].

Пласт ПК1 представлен рыхлыми песками и слабосцементированными песчаниками с многочисленными тонкослоистыми прослоями глинистых пород. Проницаемые пропластки толщиной до 4,0 м составляют 83,9 % в продуктивном разрезе (79,4 % в газонасыщенной зоне, 89,1 % — в нефтенасыщенной). По классификации А. А. Ханина по-

роды пласта относятся преимущественно к коллекторам III–V класса.

Толщины глинистых прослоев чаще составляют 0,4–0,8 м. На отдельных участках выявлена существенная глинизация кровельной части пласта. Пласт имеет повсеместное развитие, однако его толщинные характеристики оценены не полностью: из 72 поисково-разведочных скважин 22 вскрыли пласт частично, из 30 эксплуатационных — 17.

С пластом связаны две газонефтяные залежи массивного типа, разделенные шовной зоной тектонических нарушений.

Залежь 1 приурочена к Западному поднятию. Глубина залегания — 1059,8–1117,6 м. Газовая шапка имеет размеры 20,1×4,6 км при высоте 37 м, нефтяная оторочка — 25,5×5,7 км при высоте 21 м. Газонефтяной контакт принят на отметках –1023,1...–1024,8 м, водонефтяной — –1040,6–1047 м (с наклоном в северном направлении). Водонасыщенная часть составляет около 80 м, водонефтяная зона занимает 32,8 % от площади нефтеносности.

Залежь 2 приурочена к Южному и Восточному поднятиям. Глубина залегания — 1055,6–1219,2 м. Газовая шапка имеет размеры 39,3×4,7 км при высоте 49 м, нефтяная оторочка — 41,3×5,9 км при высоте 12 м. ГНК обоснован на отметках –1020,7...–1025,6 м, ВНК — от –1031,1 до –1044,2 м.

Общие толщины газовой шапки варьируют от 1,3 до 58,6 м (среднее 20,3 м), газонасыщенные — до 42,2 м с концентрацией повышенных значений в центральной и северной частях. Нефтяная оторочка характеризуется более однородным строением: общие толщины от 2,7 до 19,4 м (среднее 9,7 м), нефтенасыщенные — от 1,9 до 14,4 м. Водонасыщенная часть залежи — около 72 м, водонефтяная зона занимает 21,8 % от площади нефтеносности.

Пласт отделяется от нижележащих водонасыщенных отложений выдержанной пачкой глинистых пород толщиной более 5 м.

Пласт ПК1 содержит тяжелую высоковязкую нефть с плотностью 0,822–0,917 г/см³, вязкостью 46–107 мПа·с и газонасыщенностью 23–33 м³/т. Пласт отличается высокой слоистой микронеоднородностью, выраженной частым чередованием тонких прослоев песка и глины. Между нефтяной частью, газовой шапкой и подстилающей водой отсутствуют мощные непроницаемые переемы, что приводит к перетокам газа и воды к интервалу перфорации. Среди осложнений: слабосцементированный плохо отсортированный песчаник, образование стойкой эмульсии вязкостью до 2000 мПа·с при смешении высоковязкой нефти с пластовой водой, а также низкая механическая прочность пород коллекторов. Породы пласта характеризуются высоким содержанием песчаной фракции.

Коллектор сложен желтовато-серыми мелкозернистыми рыхлыми песчаниками, местами слабосцементированными, с линзовидной и пологоволнистой слоистостью за счет прослоев углито-глинистого вещества. Залежь — сводово-массивная. Нефтенасыщенная часть пласта ПК1

представляет оторочку толщиной до 20 м, подстилаемую подошвенной водой и перекрытую газовой шапкой мощностью до 40 м.

Коэффициент пористости в нефтенасыщенных коллекторах составляет 27,7–45,4 % (средний — 30,7 %), в газовой части — 23,4–41,6 % (средний — 34,3 %) [3].

Литература:

1. Геологический проект глубокого поисково-разведочного бурения на Северо-Комсомольской и Ярэйской площадях. ГПУ «Главтюменьгеология», Тюмень, 1981.
2. Исследование нефти Северо-Комсомольского месторождения, скважина 450 (Западная Сибирь). ВНИИ НП, М, 1988.
3. Карогодин Ю. Н., Казаненков В. А., Рыльков С. А. Северное Приобье Западной Сибири. Геология инефтегазоносность неокома. Изд-во СО РАН, филиал «ГЕО», Новосибирск, 2000.
4. Подсчет балансовых запасов нефти, конденсата, свободного и растворенного газа, составление ТЭО КИН Комсомольского месторождения на основе геолого-технологической модели по состоянию на 01.01.2002 г. ОАО «НК РОСНЕФТЬ - ПУРНЕФТЕГАЗ», ОАО «ЦГЭ», ООО «ОЙЛ-ГЕОЦЕНТР», пос.Губкинский, Москва, 2003.

СОЦИОЛОГИЯ

Аккультурация иностранных студентов в российских университетах: влияние на социальные процессы

Аль-Шахдани Суфьян Аднан Хамид, соискатель
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

Колеошкина Светлана Вячеславовна, клинический психолог
ГБУ Ростовской области «Психиатрическая больница» (г. Ростов-на-Дону)

Мухаммад Бурхан Махди, доцент;
Джамаль Ибрахим Газай, доцент
Университет Анбар (г. Багдад, Ирак)

Шайма Гхани Ради, доцент
Университет Васит (Ирак)

Статья посвящена исследованию аккультурационных процессов иностранных студентов в российских университетах и их влияния на социальные процессы в академической среде. Анализируются теоретические подходы к изучению аккультурации, факторы, влияющие на успешность адаптации иностранных студентов, а также трансформация межкультурных отношений и институциональных практик в университете. В работе анализируются теоретические подходы к пониманию аккультурации, рассматриваются стратегии аккультурации иностранных и иногородних студентов, выявляются факторы, влияющие на успешность данного процесса. Особое внимание уделяется проблемам и барьерам, с которыми сталкиваются иностранные и иногородние студенты, а также направлениям оптимизации управления процессами интеграции. Полученные результаты позволяют определить ключевые аспекты формирования поликультурной образовательной среды и развития социального капитала в вузах. Предлагаются рекомендации по оптимизации управления аккультурационными процессами в вузах для достижения позитивных социальных изменений.

Ключевые слова: аккультурация, иностранных студентов, российские университеты, межкультурные отношения, социальные процессы, адаптация, межкультурная коммуникация, инклюзия, культурная дистанция, управление аккультурационными процессами, образовательная миграция.

Acculturation of international students in Russian universities: impact on social processes

Al-Shakhdani Sufyan Adnan Khamid, applicant
South Federal University (Rostov-on-don)

Koleoshkina Svetlana Vyacheslavovna, clinical psychologist
State Budgetary Institution of Rostov Region «Psychiatric Hospital» (Rostov-on-don)

Mohammad Burhan Mahdi, associate professor;
Jamal Ibrahim Ghazay, associate professor
University of Anbar (Baghdad, Iraq)

Shaima Ghani Radi, associate professor
Wasit University (Wasit, Iraq)

The article is devoted to the study of acculturation processes of international students in Russian universities and their impact on social processes in the academic environment. It analyzes theoretical approaches to the study of acculturation, factors influencing the success of adaptation of international students, as well as the transformation of intercultural relations and institutional practices at the university. The paper examines theoretical approaches to understanding acculturation, considers acculturation strategies of international and out-

of-town students, and identifies factors affecting the success of this process. Special attention is paid to the problems and barriers faced by international and out-of-town students, as well as ways to optimize the management of integration processes. The obtained results allow us to identify key aspects of forming a multicultural educational environment and developing social capital in universities. Recommendations are proposed for optimizing the management of acculturation processes in universities to achieve positive social changes.

Keywords: *acculturation, international students, Russian universities, intercultural relations, social processes, adaptation, intercultural communication, inclusion, cultural distance, management of acculturation processes, educational migration.*

Введение

Современное высшее образование в России характеризуется устойчивой тенденцией к интернационализации. Согласно государственной программе «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», количество иностранных студентов в российских вузах последовательно увеличивается, что делает образовательную миграцию значимым социальным феноменом. Помимо иностранных студентов, в российских университетах обучается значительное число иногородних студентов из различных регионов страны, представляющих иные культурные, этнические и социальные традиции. Попадая в новую социокультурную среду, студенты сталкиваются с необходимостью адаптации к иным нормам, ценностям и практикам. [1] Данный процесс, определяемый в научной литературе как аккультурация, имеет сложную природу и оказывает существенное влияние не только на самих студентов, но и на принимающее сообщество, трансформируя социальные процессы в университетской среде.

Актуальность исследования аккультурации студентов в российских университетах обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, рост численности студентов из иных культурных сред требует осмысления механизмов их включения в социальное пространство вуза. Во-вторых, аккультурационные процессы неизбежно влияют на принимающее сообщество, изменяя сложившиеся социальные практики и отношения. В-третьих, понимание закономерностей аккультурации необходимо для разработки эффективных стратегий управления социальными процессами в поликультурной образовательной среде. Целью данной статьи является анализ влияния аккультурационных процессов студентов в российских университетах на социальные изменения в академической среде и принимающем сообществе. [2] в рамках исследования ставится задача выявить основные факторы, обеспечивающие успешную адаптацию студентов, а также определить механизмы трансформации социальных практик и отношений в условиях многоэтнической и межкультурной образовательной среды.

Теоретико-методологические основания исследования аккультурации студентов

Понятие аккультурации и смежные категории

В научной литературе существует терминологическая неопределенность в разграничении понятий «ак-

культурация», «инкультурация», «энкультурация», «социализация» и «адаптация». Как отмечают Л. П. Реутова и Е. В. Соловьева, проблема инкультурации иностранных студентов связана с установлением границ между этими понятиями, их пониманием в контексте высшего образования. Под аккультурацией в современной науке понимается процесс взаимовлияния культур, результатом которого является изменение культурных характеристик одной или обеих взаимодействующих групп. В отличие от инкультурации, предполагающей освоение индивидом родной культуры, аккультурация связана с взаимодействием с иной культурой и трансформацией исходных культурных паттернов. Классическая модель аккультурации, разработанная Дж. Берри, выделяет четыре стратегии аккультурации, определяемые сочетанием двух факторов: стремления к сохранению собственной культурной идентичности и стремления к контактам с принимающей культурой:

— Интеграция — сохранение собственной культуры при одновременном активном взаимодействии с новой культурой;

— Ассимиляция — отказ от собственной культуры в пользу новой;

— Сепарация — сохранение собственной культуры при избегании контактов с новой;

— Маргинализация — потеря связей с собственной культурой при отсутствии контактов с новой.

Исследования показывают, что установка на интеграцию встречается среди студентов наиболее часто и является наиболее благоприятной для психологического благополучия и академической успешности. [3]

Обзор социальных и психологических проблем адаптации иммигрантов: исторические и современные основы

Первоначально изучением социально-психологических проблем адаптации эмигрантов занимались социологи, клиницисты, антропологи и этнологи. Так, В. Уайт исследовал проблемы адаптации итальянских эмигрантов в Америке, а В. Томас и Ф. Знанецки — польских эмигрантов. Они пришли к выводу о важности изучения социальных установок, сформированных в прежней среде, которые могут мешать адаптации к новой. В конце XIX — середине XX века проводились многочисленные исследования психического здоровья эмигрантов; было замечено, что значительная часть пациентов психиатрических клиник — это люди, прибывшие из других стран. В это же

время в кросс-культурной психологии появился термин «культурный шок» (А. Фарнхем, С. Бочнер, К. Оберг), обозначающий психическое потрясение, связанное с потерей статуса, друзей, ощущением отверженности, путаницей в ценностях и потерей контроля. Дж. Берри предложил использовать термин «стресс аккультурации» вместо «культурный шок». Психологические аспекты и причины стрессов мигрантов связаны с тем, что пребывание в новой среде требует от мигрантов значительных ресурсов для преодоления напряжения. Большинство эмигрантов сталкиваются со стрессом, тревогой и шоком, что свидетельствует о нарушениях в системе «организм-среда». Этот стресс запускает процесс адаптации или «адаптационный синдром» (Г. Селье). Причинами возникновения стресса называют недостаточную структурированность когнитивной системы и слабые навыки совладания с проблемами (Ф. Б. Березин). В итоге возникают невротические реакции, которые могут иметь как ситуативный, так и личностный характер. [4]

Со временем исследования переместились к изучению динамических аспектов адаптации: критериев, стратегий и факторов, определяющих процессы приспособления. В настоящее время большое внимание уделяется практическим методам, таким как тренинги, облегчающие интеграцию эмигрантов в новую культуру и снижение уровня стресса. На характер взаимодействия мигрантов с местными жителями влияют различные факторы: добровольность или вынужденность миграции, социальные стереотипы, условия проживания, культурная дистанция, цели пребывания (учёба, туризм, постоянное жительство), наличие поддержки, трудоустройство, семейные обстоятельства, язык, религия, раса и другие. Значительную роль играют и личностные характеристики мигрантов: locus контроля, социальные установки, экстраверсия, эмоциональные и интеллектуальные особенности, коммуникативные навыки, активность, уровень образования и т. д. В настоящее время исследования в этой области продолжаются, учитывая как личностные особенности, так и объективные обстоятельства, а также отношение мигрантов к ситуации (Н. Б. Михайлова, Г. Г. Павловец и др.). [5]

Специфика аккультурации в образовательной среде

Аккультурация студентов в университетской среде имеет ряд особенностей, отличающих ее от аккультурации в иных социальных контекстах. Во-первых, университет представляет собой институциональную среду с определенными нормами, правилами и практиками, которые в значительной степени унифицированы и стандартизированы. Это создает формальные основания для включения студентов в академическое сообщество независимо от их культурного происхождения.

Во-вторых, студенческая среда характеризуется высокой степенью открытости и толерантности к различиям, что потенциально облегчает межкультурные кон-

такты. Как отмечается в исследовании П. Молчановой, студенческая самоорганизация включает индивидуальные, коллективные и культурные уровни, проявляясь в разнообразных формах социального и институционального участия.

В-третьих, аккультурация студентов происходит в контексте образовательного процесса, где ведущую роль играют академические факторы: языковая компетентность, успеваемость, отношения с преподавателями и сокурсниками. Исследование У. Хамзы, посвященное академической адаптации турецких студентов в российских университетах, показывает, что цифровые инструменты помогают снижать влияние языковых и институциональных барьеров.

Важно подчеркнуть, что аккультурация — это двусторонний процесс. Как отмечают исследователи, взаимодействие двух социокультурных групп с различным культурно-историческим фоном ведет либо к трансформации культурного кода одной из групп, либо к взаимному влиянию обеих культурных систем [6]. В контексте университетского образования это означает, что не только студенты из иной культурной среды изменяются под влиянием принимающей культуры, но и принимающее сообщество (российские студенты, преподаватели, администраторы) трансформируется в результате взаимодействия с носителями иных культурных традиций. Основные особенности аккультурации иностранных студентов в российских вузах:

Процесс адаптации включает аккультурацию — сложное взаимодействие личности с новой социальной и культурной средой, а также приспособление среды под потребности человека. Иностранные студенты, обладая индивидуальными этнопсихологическими особенностями, сталкиваются с социальными, речевыми и религиозными барьерами при освоении новой среды и учебных программ. Аккультурация у студентов, обучающихся на языке-посреднике без предварительной подготовки, происходит постепенно и сопровождается напряжением, особенно в первые годы обучения. Традиционно выделяют пять этапов адаптации. Первый — выражение готовности учиться, когда языковой барьер легко преодолевается при поддержке преподавателей и старкурсников. Вторая — «культурный шок», проявляющийся через физическое и психологическое напряжение, чувство потери, одиночество, нарушение ролевых ожиданий, тревогу и чувство неполноценности. Третий этап — критический, когда культурный шок достигает максимума, и студенты начинают активнее осваивать язык и особенности поведения русских, сталкиваются с трудностями самостоятельного планирования и социальной адаптации. Четвертая — оптимистическая, когда появляется уверенность и положительная динамика. Пятая — полная адаптация, когда студент полностью интегрируется в новую культуру и язык.

Также выделена стадия реадаптации — возвращение на родину после обучения. Продолжительность адаптации

зависит от мотивации, возраста, уровня образования, личностных особенностей и условий среды. У взрослых и студентов из «закрытых» (таких как китайские студенты, студенты из персидскоязычных стран, студенты из Северной и Южной Кореи, а также некоторые студенты из арабских стран и т. д.) обществ адаптация сложнее. Важную роль играют внутренние установки, опыт межкультурного общения и уровень экономической и социальной поддержки. В итоге, успешная адаптация ведёт к аккультурации, или интеграции, позволяющей формировать мультикультурную личность, понимающую и ценящую разные культуры. [7]

Эмпирический анализ аккультурационных процессов в российских университетах — Динамика аккультурационных установок студентов:

Исследование аккультурационных установок студентов, проведенное В. А. Соломоновым и Е. А. Фоминой на выборке из 444 студентов российских университетов (из России, стран Средней Азии, Африки, арабских стран), выявило существенную динамику данных установок в процессе обучения. Авторами было установлено, что установки студентов 1 и 2 курса зависят от представлений о собственном благополучии и возможности проявить свою субъектность. На начальных этапах обучения ключевыми факторами, влияющими на аккультурацию, выступают: эмоциональный комфорт, удовлетворенность межличностными отношениями, возможность проявления самостоятельности и инициативы. На выпускном курсе повышается значимость условий обучения: качество образования, профессиональные перспективы, соответствие образовательной программы ожиданиям. Общим для всех студентов является значимость явного или неявного (латерального) воздействия на их поведение со стороны своих соотечественников. Это указывает на важность земляческих сообществ и неформальных групп поддержки в процессе аккультурации. При этом кросс-культурная специфика проявляется в наличии предикторного набора, специфичного для каждой из социокультурных групп. Для российских студентов возможность проявить свою субъектность, социальную активность не влияют на динамику аккультурационной установки, однако студенты сосредоточены на оценивании результатов деятельности. На аккультурационную установку среднеазиатских студентов почти не влияет факт их этнической идентичности. Аккультурационные установки африканских студентов могут измениться под влиянием отношений с преподавателями и адаптированности к учебной деятельности. [8] У арабских студентов не проявилась как значимый фактор аккультурации готовность других помогать им, в отличие от возможности для студентов проявить свою субъектность.

Джон Берри — Согласно теории аккультурации, разработанной Дж. Берри, процесс вхождения в новую культуру связан с двумя основными проблемами, которые решает иммигрант: поддержание культуры (в какой степени им признается важность сохранения культурной

идентичности) и участие в межкультурных контактах (в какой степени ему следует включаться в иную культуру или оставаться среди «своих»). В зависимости от комбинации ответов на эти вопросы выделяют четыре основных стратегии аккультурации: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Ассимиляция — вариант аккультурации, при котором эмигрант полностью идентифицируется с новой культурой и отрицает культуру этнического меньшинства, к которому принадлежит. Сепарация означает, что представители этнического меньшинства отрицают культуру большинства и сохраняют свои этнические особенности. Если мигрант не идентифицирует себя ни с культурой этнического большинства, ни с культурой этнического меньшинства, результатом является этнокультурная маргинализация. Четвертая стратегия — интеграция — характеризуется идентификацией как со старой, так и с новой культурами. Также Дж. Берри представил измерение влияния доминирующей культуры на процесс взаимной аккультурации. Ассимиляция, проводимая доминирующей группой, это стратегия плавильного котла. Сепарация в терминах доминирующей группы становится сегрегацией, а маргинализация — исключением. Наконец, в случае интеграции, когда культурное разнообразие становится целью общества в целом, говорят о стратегии взаимного приспособления или мультикультурализма. Согласно многочисленным исследованиям, только интеграция может быть добровольно выбранной и успешной стратегией аккультурации у групп этнических меньшинств, когда основные установки доминирующей группы по отношению к культурным различиям — открытость и принятие. В своем докладе Дж. Берри рассказал о результатах международного сравнительного исследования этнокультурной молодежи (International Comparative study of Ethnocultural Youth). Исследование проводилось в 5 странах, традиционно принимающих много иммигрантов (США, Канада, Новая Зеландия, Австралия и Израиль) и 8 странах, с недавнего времени принимающих много иммигрантов (Франция, Германия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Швеция, Великобритания, Финляндия). Выборка составила 5366 подростков-иммигрантов и 2631 подростков из принимающего населения (в возрасте от 13 до 18 лет), а также 2302 родителя-иммигранта и 863 родителя из принимающего населения. Получилось, что стратегию интеграции предпочли 36,4 %, сепарации — 22,5 %, ассимиляции — 18,7 %, маргинализации — 22,4 %. Была исследована воспринимаемая степень дискриминации на почве этнической принадлежности. Дискриминация со стороны принимающего общества встает на пути нормальной интеграции мигрантов и часто приводит к стратегии маргинализации, что ведет к плохой психологической и социокультурной адаптации. Исследование показало, что на психологическую адаптацию подростков-иммигрантов (высокая самооценка, психологическое благополучие, отсутствие тревоги, депрессии, психосоматических симптомов) лучше всего влияет стратегия интеграции, затем сепарации,

затем ассимиляции и хуже всех — маргинализации. На социокультурную адаптацию подростков (приспособленность к школьным требованиям, отсутствие поведенческих проблем) также лучше всего влияет стратегия интеграции, а затем ассимиляции и сепарации; маргинализация находится на последнем месте. Также автор исследования подчеркивает, что не было найдено значимых различий в уровнях социокультурной и психологической адаптации у подростков-иммигрантов и подростков из принимающего населения. Грамотная социальная политика, нацеленная на мультикультурализм, по мнению автора, является важной составляющей успешной социальной адаптации мигрантов в новом обществе. [9]

Факторы успешной аккультурации

Анализ научных источников позволяет выделить комплекс факторов, определяющих успешность аккультурации студентов в российских университетах. Данные факторы могут быть разделены на внешние (средовые) и внутренние (личностные). К внешним факторам относятся:

1. Языковой барьер. Недостаточное владение русским языком является одним из основных препятствий для успешной аккультурации, затрудняя как академическую деятельность, так и повседневную коммуникацию.
2. Культурная дистанция. Студентам из стран со схожим менталитетом (например, из государств постсоветского пространства) адаптироваться легче, чем представителям отдаленных культур.
3. Социальная поддержка. Наличие поддерживающего окружения (земляков, кураторов, преподавателей, психологической службы) существенно облегчает аккультурацию.
4. Институциональные условия. Организация адаптационных мероприятий, наличие программ поддержки, инклюзивная политика вуза создают благоприятную среду для аккультурации.

К внутренним факторам относятся:

1. Личностные качества. Открытость новому опыту, эмпатия, эмоциональная стабильность, толерантность к неопределенности способствуют успешной аккультурации.
2. Мотивация. Наличие внутренней мотивации к интеграции в новую среду, интерес к принимающей культуре повышают эффективность аккультурации.
3. Предыдущий опыт. Опыт межкультурных контактов, предварительная подготовка (включая изучение языка и культуры) облегчают аккультурацию.

Исследование Чэнь Сянмина, посвященное адаптации китайских студентов в США, показывает, что студенты испытывают повторяющиеся эпизоды одиночества и беспомощности, сопровождаемые ощущениями дискомфорта и вины [10]. Основная проблема заключается в разности менталитета и неприятии иных традиций. Данные результаты релевантны и для российского контекста. Трансформация социальных процессов в университетской среде:

Аккультурация студентов оказывает многоплановое влияние на социальные процессы в российских университетах. На основе анализа эмпирических исследований можно выделить следующие направления трансформации:

Изменение межкультурных отношений. Взаимодействие студентов из разных культурных сред способствует формированию более толерантного и инклюзивного общества. Как отмечается в исследовании К. Романенко и Д. Платоновой, в региональных университетах формируется особая культура заботы о студентах, сочетающая поддержку и контроль. Эта культура, с одной стороны, помогает студентам преодолевать трудности аккультурации, с другой — может ограничивать их автономию.

Формирование инклюзивной среды. Университеты разрабатывают специальные программы и создают структуры для поддержки студентов из иных культурных сред. А. А. Сашенина анализирует комплексный подход к адаптации иностранных студентов как важный элемент государственной программы развития экспортного потенциала образования. Автор предлагает перспективные направления и современные технологии социальной работы для повышения эффективности адаптации в российском социокультурном пространстве.

Изменение социальных практик. Под влиянием аккультурации трансформируются повседневные практики студентов и сотрудников университетов: питание, досуг, коммуникация, празднование событий. Исследование студенческой самоорганизации в НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург показывает, как досуговые клубы и студенческие советы становятся пространствами межкультурного взаимодействия, способствующими укреплению групповой идентичности и длительной устойчивости сообществ.

Развитие институциональных механизмов поддержки. Университеты создают специализированные структуры и внедряют практики, направленные на поддержку аккультурации студентов: центры адаптации, программы наставничества (бадди-программы), психологические службы, курсы русского языка как иностранного, культурно-просветительские мероприятия. [11]

Особого внимания заслуживает феномен «воспитательной работы» в региональных университетах, исследуемый К. Романенко и Д. Платоновой. Авторы концептуализируют воспитательную работу как локальный порядок в неселективных периферийных университетах, сформированный под влиянием четырех факторов: географического положения и образовательной миграции, наследия педагогического образования, низкого социально-экономического статуса семей студентов и институциональной неконкурентоспособности. Воспитательная работа проявляется через такие практики, как отношение к университету как к «суррогатным родителям», вовлечение семей студентов, организацию коллективных мероприятий и самодетельности, поддержание системы специфических поощрений. Данные практики отражают сочетание за-

боты и контроля, преемственность с советскими традициями и адаптацию к слабым рынкам труда и низкой подготовленности студентов. В контексте аккультурации это означает, что университеты активно структурируют процесс включения студентов, создавая стабильную систему отношений, которая во многом скрепляет университетское сообщество.

Влияние аккультурации на принимающее сообщество

Трансформация идентичности принимающего сообщества: Взаимодействие со студентами из иных культурных сред неизбежно влияет на идентичность принимающего сообщества — российских студентов, преподавателей и сотрудников университетов. Данное влияние может проявляться на нескольких уровнях. На индивидуальном уровне происходит расширение культурного кругозора, формирование межкультурной компетентности, развитие толерантности и эмпатии. Российские студенты, взаимодействующие с иностранными сокурсниками, приобретают опыт межкультурной коммуникации, который может быть востребован в их будущей профессиональной деятельности. На групповом уровне формируются новые социальные общности, объединенные не по этническому или культурному признаку, а на основе общих интересов, ценностей или видов деятельности. Исследование П. Молчановой показывает, как в студенческих организациях формируются особые культурные ритуалы и символические практики, способствующие укреплению групповой идентичности [12]. В таких сообществах культурные различия могут становиться ресурсом, а не барьером. На институциональном уровне университет как организация трансформирует свои нормы, правила и практики с учетом возрастающего культурного разнообразия. Это проявляется в разработке инклюзивных политик, создании специализированных служб поддержки, адаптации образовательных программ.

Изменение социальных практик и институциональных механизмов

Аккультурация студентов инициирует изменение широкого спектра социальных практик в университетской среде. К числу наиболее значимых изменений относятся: Трансформация образовательных практик. Преподаватели адаптируют методы обучения с учетом культурных особенностей студентов: используют более наглядные материалы, упрощают языковые конструкции, уделяют больше внимания обратной связи, учитывают различные стили обучения. Исследование У. Хамзы показывает, что цифровые инструменты (онлайн-курсы, видеоплатформы, мессенджеры, студенческие онлайн-сообщества) помогают снижать влияние языковых и институциональных барьеров, облегчая доступ к материалам, организацию учебных групп и поддержание контактов. Развитие

практик межкультурной коммуникации. В университетах возникают новые форматы межкультурного взаимодействия: международные клубы, фестивали культур, дни национальной кухни, языковые обмены. Данные практики не только способствуют аккультурации иностранных студентов, но и обогащают культурный опыт принимающего сообщества. Изменение практик социальной поддержки. Университеты разрабатывают специализированные программы поддержки студентов из иных культурных сред. Как отмечает А. А. Сашенина, комплексный подход к адаптации иностранных студентов включает не только решение текущих проблем, но и формирование профессиональных компетенций. При этом исследователи фиксируют сохраняющуюся проблему адаптации иностранных студентов, что требует постоянного совершенствования технологий социальной работы. Трансформация управленческих практик. Администрации университетов разрабатывают стратегии интернационализации, создают специализированные подразделения по работе с иностранными студентами, внедряют системы мониторинга их удовлетворенности и успеваемости.

Социальные эффекты аккультурации

Аккультурационные процессы в университетах порождают широкий спектр социальных эффектов, значимых как для самой образовательной среды, так и для общества в целом. Формирование человеческого капитала. Успешная аккультурация способствует развитию у всех студентов (как приезжих, так и местных) компетенций, востребованных в глобализованном мире: межкультурная коммуникация, толерантность, гибкость, способность работать в мультикультурных командах. Развитие гражданского общества. Практики самоорганизации студентов, возникающие в процессе аккультурации, способствуют формированию гражданских компетенций и социальной активности. Исследование студенческого совета и досугового клуба НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург показывает, как студенческие организации становятся пространствами реализации социальной инициативы и развития лидерских качеств. Укрепление международных связей. Выпускники российских университетов из числа иностранных граждан становятся носителями позитивного образа России в своих странах, способствуют развитию международного сотрудничества в различных сферах. Обогащение культурного ландшафта. Присутствие студентов из разных стран делает культурную жизнь университетов и городов более разнообразной, способствует появлению новых культурных форм и практик.

Проблемы и барьеры аккультурационных процессов

Несмотря на потенциальные позитивные эффекты, аккультурационные процессы в российских университетах сталкиваются с рядом проблем и барьеров, которые могут

ограничивать их влияние на социальные процессы. Основные проблемы аккультурационных процессов: (рис. 1)

1. Культурный шок — сильное стрессовое состояние, возникающее у человека при столкновении с новой культурой. Он проявляется в чувстве растерянности, тревоги, асимметрии ценностей и норм.

2. Языковой барьер — Языковые барьеры остаются одной из наиболее серьезных проблем. Недостаточное владение русским языком затрудняет не только академическую успеваемость, но и повседневную коммуникацию, социальные контакты, доступ к информации и услугам. [13]

3. Дефицит социальной поддержки — отсутствие близких, друзей и общинных связей усложняет процесс интеграции и создает чувство изоляции.

4. Дискриминация и предубеждения — негативное отношение со стороны местного населения может привести к социальной изоляции, ощущению чуждости и дискри-

минации. Социальная изоляция представляет серьезный риск для студентов из иных культурных сред. Как показывают исследования, многие иностранные студенты испытывают одиночество, тоску по дому, ощущение беспомощности. Отсутствие социальной поддержки может приводить к депрессии, снижению академической успеваемости и даже отчислению.

5. Экономические трудности — трудности с поиском работы, низкая квалификация или нелегальный статус могут препятствовать финансовой стабильности.

6. Культурные различия и конфликты — различия в нормах, традициях и ценностях, Культурные различия могут порождать недопонимание, конфликты и стереотипизацию. Исследование Чэнь Сянмина показывает, что основная проблема адаптации заключается в разности менталитета и неприятии иных традиций. Особенно остро это проявляется в отношении к гендерным ролям, религиозным практикам, пищевым привычкам.

Рис. 1. Барьеры аккультурации

К институциональным препятствиям относятся неадекватные программы поддержки и отсутствие специализированных услуг, которые оценивают ситуацию и разрабатывают планы по смягчению этих препятствий на пути к успешной интеграции. Одним из таких препятствий являются бюрократические сложности внутри учреждений, такие как регистрация, визы и разрешения на работу. Для обеспечения успешной интеграции крайне важно разработать институциональные программы поддержки для иммигрантов, предложить курсы языковой подготовки и создать среду, способствующую межкультурному диалогу и взаимопониманию.

Направления оптимизации управления аккультурационными процессами

На основе проведенного анализа можно предложить ряд направлений оптимизации управления ак-

культурационными процессами в российских университетах. Развитие комплексных программ поддержки. Необходима разработка и внедрение программ, охватывающих все аспекты аккультурации: языковую подготовку, академическую адаптацию, социально-психологическую поддержку, культурное просвещение. Как отмечает А. А. Сашенина, комплексный подход к адаптации иностранных студентов должен учитывать новые критерии оценки эффективности, введенные в 2024 году. Подготовка преподавателей и сотрудников. Важно повышать межкультурную компетентность всех участников образовательного процесса через тренинги, семинары, программы повышения квалификации. [14] Преподаватели должны уметь учитывать культурные особенности студентов, адаптировать методы обучения, эффективно взаимодействовать в мультикультурной среде. Развитие студенческой самоорганизации. Поддержка студенческих инициатив, клубов, сообществ создает пространства для

межкультурного взаимодействия и взаимопомощи. Как показывает исследование П. Молчановой, устойчивые студенческие организации могут становиться «самым безопасным местом в университете». Создание инклюзивной среды. Важно формировать в университете атмосферу уважения к разнообразию, нетерпимости к дискриминации. Это требует, как формальных политик и процедур, так и повседневных практик, демонстрирующих приверженность инклюзивным ценностям. Мониторинг и оценка. Необходимо систематически отслеживать процессы аккультурации, выявлять возникающие проблемы, оценивать эффективность реализуемых программ. Исследование В. А. Соломонова и Е. А. Фоминой демонстрирует важность учета динамики аккультурационных установок и их зависимости от курса обучения, и культурной принадлежности студентов. Развитие партнерств. Эффективная поддержка аккультурации требует сотрудничества университетов с различными организациями: национально-культурными объединениями, диаспорами, общественными организациями, государственными органами.

Заключение

Исследование показало, что аккультурация иностранных студентов в российских университетах явля-

ется сложным и многоаспектным процессом, который значительно влияет на развитие межкультурных отношений и социальную динамику в образовательной среде. Успешная интеграция иностранных студентов способствует формированию толерантного и инклюзивного университета, расширяет возможности для развития гражданского общества и формирования межкультурного диалога. В то же время, существенными препятствиями остаются языковые барьеры, культурная дистанция, недостаток социальной поддержки и дискриминационные установки. Для повышения эффективности процессов аккультурации необходимо развигать комплексные программы поддержки, внедрять инклюзивные политики и создавать условия для активного межкультурного взаимодействия. Только системный подход к управлению аккультурационными процессами позволит создать гармоничную образовательную среду, способную отвечать вызовам глобализации и развитию многообразия. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение долгосрочных эффектов аккультурации, сравнительный анализ аккультурационных процессов в различных типах университетов (столичные vs региональные, селективные vs неселективные), исследование роли цифровой среды в аккультурации, анализ влияния аккультурации на профессиональное становление и карьерные траектории выпускников.

Литература:

1. Кинунен Т. А., Гуриева С. Д. Аккультурация как кризис идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2010г. № 1., с. 268–279., URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akkulturatsiya-kak-krisis-identichnosti>
2. Нариман К Социализация в эпоху информационных и коммуникационных технологий // Магрибский журнал рукописей. 2024 г. Том 20, № 1, с. 191–217
3. Гребенникова И. А. Аккультурация как субъектное становление иностранного студента в образовательном пространстве вуза // Высшее образование сегодня. 2014г. № 1. с. 91–93, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akkulturatsiya-kak-subektnoe-stanovlenie-inostrannogo-studenta-v-obrazovatelnom-prostranstve-vuza>
4. Каримова В. Г., Минюрова С. А., Валиев Р. А., Петрова Г. М. Связь эмоциональной зрелости с аккультурационными ожиданиями педагога как фактор готовности к взаимодействию с Субъектами образовательных отношений в поликультурной среде // Педагогическое образование в России. 2023г. № 4. с. 124–133. <https://pedobrazovanie.ru/images/4-2023/4-2023-124-133.pdf>
5. Дикая Л. Г., Журавлев А. Л. Психология Адаптация и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы // Издательство «Институт психологии «РАН» Российская академия наук», г. Москва — 2007г. с. 151–153. https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_20092193.pdf
6. Хасан А. Аккультурация: стратегии и последствия // Журнал гуманитарных и социальных наук — Университет Бискры, Алжир. 2014г. № 9 с. 217–223.
7. Шукла С. Основные особенности аккультурации студентов-инофонов медицинских вузов // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2015г. <https://scienceforum.ru/2015/article/2015011749>
8. Сидорина Е. В., Мишина М. С. Аккультурационный стресс и психологическая адаптация иностранных студентов: теоретический обзор исследований // Нижегородский психологический альманах. 2025г. № 1. с. 1–10. <https://s.esrae.ru/psykaf417/pdf/2025/1/504.pdf>
9. Павленко О., Аккультурация и адаптация иммигрантской молодёжи // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Образовательные программы магистратуры (Москва) Факультет социальных наук Магистерская программа «Прикладная социальная психология» Новости. 2012г. <https://www.hse.ru/ma/socpsy/news/51883820.html>

10. Аль-Башар С. Г. А. Иностранные студенты в высших учебных заведениях Российской Федерации (Обзор литературы) // Международный журнал гуманитарных и социальных наук, Университет короля Сауда, Саудовская Аравия 2024г., № 53, с. 1–21 DOI: <https://doi.org/10.33193/IJoHSS.53.2024.661> <https://www.ijohss.com/index.php/IJoHSS/article/view/661/656>
11. Иванова Г. П., Ширкова Н. Н., Логвинова О. К. Иностраный студент в российском вузе // Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», Монография, 2022 г. С. 138. <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/682434862.pdf>
12. Михайленко О. И. Проблемы адаптации иностранных студентов-психологов и педагогов к учебе в российском вузе (на примере КБГУ) // Актуальные вопросы современного образования: сборник научных трудов. 2024. № 1. с. 126–130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-adaptatsii-inostrannyh-studentov-psihologov-i-pedagogov-k-uchebe-v-rossiyskom-vuze-na-primere-kbgu>
13. Волков Ю. А., Башеров О. И., Яшина Ю. В., Фомичева Д. А. Языковой барьер и его влияние на учебный процесс иностранных студентов // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 1–1. с. 325–335. DOI 10.25726/y1999-3659-5576-a URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-barrier-i-ego-vliyanie-na-uchebnyy-protsess-inostrannyh-studentov>
14. Hofhuis Joep., Marieke Christina Van Egmond., Franziska E. Lutz., Karin von Reventlow. The effect of social network sites on international students' acculturation, adaptation, and wellbeing // *Frontiers in Communication*. — V. 8. P. 1–12. DOI:10.3389/fcomm.2023.11865272023. https://www.researchgate.net/publication/372970788_The_effect_of_social_network_sites_on_international_students'_acculturation_adaptation_and_wellbeing

ПСИХОЛОГИЯ

Методики выявления склонности к нежелательному поведению старших дошкольников

Борн Виолетта Яковлевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Забродина Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент Самарский государственный социально-педагогический университет

Статья посвящена методикам выявления отклоняющегося поведения в старшем дошкольном возрасте.

Ключевые слова: диагностика, методы, дошкольник, отклоняющееся поведение.

В среде ДОО дошкольники активно взаимодействуют друг с другом, делятся событиями, играют. Каждый ребёнок в процессе социализации занимает определённую позицию в группе. Как правило, среди воспитанников можно выделить детей с наиболее выраженными лидерскими способностями. Их манера поведения считается сверстниками, они всегда рады видеть лидеров группы. Дети, которые необщительны со сверстниками, остаются в сторонке, они играют одни, не обращая на себя внимания.

Нежелательное поведение — вид поведения, в котором манеры общения и форма поведения негативно сказываются на личности человека, атмосферы в группе. В среде ДОО нежелательное поведение детей проявляется в виде резких словесных высказываний, сопротивлению старшим, агрессивность с применением физического насилия по отношению к другим детям. Данная проблема выявления и подбора методик выявления такого поведения мало изучена. Сложность изучения состоит в подборе таких методик, которые бы показали наличие каких-либо форм отклоняющегося поведения.

Задаваясь вопросом о том, почему ребёнок не подчиняется правилам дисциплины, резко высказывается и позволяет обидеть сверстника, следует изучить семейную среду, в которой воспитывается ребёнок. Неблагоприятные условия семьи сказываются на поведении ребёнка, он копирует поведение родителей, которое не приветствуется окружением.

Среди форм проявления нежелательного поведения можно выделить агрессивность и тревожность.

Онучина Н. А. поясняет — тревожность является проявлением неблагополучия личности. Тревожные дети имеют склонность к вредным привычкам невротического характера (они грызут ногти, сосут пальцы, выдёргивают волосы, занимаются онанизмом).

Перышкова С. А. и Киселёва Д. С. пишут о том, что агрессивность как качество личности начинает складываться уже на начальных этапах становления личности.

Среди диагностических методик, позволяющих определить проявления нежелательного поведения в старшем дошкольном возрасте, можно выделить следующие:

Анкета для родителей «Ребёнок глазами взрослого» А. А. Романовой. Направлена на выявление агрессивности у ребёнка как одной из форм проявления нежелательного поведения. Она представляет собой таблицу с 19 ячейками, в которой родитель выбирает проявления поведения ребёнка в различных жизненных ситуациях. Интерпретация результатов складывается из баллов от 0 до 4. Суммируя баллы, результаты представляются в уровневой системе, где:

— 1 уровень от 0 — до 65 баллов: у ребенка нет опасности закрепления ситуативно-личностных реакций агрессии как патохарактерологических; ребенок самостоятельно овладевает собственной агрессивностью;

— 2 уровень — от 65 до 130 баллов: есть опасность закрепления агрессивных реакций как патохарактерологических, ребенку требуется помощь в овладении собственным поведением

— 3 уровень — от 130 до 195 баллов: ребенку требуется значительная психолого-педагогическая и медикаментозная помощь в овладении агрессивностью как расстройством поведения и эмоций

— 4 уровень — от 195 до 260 баллов: психолого-педагогическая помощь взрослого почти не оказывает влияние на агрессивное поведение, требуется медикаментозная помощь.

В результате проведения экспериментального исследования 2 старших групп были получены следующие результаты:

По результатам анкетирования родителей было выявлено, что 80 % родителей не замечают проявление агрессивности у своего ребёнка. А жалобы от воспитателей на неприемлемое поведение их ребёнка списывают на плохое настроение, винят себя в плохом влиянии на его эмоциональное состояние.

Лишь 20 % родителей понимают и анализируют, в каких ситуациях их ребёнок действительно способен так поступать. Они принимают помощь и прислушиваются к мнению специалистов, воспитателей.

Таким образом, данная анкета позволяет получить специалисту больше информации о внешних проявлениях агрессивности ребёнка, подтверждённой родителями /законными представителями.

Анкета «Критерии агрессивности у ребёнка» Г. П. Лаврентьева, Т. М. Титаренко. Данная анкета предоставляется воспитателю группы, в которой можно выявить детей, склонных к агрессивному поведению.

Анкета представляет собой 20 вопросов, положительный ответ на каждый оценивается в 1 балл. Суммируя баллы, результаты представляют собой 3 характеристики:

- 1 уровень: низкая агрессивность (1–6 баллов);
- 2 уровень: средняя агрессивность (7–14) баллов;
- 3 уровень: высокая агрессивность (15–20 баллов).

На основе прохождения опросника Воспитателя N1 и Воспитателя N2 старшей группы D1 (28 человек), было выявлено, что в данной группе 7 детей (25 %), баллы которых базируются на 2 и 3 уровне выявления агрессивного поведения.

По результатам опросника Воспитателя K1 и воспитателя K2 старшей группы C1 (22 человека) было выявлено 5 детей (20 %), у которых наблюдаются третий уровень выявления агрессии. Лишь 3 человека показали второй уровень.

Данная анкета необходима для сбора информации о детях специалисту, чтобы основываясь на полученных результатах выстроить ход работы и помочь адаптироваться ребёнку в детском коллективе.

Отклоняющееся поведение не всегда выражается в агрессивных формах поведения ребёнка. На момент по-

ступления в новый детский коллектив ребёнок на момент адаптации способен испытывать тревожность, которая так же может проявляться негативно. Тревожность может сопровождаться громкими криками, истериками, пугающими высказываниями, с целью своей защиты, ребёнок способен к физическому насилию и к самому себе.

Для выявления уровня тревожности можно использовать методику С. В. Веліевой «Паровозик». В качестве наглядного материала используются 8 вагончиков разных цветов. Ребёнку необходимо расставить вагоны в той последовательности, в которой он сам хочет. Фиксируются положения вагончиков в ряду, их цвет. Оценка результатов оценивается по баллам:

- **0–3 балла:** Позитивное психическое состояние (ППС).
- **4–6 баллов:** Негативное состояние (НПС) низкой степени (низкая адаптация/легкая тревожность).
- **7–9 баллов:** НПС средней степени.
- **Более 9 баллов:** Высокая степень НПС (выраженная тревожность, страхи).

В результате проведения данной методики с детьми 2 старших групп были получены следующие результаты:

24 ребёнка (48 %) двух групп показали позитивное психическое состояние, так как сумма полученных баллов была меньше 3. 16 детей (32 %) показали негативное психическое состояние низкой степени, их показатели составляли 4,5,6, баллов. 10 детей (10 %) показали негативное психическое состояние средней степени.

Данная методика позволяет специалисту выявить наличие тревожности, которая является одной из форм проявления нежелательного поведения в дошкольном возрасте.

Представленные методики представляют собой лишь часть диагностического материала предлагаемую для обследования детей дошкольного возраста. Своевременное оказание психолого-педагогической диагностики детей с формами отклоняющегося поведения позволит осуществить и выстроить план дальнейшей работы, чтобы помочь ребёнку адаптироваться в среде и скорректировать нежелательное поведение.

Литература:

1. Кочеров, А. В. Девиантное поведение как психологический феномен / А. В. Кочеров. — Текст: непосредственный // Вестник науки. — 2020. — № 2 (23). — С. 34–35. <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-kak-psihiologicheskii-fenomen-1>
2. Гаджибабаева, Д. Р. Преодоление тревожности детьми дошкольного возраста как возможность безопасного развития личности / Д. Р. Гаджибабаева. — Текст: непосредственный // Психологическая безопасность личности в изменяющемся социуме Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2018. — С. 59–61. https://elibrary.ru/download/elibrary_36978215_39334542.pdf
3. Перышкова, С. А. Агрессивность старших дошкольников как психолого-педагогическая проблема / С. А. Перышкова, Д. С. Киселева. — Текст: непосредственный // Наука и образование. — 2022. — № 4. — С. 3–6. https://elibrary.ru/download/elibrary_50364234_73113381.pdf
4. Онучина, К. С. Проблема тревожности у дошкольников / К. С. Онучина. — Текст: непосредственный // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. — 2020. — № 1. — С. 288. https://elibrary.ru/download/elibrary_44300704_86189858.pdf

Психолого-педагогическое сопровождение развития пространственных представлений у младших школьников

Бузаева Ольга Сергеевна, студент магистратуры
Самарский государственный социально-педагогический университет

Учёные Российской академии образования провели исследование, показавшее, что только у 47 % российских школьников 5–11 классов нет математической тревожности. При этом отдельные проблемы отмечаются у 28,5 % ребят, а у 24,5 % — ярко выраженная математическая тревожность (и 8 % из них требуют особого внимания) [1]. Математическая тревожность, растущая в геометрической прогрессии к средней и старшей школе, начинается ещё в младшем школьном возрасте. Это обусловлено низким уровнем сформированности пространственных представлений школьников, которые затрудняются не только определить величину и объем изучаемого предмета, но и дальность, расстояние до другого объекта. Часть детей, поступающих в первый класс, и вовсе не умеет определять направления движения, левую и правую руку. Между тем, именно от уровня сформированности пространственных представлений зависит успешность освоения многих учебных дисциплин. Пространственные представления необходимы в математической, конструкторской, технической и творческой деятельности, а их формирование должно начинаться в младшем школьном возрасте, затрагивая не только манипулирование объектами и их изучение, но и осознание схемы своего тела, осознания его расположения в пространстве. В связи с этим актуальной проблемой современной педагогики является психолого-педагогическое сопровождение развития пространственных представлений у младших школьников.

В возрастную категорию детей младшего школьного возраста, по мнению С. А. Водяха, входят дети в возрасте от 6–7 до 9–11 лет [2]. В. С. Мухина считает, что младший школьный возраст длится от 6–7 лет до 10–11 лет [3]. В данном исследовании авторы опираются на границы младшего школьного возраста, включающие в себя детей от 7 до 10 лет.

К возрастным психологическим особенностям младшего школьного возраста относятся такие психические новообразования, как произвольность, внутренний план действий, рефлексия. В этом же возрасте происходит смена социальной роли и переход в статус ученика, меняется ведущая деятельность — если в дошкольном возрасте у детей преобладает игровая деятельность, то в младшем школьном возрасте приоритетной становится учебная. У детей появляется внутренняя позиция школьника как потребность, формируются компоненты учебной деятельности и учебно-познавательный интерес. Среди особенностей высших психических функций этого возраста следует выделить доминирующее непроизвольное внимание, формирующееся коллективное внимание, словесно-логическое мышление. У младших школьников наблюдается

преобладание образной, зрительной и слуховой памяти, её пластичность и избирательность, наличие доминирующего канала восприятия. Не менее важными особенностями этого возраста являются острая потребность в общении с взрослыми, наличие учительского авторитета, зависимость от внешней оценки своих действий, развитие внутренней речи, формирование идентичности как личностного образования.

В рамках исследуемой темы целесообразно рассмотреть значение понятия «пространственные представления» в различных научных источниках. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко предлагают следующее определение понятия: «Пространственные представления (англ. *space representations*) — представления о пространственных и пространственно-временных свойствах и отношениях: величине, форме, относительном расположении объектов, их поступательном и вращательном движении и т. д. Пространственные представления — необходимый элемент познания и всей практической деятельности, особенно профессионально-технической. Степень обобщенности и схематизации пространственного образа зависит от характера пространственных свойств отражаемых объектов, задач деятельности, а также от умения человека воспроизводить пространственные свойства объектов в различной графической форме (в виде рисунка, чертежа, схемы, символической записи и т. п.)». [4, с. 374].

Н. К. Мадияров, А. А. Есалиев, Г. А. Тотикова считают, что «пространственные представления являются основой совокупности высших психических процессов, таких как чтение, письмо, счет, мышление и т. д. При пространственном представлении мысленно создаются образы явлений, действий, предметов, которые отражают пространственные отношения величины, формы, месторасположения, движения объектов» [5, с. 257].

Н. Е. Веракса утверждает: «Пространственные представления — это деятельность, включающая в себя определение формы, величины, местоположения и перемещения предметов относительно друг друга и собственного тела, относительно окружающих предметов. Пространственные представления имеют большую роль во взаимодействии человека с окружающей средой, являясь необходимым условием ориентировки в ней человека» [6, с. 33].

Е. Czaplewska, K. Bogdanowicz, K. Kaczorowska-Bray ссылаются на исследование J. Kuczyńska-Kwapisz, утверждавшего, что пространственная ориентация — это «компетентность человека в открытии окружающей среды и временных и пространственных отношений, происходящих в ней. Фундаментальное значение имеют когнитивные процессы, запас знаний, знание собственного

тела, пространственное воображение, знание об окружающей среде, работа с расстояниями и временными отношениями и т. д. Значение также имеет аспект моторики как предпосылка для преобразования концепций в практические действия» [7, с. 23].

Е. Н. Кабанова-Меллер утверждает, что пространственные представления отражают пространственные свойства и отражения предметов. Они подразделяются на образы памяти и воображения и различаются по создаваемым путям. Первые появляются в результате деятельности памяти ребёнка, а вторые создаются процессами воображения и носят воссоздающий или творческий характер [8, с. 58].

Согласно определению А. Н. Леонтьева, пространственные представления являются базовыми составляющими познавательной деятельности, образуя «ось координат», благодаря которой люди воспринимают окружающую действительность и выстраивают свой индивидуальный образ мира [9].

Таким образом, под пространственными представлениями следует понимать представления о пространственных и пространственно-временных свойствах объектов, таких как величина, форма, расположение по отношению к другим объектам, и прочие свойства. При этом уровень сформированности пространственных представлений влияет на дальнейшее взаимодействие человека с окружающей средой.

По содержанию пространственные представления классифицируются на две подгруппы, представленные Б. Г. Мещеряковым и В. П. Зинченко: представления единичных объектов или их изображений (образ чертежа); представления, отражающие общие пространственные зависимости между различными объектами (образ радиотехнической схемы, структурной химической формулы и т. п.) [4, с. 374].

Е. В. Знаменская выделяет три этапа формирования пространственных представлений у ребёнка:

1 этап — переход от манипулирования реальными объектами к созданию пространственных образов;

2 этап — понимание взаимосвязи между абстрактной геометрической формой объекта и его двумерным графическим изображением. На этом этапе ребенок учится читать и строить чертежи, создавать карты, схемы и простые модели.

3 этап — переход от двумерного изображения объекта к его трехмерному изображению в рамках геометрического пространства [10, с. 436].

Дети начинают накапливать пространственные представления в младшем школьном возрасте, взаимодействуя с трёхмерными объектами реальности, и выполняя мыслительные операции в плоскости. Так, на уроках труда дети учатся лепить из пластилина фигуры из определённой формы и величины, конструировать кубы из подручных материалов, прибегая тем самым к таким мыслительным операциям, как сравнение и, в последующем, классификация. О. Л. Вдовина утверждает: «В период

младшего школьного возраста происходят значительные изменения в психических процессах детей, в частности в плане развития их произвольности. Это создает условия для развития пространственного мышления, где основное внимание уделяется целенаправленному преобразованию пространственных представлений или образов для решения жизненных задач» [11, с. 20].

По мнению О. О. Гониной наибольшую сложность для младших школьников представляют задачи на анализ сочетания цветов, форм и величин у предметов со сложной структурой. Выполнение задач по выделению и оценке элементов сложных структур, по анализу связей между этими элементами требует хорошо развитого аналитического восприятия. Младшие школьники учатся обследовать сложные и разнообразные сочетания свойств объектов, определять определенный ритм в расположении отдельных цветовых тонов, отличать сочетания теплых цветов от сочетаний холодных оттенков и др. [12, с. 46–47].

Необходимо также обратить внимание на структуру пространственных представлений, предложенную А. В. Семенович, состоящую из следующих компонентов: пространственные представления о собственном теле; пространственные представления о взаимоотношении внешних объектов и тела (по отношению к собственному телу); уровень вербализации пространственных представлений; лингвистические представления (пространство языка) [13].

Развитие пространственных представлений у младших школьников напрямую связано с развитием речи, поэтому в данной структуре присутствует лингвистическое представление и пространство языка. Так, младшие школьники в норме уже имеют достаточный словарный запас, чтобы сопровождать свои выводы о пространстве и объектах словесно, то есть, озвучивать направления движения, свойства объекта, расстояние между ним и другими людьми, в основном с лёгкостью определяют свою правую и левую руку.

Исходя из вышесказанного, следует, что зарубежные и российские исследователи воспринимают пространственные представления как сложную когнитивную функцию, которая развивается в какой-либо деятельности. В целом в пространственных представлениях младших школьников и зарубежные, и российские исследователи выделяют две подгруппы способностей — пространственная визуализация и пространственная ориентация. Большое значение имеет речь и коммуникация между педагогом и школьником для успешного освоения пространственных представлений. Развитие и формирование пространственных представлений должно осуществляться комплексно, как в части представлений о предметах и объектах окружающего мира, так и в части представлений о схеме своего тела, расположении в пространстве и соотношения с другими субъектами общения.

Одной из специфических особенностей психолого-педагогического сопровождения развития про-

пространственных представлений у младших школьников является учёт этапов их формирования, подробно рассмотренных Д. М. Нурмагомедовым, Ш. Д. Камиловой:

- накопление пространственных признаков и отношений, их узнавание;
- воспроизведение накопленных представлений и их систематизация;
- конструирование пространственных образов;
- мысленное оперирование пространственными образами [14].

Исследователи обращают внимание, что в методике формирования и развития пространственных представлений могут использоваться специальные методические приемы, стимулирующие и направляющие данный процесс. К ним можно отнести, например, создание ситуаций, способствующих созданию целостных, обобщенных пространственных представлений; создание ситуаций, способствующих активному оперированию образами геометрических объектов, творческому конструированию новых образов геометрических конфигураций и др. на уроках математики [14].

Э. Р. Аллагулова и О. С. Мутраков утверждают, что «в изучении младших школьников выделяют две основные группы пространственных способностей: визуализация пространственных объектов и ориентация в пространстве. Первая включает в себя умение воспроизводить визуальные образы для установления отношений между элементами, а ориентация позволяет ориентироваться по местности и работать с картами и схемами» [10].

Существенный вклад в специфику психолого-педагогического сопровождения развития пространственных представлений у младших школьников сделали зарубежные исследователи. Ориентация в «схеме» своего в младшем школьном возрасте, по мнению E. Czaplowska, K. Bogdanowicz, K. Kaczorowska-Bray, должна продолжаться в обучении младших школьников пространственной ориентации в связи с детецентрацией, то есть, обучении переноса схемы собственного тела на других людей и особенностей диалога педагога и младшего школьника в этом случае [7, с. 7]. То есть, предполагается, что психолого-педагогическое сопровождение должно осуществляться комплексно, с формированием пространственных представлений, как в части предметов (величина, объем, размер), пространства (расстояние, дальность), так и тела (схема и строение тела, удалённость от других объектов коммуникации).

Carmel M. Diezmann и T. Lowrie утверждают, что повышение пространственной грамотности и формирование пространственных представлений у младших школьников должно осуществляться педагогом на нескольких комплексно: включение развития пространственных навыков в уроки по математике; развитие пространственного словарного запаса; развитие зрительной памяти; предоставление конкретных примеров; предоставление практических заданий по проблемным областям пространственных представлений; использование современных технологий 3-D [15, с. 421].

Не менее важной особенностью психолого-педагогического сопровождения развития пространственных представлений у младших школьников является пополнение словарного запаса и речевое развитие, поскольку, как уже было сказано выше, это имеет огромное значение для усвоения понятий и дальнейшего оперирования образами. Усвоение предлогов и наречий, обозначающих пространственные отношения и местоположения, прослеживается определенная последовательность [15].

Специфику развития пространственных представлений у младших школьников рассматривают также Е. К. Рыжёва, О. В. Гаврилина.

Е. К. Рыжёва утверждает, что наиболее часто используемыми заданиями для повышения уровня пространственного представления младших школьников являются:

1. Описание внешнего вида и работы с геометрическими фигурами в пространстве, с их характеристиками и свойствами (например, шар круглый и он катится, если он находится на плоскости, которая расположена под углом, или она неровная, прямоугольник не сможет стоять на ребре даже на ровной поверхности, так как будет неустойчив, и т. д.).
2. Закрашивание геометрических фигур по теме, свойству или характеристике.
3. Составление из геометрических фигур объектов реального мира.
4. Задания, в которых требуется увидеть геометрическую фигуру в предмете.
5. Задания на симметрию (когда на листе, размеченном в клетку, изображена половина объекта, состоящего из простых геометрических фигур на плоскости, а вторую половину изображения требуется симметрично дорисовать).
6. Задание на нахождение недостающих геометрических фигур, или на поиск лишних [16, с. 15].

О. С. Джафарова предлагает следующие пути формирования пространственных представлений младших школьников на уроках тематического рисования:

1. Тематические наблюдения за природой.
2. Включение в уроки тематического рисования специально разработанных методических приемов формирования пространственных представлений [17, с. 59].

Таким образом, специфика психолого-педагогического сопровождения развития пространственных представлений у младших школьников включает в себя учёт этапов формирования пространственных представлений, использование специальных методических приемов, стимулирующих и направляющих данный процесс, детецентрацию (обучение переносу) схемы собственного тела на других людей и соблюдение особенностей диалога педагога и младшего школьника в этом случае, пополнение словарного запаса и речевое развитие. Не менее важно в психолого-педагогическом сопровождении развития пространственных представлений у младших школьников осуществление комплексного подхода, предполагающего включение развития пространственных навыков в уроки по математике, развитие пространственного сло-

варного запаса, развитие зрительной памяти, предоставление конкретных примеров и практических заданий по проблемным областям пространственных представлений, использование современных 3D-технологий.

Литература:

1. Половина российских школьников побаиваются математики // Российская академия образования [сайт]. — Москва. — URL: <https://rusacademedu.ru/news/12032024-2/> (дата обращения: 10.10.2025).
2. Психология младшего школьника [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие / Урал. гос. пед. ун-т; авт.-сост. Ю. Е. Водяха, С. А. Водяха. — Электрон. дан. — Екатеринбург: [б. и.], 2018–1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Мухина, В. С. Младший школьный возраст [Текст] // Развитие личности. — № 3. — 2020. — С. 42–156.
4. Большой психологический словарь [Текст] / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. — Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. — 672 с.
5. Мадияров, Н. К. Психолого-физиологические основы формирования пространственных представлений у младших школьников при обучении математике [Текст] / Н. К. Мадияров, А. А. Есалиев, Г. А. Тотикова // Математика и математическое образование. Сборник трудов по материалам VIII международной научной конференции «Математика. Образование. Культура» (к 240-летию Карла Фридриха Гаусса). — 2017. — С. 257–262.
6. Веракса, Н. Е. Перспективное планирование воспитательно — образовательного процесса по программе «От рождения до школы». Подготовительная группа [Текст] Н. Е. Веракса. — Волгоград: Учитель, 2012. — 169 с.
7. Czaplewska E., Bogdanowicz K., Kaczorowska-Bray K. An evaluation of visual spatial orientation in preschool children // Acta Neuropsychologica. — 2009. — Vol. 7, № 1. — P. 21–32.
8. Кабанова-Меллер, Е. Н. Учебная деятельность и развивающее обучение [Текст] / Е. Н. Кабанова-Меллер. — Москва: Знание, 1981. — 96 с.
9. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. [Текст] / А. Н. Леонтьев. — Москва: 1975. — 304 с.
10. Аллагулова, Э. Р. Особенности развития пространственного мышления у младших школьников / Э. Р. Аллагулова, О. С. Матраков // Вестник науки. — № 3(84). — Том 3. URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/21869> (дата обращения: 16.03.2026).
11. Вдовина, О. Л. Формирование пространственного мышления младших школьников на уроке математики в рамках реализации ФГОС [Текст] / О. Л. Вдовина // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. — 2017. — Т. 2. — № 4. — С. 19–22.
12. Гонина, О. О. Психология младшего школьного возраста: учебное пособие [Текст] / О. О. Гонина. — Москва: Флинта: Наука, 2014. — 271 с.
13. Семенович, А. В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений [Текст] / А. В. Семенович. — Москва: Академия, 2002. — 232 с.
14. Нурмагомедов, Д. М. Проблема формирования пространственных представлений у младших школьников при обучении математике / Д. М. Нурмагомедов, Ш. Д. Камилова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки: электр.науч.журн. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-prostranstvennyh-predstavleniy-u-mladshihshkolnikov-pri-obuchenii-matematike> (дата обращения: 16.03.2026).
15. Diezmann C., Lowrie T. Primary students' spatial visualization and spatial orientation: an evidence base for instruction // Proceedings of the 33rd Conference of the International Group for the Psychology of Mathematics Education / ed. by M. Tzekaki, H. Sakonidis, M. Kaldrimidou. — Greece: PME, 2009. — P. 417–424. — URL: <https://eprints.qut.edu.au/26557/> (дата обращения: 16.03.2026).
16. Рыжёва, Е. К. Методика формирования пространственных представлений младших школьников на уроках математики / Е. К. Рыжёва, О. В. Гаврилина // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. — № 4(28). — 2021. — С. 13–15. URL: <https://elibrary.ru/tchxsv> (дата обращения: 16.03.2026).
17. Джафарова, О. С. Формирование пространственных представлений младших школьников на уроках тематического рисования [Текст] / О. С. Джафарова // Глобальный научный потенциал. — № 3(132). — 2022. — С. 57–60.

The role of emotional intelligence in academic achievement: a theoretical review

Voytova Yekaterina Sergeevna, student

Scientific advisor: Danilenko Ilya Alexandrovich, ph.d. in philology, associate professor
Belgorod State National Research University

The article examines the phenomenon of emotional intelligence in the context of its influence on the academic achievement of learners. Based on an analysis of contemporary psychological and pedagogical research, the key components of emotional intelligence are identified, and their connection with academic motivation, self-regulation, and communicative competence is traced. Methods for developing emotional intelligence in the educational environment are examined — from film training to foreign language instruction. The conclusion is drawn that the purposeful formation of emotional intelligence enhances not only the personal potential of students, but also the quality of the educational process as a whole.

Keywords: emotional intelligence, academic achievement, empathy, self-regulation, pedagogical methods, educational environment.

For a long time, it was believed that academic achievement was determined almost exclusively by the level of general intelligence. A high IQ, good memory, and the capacity for logical thinking — these were traditionally placed at the forefront. In practice, however, something different is observed: many students with high cognitive indicators experience serious difficulties in their studies, while others — far from the most “capable” in the classical sense — demonstrate stable results and high levels of engagement. This contradiction prompted researchers to turn their attention to the emotional sphere of the personality.

The concept of “emotional intelligence” was first introduced into scholarly discourse by American psychologists J. Mayer and P. Salovey in 1990–1993. By it, the scholars understood the ability to perceive and understand one’s own emotions and the emotions of others, as well as to manage them with the aim of directing thought and behavior [4, p. 31]. Somewhat later, in 1995, D. Goleman proposed the so-called “mixed” model, expanding the concept through the inclusion of self-motivation, empathy, and social skills [3, p. 196]. Today these concepts have become the starting point for an entire body of pedagogical research.

The relevance of the topic is conditioned by several circumstances. First, the contemporary educational environment is becoming increasingly demanding in terms of interpersonal communication, stress tolerance, and the ability to build cooperative interaction. Second, research in recent years records a positive correlation between the level of emotional intelligence among students and their academic achievement [4, p. 29]. Third, the educational community itself is beginning to acknowledge: knowledge without the skills of emotional regulation ensures neither the quality of learning nor successful professional activity.

Before speaking of the influence of emotional intelligence on academic achievement, it is worth clarifying what exactly is understood by this phenomenon. The models proposed by different researchers emphasize different facets of it.

The Mayer–Salovey–Caruso model distinguishes four components: the perception and expression of emotions, their use in optimizing thinking, the identification and analysis of emotional states, and the conscious management of them [3, p.

196]. This is a predominantly cognitive conception: emotions are regarded as a source of information that can and should be processed. D. Goleman went further and added to this list self-motivation, empathy, and relationship management, calling these qualities decisive for success in life and in the professions — possibly more significant than a high IQ [4, p. 30].

R. I. Izakson examines the structure of emotional intelligence as it applies to the professional activity of a teacher and identifies self-awareness, self-regulation, social sensitivity, and relationship management [2, p. 16]. Each of these components, in the author’s view, directly influences the quality of pedagogical communication: the capacity to create a trusting atmosphere, to motivate students, and to defuse conflicts before they escalate. Importantly, R. I. Izakson emphasizes that emotional intelligence is not an innate property, but a skill that is amenable to purposeful development [2, p. 17].

A somewhat different emphasis is made by O. V. Gukalenko. In her conception, the emotional intelligence of a teacher is regarded not merely as a personal quality, but as an instrument for managing the educational process and preventing professional burnout [1]. This is a fundamentally important position: if a teacher is emotionally exhausted, no methodological innovations will yield results. A high level of emotional intelligence allows the teacher to maintain a resourceful state and to transmit it to students. It is precisely in this, according to the researcher, that one of the mechanisms of emotional intelligence’s influence on academic indicators lies — through the personality of the teacher.

The question of precisely how emotional intelligence influences learning is resolved in the research literature in an ambiguous manner. Some authors focus on the motivational mechanism, others on the role of self-regulation, and still others examine this phenomenon through the lens of interpersonal relations within the study group.

The motivational aspect is addressed by R. I. Izakson: a teacher with well-developed emotional intelligence is able to awaken in students a sustained interest in the subject. This involves the emotional engagement of the teacher, their readiness for constructive feedback, and the creation of an atmosphere of psychological safety, in which a mistake is perceived not as a failure but as a step in learning [2, p. 18]. This fundamentally

changes the student's relationship to academic activity — from avoidance of failure to a striving for achievement.

The question of self-regulation is taken up by Sh. S. Sharipova and L. G. Fazilova in their analysis of emotional upbringing at school age. According to their data, children with a low level of empathy and a weak motivational-volitional sphere more frequently demonstrate deviant behavior, which inevitably affects academic indicators [5, p. 308]. The inability to manage one's own anxiety and impulsivity is regarded by the authors as a predictor not only of behavioral disturbances but also of academic failure. At the same time, it is emphasized that empathy is a skill acquired in the process of upbringing, not a biologically fixed constant [5, p. 309]. From this follows an optimistic conclusion: with appropriate pedagogical work, the level of emotional intelligence can be raised, and consequently academic results can be indirectly influenced as well.

E. V. Sizova, in her study devoted to students of a faculty of journalism, recorded a positive relationship between the level of emotional intelligence and academic achievement [4, p. 29]. Particular attention is deserved by her observation concerning the role of emotions in the process of learning a foreign language: a high level of emotional intelligence makes it possible to minimize anxiety during intercultural interaction and strengthens academic motivation [4, p. 35]. In other words, the better a student manages their emotional reactions, the more effectively they master the cultural-linguistic context that is new to them.

It should be noted that the connection between emotional intelligence and academic achievement is not linear in character, but mediated. The intermediate links are motivation, self-regulation of behavior, the quality of interpersonal relations within the study group, and the psychological climate in the classroom. This renders the problem multidimensional and requires a systemic approach from teachers.

The recognition of the fact that emotional intelligence is developable opens a broad field for pedagogical experimentation. Several directions of work have taken shape in contemporary practice.

One non-standard yet well-proven method is film training. L. V. Neklyudova developed and tested it within the framework of pre-professional psychological and pedagogical preparation of adolescents. The essence of the method is the joint viewing of a feature film followed by group discussion [3, p. 197]. The value of film training lies in its metaphorical quality: cinema creates a safe space in which an adolescent can "try on" the emotional states of others without threat to their own sense of self. According to the empirical data of L. V. Neklyudova, in the experimental group where film training was applied, the number of students with a high level of intrapersonal emotional intelligence increased by 22 %, while in the control group the same indicator declined [3, p. 208]. This constitutes a weighty argument in favor of the method.

Among other approaches, Sh. S. Sharipova and L. G. Fazilova highlight role-playing games, work with literary texts, art-therapeutic techniques, group discussions, and the keeping of emotional diaries [5, p. 311]. Each of these methods en-

gages different mechanisms: role-playing teaches one to identify and live through emotions in a hypothetical situation, literature provides ready-made models for making sense of one's own experience, and art therapy allows one to express what is difficult to put into words. Importantly, all of the enumerated techniques presuppose reflection — a conscious return to what has been experienced and its analysis.

A fundamentally different context is examined by E. V. Sizova. Her pedagogical experiment was conducted in foreign language classes: students were offered authentic emotionally rich texts of a publicistic style, through which skills of recognizing and interpreting emotions were practiced [4, p. 40]. The researcher records a positive dynamic along the parameter of empathy, though with the caveat that one or two semesters are clearly insufficient for sustainable growth of emotional intelligence. This conclusion is consistent with the general logic: skills of emotional regulation are formed slowly and require systematic, rather than episodic, work [4, p. 42].

With respect to higher education, O. V. Gukalenko insists on the necessity of a personified approach. In her view, the most effective formats for students of pedagogical specializations are socio-psychological trainings, project-based technologies, and multicultural programs that include real interaction with representatives of different cultures [1]. It is telling that 86 % of the students she surveyed regard communication in the digital environment as an instrument for broadening cultural horizons — this opens additional possibilities for developing emotional intelligence even under conditions of distance learning.

A separate question deserving consideration is that of the role of the teacher themselves. If one accepts the thesis that the emotional intelligence of a teacher directly influences the quality of the educational process, then the task of developing it becomes no less important than the task of developing emotional intelligence in students.

R. I. Izakson identifies several practical instruments for this purpose. Reflection and the keeping of an emotional diary help the teacher to become aware of their own reactions in difficult pedagogical situations. Active listening techniques — paraphrase, clarifying questions, the mirroring of feelings — allow for a deeper understanding of students and the building of trusting relationships with them [2, p. 18]. Finally, stress management and the prevention of burnout — without this, in the author's view, all other efforts lose their meaning. A teacher who is in a state of chronic emotional exhaustion is physically incapable of creating the atmosphere in which learning proceeds effectively.

O. V. Gukalenko approaches the same problem from a different angle. She points to a systemic gap: Russian pedagogical universities lack specialized courses for developing the emotional intelligence of future teachers, and the formation of this quality is still spontaneous in character rather than purposeful [1]. In her view, the development of centralized programs is necessary, encompassing all levels of continuous education — from preschool to doctoral study. This sounds ambitious; however, the logic here is simple: if emotional intelligence is

a predictor of professional success, its development must be attended to systemically, and not left to chance.

Emotional intelligence has long moved beyond the confines of psychological laboratories and has become a genuine pedagogical resource. The ability to perceive one's own and others' emotions, to manage them, and to build constructive relationships — these are not abstract virtues, but concrete skills that affect how a person learns, how they interact with the teacher and fellow students, and how they cope with the difficulties of the educational process.

The analysis of contemporary research allows several conclusions to be formulated. First, the connection between emotional intelligence and academic achievement is mediated in character and operates through the mechanisms of motivation, self-regulation, and the quality of educational interaction.

Second, emotional intelligence is developable — film training, work with literary texts, and foreign language instruction are all capable of producing measurable results, provided the work is systematic and of sufficient duration. Third, the development of the emotional intelligence of the teacher is no less important than analogous work with students: a teacher who is able to manage their own emotions and sensitively read the state of the class creates an environment in which learning becomes significantly more effective.

The question of developing standardized programs for forming emotional intelligence across different levels of education remains open. As O. V. Gukalenko rightly notes, systemic work in this direction can become a genuine mechanism for improving the quality of education — not as a declaration, but as a practical result.

References:

1. Gukalenko, O. V. (2022). Razvitie jemocional'nogo intellekta budushhih uchitelej kak instrument povyshenija kachestva vysshego pedagogicheskogo obrazovanija. Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika, 1 (6), 33–42. (In Russian).
2. Izakson, R. A. (2025). Razvitie jemocional'nogo intellekta kak komponenta psihologo-pedagogicheskoi kul'tury prepodavatelja vysshej shkoly. Akademicheskaja mysl', 332, 16–19. (In Russian).
3. Nekljudova, L. V. (2024). Kinotreningas metod razvitija jemocional'nogo intellekta uchashhihsja doprofessional'noj psihologo-pedagogicheskoi podgotovki. Problemy sovremennogo obrazovanija, 4, 196–210. (In Russian).
4. Sizova, E. V. (2023). Metody formirovanija jemocional'nogo intellekta studentov fakul'teta zhurnalistiki sredstvami inozazychnoi podgotovki. Koncept, 3, 29–45. (In Russian).
5. Sharipova, Sh. S., Fazilova, L. G. (2025). Jemocional'noe vospitanie ili kak nauchit' detej jempatii? Pedagogicheskie priomy razvitija jemocional'nogo intellekta. Vestnik nauki, 4 (384), 307–315. (In Russian).

Арт-терапия как средство психолого-педагогической коррекции девиантного поведения у подростков

Шарапов Вячеслав Викторович, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии;
Ефремова Антонина Андреевна, студентка магистратуры
Самарский государственный социально-педагогический университет

Целью статьи является поиск путей и средств коррекции отклоняющегося поведения подростков по средствам творчества. Авторами статьи проанализировано понятие девиантное поведение. Разработаны рекомендации, которые будут способствовать наиболее эффективной деятельности образовательных учреждений в данном направлении.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, терапия искусством, психокоррекция, арт-терапия.

Современная социальная и экономическая мировая ситуация заставляет даже взрослых людей чувствовать себя уязвимо и тревожно, что уж говорить о детях и тем более подростках, которые, итак, проживают, по мнению многих исследователей, наиболее сложный и критический период в жизни [7, 364]. Каждый день мы сталкиваемся с опасными явлениями в обществе и порой даже не обращаем внимания или не придаем им должного значения. Это может быть следствием перегруженности и эмоционального выгорания населения. Как результат — это может затруднять формирование и развитие личности ребенка.

Частые и острые переживания неблагоприятно воздействуют на эмоциональную сферу подростка. Современное развитие общества и изменение всех сфер жизнедеятельности человека обуславливают поведение подростков, наиболее подверженных влиянию различных факторов.

За последнее десятилетие мы можем видеть подъем преступности несовершеннолетних граждан, рост буллинга и жестокости, увеличение суицидальных попыток и намерений. Все эти проявления можно отнести к различным формам отклоняющегося поведения. Как след-

ствие мы можем говорить о росте отклоняющегося, т. е. девиантного поведения среди подростков.

Девиантным поведением называют поведение, которое отклоняется от общепринятых норм поведения. Причины такого поведения можно разделить на две группы:

1. Причины, связанные с психическими и психофизиологическими расстройствами.
2. Причины, связанные с социальными и психологическими проблемами [6, 204].

Специалистам, которые работают в детских коллективах необходимо разрабатывать и реализовывать различные психолого-педагогические занятия и программы, направленные на предупреждение и коррекцию девиантного поведения. Некоторые исследователи рассматривают арт-терапию как одну из областей коррекционной педагогики [2, 64].

Согласно определению, данному в энциклопедии под редакцией Карвасарского, в узком смысле слова, под арт-терапией подразумевается терапия изобразительным творчеством, цель которого — воздействие на психоэмоциональное состояние пациента [1, 127]. Главная ценность использования различных форм творчества в психокоррекционных целях в том, что с его помощью человек может выражать и исследовать свои эмоции и чувства.

Арт-терапия, по-другому ее называют терапия искусством, является наиболее универсальным методом работы, поскольку может использоваться как для детей из детского сада, так и для лиц пожилого возраста.

Согласно некоторым работам одним из основных принципов арт-терапии является то, что творчество целительно уже само по себе, оно не только позволяет нам снова прожить и разрешить внутренние конфликты, но также обогащает нашу душу [1, 129].

Говоря о направлении арт-терапии, как области коррекционной педагогики, в психокоррекции девиантного поведения подростков оно ориентировано на раскрытие творческого потенциала личности ребенка. Как следствие это может помочь скорректировать эмоциональные, поведенческие и когнитивные сложности.

Психолого-педагогическое направление коррекционной работы с подростками через искусство осуществляется двумя способами:

- с помощью воспитания способности эстетически воспринимать истину как в жизни, так и через произведения искусства;
- посредством деятельности, связанной с искусством (театральной, художественно-устной, музыкальной, визуальной) [2, 66].

Чаще всего терапия искусством проводится в индивидуальном формате, однако сейчас среди психологов набирает все большие обороты групповой формат работы, который позволяет также укрепить коммуникативные навыки ребят.

Арт-терапевтическая психокоррекционная работа не регламентируется жесткими временными рамками —

она может проходить и в формате нескольких встреч, и занимать довольно длительный период от нескольких месяцев до полугода и более. Резкое и неожиданное прекращение взаимодействия педагога-психолога и подростка может усугубить его состояние, поскольку оставит его в уязвимом, «незащищенном» состоянии. [2, 66].

Для полноценной и продуктивной работы в таком направлении необходимо большое разнообразие материала: бумага белая и цветная, картон, пластилин, краски, карандаши, фольга, цветные мелки, кисти, текстиль, песок и другие приспособления. Следует принимать во внимание текущее состояние клиента, необходимо предоставлять человеку самому право выбора материала и средств для работы с ним.

В своей работе педагог-психолог может использовать разные арт-терапевтические методы и технологии, к примеру, фототерапию, музыкотерапию, изотерапию, сказкотерапию, коллажирование, песочную терапию, библиотерапию, танцевальную терапию.

Особенной популярностью среди подростков пользуются коллажи. Многие подростки переживают за то, что и как они рисуют, переживают за отсутствие таланта к творчеству, и именно коллажирование позволяет им преодолеть стеснение, раскрепоститься и насладиться процессом.

Благодаря игровому характеру процесса арт-терапии, она позволяет клиенту включиться в процесс по средствам непрямого обращения к насущным проблемам, непосредственное обсуждение которых было бы слишком болезненным [2, 67].

Конечно же, для внедрения арт-терапии в образовательные учреждения необходимо создать специальные условия, перечислим основные:

1. Организовать пространство — оборудовать отдельные помещения или зоны для работы в индивидуальном формате.
2. Разработать программы занятий согласно возрасту и особенностям обучающихся.
3. Привлекать квалифицированных специалистов в данной области: психологов или педагогов с соответствующей переподготовкой.
4. Использовать, по возможности, различные техники, не останавливаясь на одной.
5. Располагать большим запасом практического инструментария — краски, глина, пластилин и многое другое.
6. Проводить мониторинг работы с целью оценки эффективности проведенной работы.

Обобщая вышесказанное, мы можем говорить о том, что использование арт-терапии во внеучебной и учебной деятельности может помочь обучающимся, склонным к отклоняющемуся поведению, раскрепоститься, поднять самооценку, укрепить и развить свои сильные навыки, а также наладить коммуникацию как с самим собой, так и с окружающим миром.

Литература:

1. Абдуева, П. К. Арт-терапия / П. К. Абдуева // *Мировая наука*. — 2018. — № 5 (14). — С. 127–129
2. Барчан, А.С., Стукаленко, Н. М. Арт-терапия как метод коррекции девиантного поведения подростков / А. С. Барчан, Н. М. Стукаленко // *Наука и реальность / SCIENCE & REALITY*. 2022. — № 1 (9) — С. 64–68.
3. Василюхин, Е. В. Особенности эмоционального развития в подростковом возрасте / Е. В. Василюхин // *Приоритетные научные направления: от теории к практике: сб. матер. XXXVIII Международ. науч.-практ. конф.* — 2017. — С. 71–74.
4. Косицина, Д. С. Психологическая характеристика подросткового возраста / Д. С. Косицина // *Новая наука и интеграционные процессы в современной системе знаний*. 2018. — С. 91–96.
5. Макарова Е. А., Воронченко А. А. Использование арт-технологий и арт-терапии для предотвращения девиантного поведения несовершеннолетних / Е. А. Макарова, А. А. Воронченко // *Национальное здоровье*. — 2024. — № 4. — С. 73–80.
6. Мельникова, М.Л., Ягодинцева, Т. Ю. Фототерапия как способ коррекции девиантного поведения школьников / М. Л. Мельникова, Т. Ю. Ягодинцева // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. — 2020. — № 12–2 — С. 204–206.
7. Панова, Т.В., Ручкова, Н. А. Социально-психологические особенности подростков «Группы риска» / Т. В. Панова, Н. А. Ручкова // *Science Time*. — 2015. — № 1(13). — С. 364–368.

Современные методы работы с подростками с нарушениями пищевого поведения

Карбаинова Анастасия Михайловна, студент
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует методы работы с подростками с нарушением пищевого поведения, выделены их особенности и сопоставлены, с учетом эффективности и особенностей применения.

Ключевые слова: подростки, расстройство пищевого поведения, ассоциальное поведение, анорексия, булимия.

В современном мире расстройство пищевого поведения является острой проблемой. Распространенность данного заболевания в мире увеличивается в последнее время: 20 % людей, страдающих расстройством пищевого поведения, совершают самоубийство. Причинно-следственными факторами являются последствия буллинга в школе, популяризации в социальных сетях эталонов красоты, возрастными кризисами, семейными проблемами [4, с. 112].

А. Н. Кузьмина указывает, что «подростковый возраст — это критический период психического развития человека, находящийся между детством и взрослостью. В отечественной психологии этот кризис рассматривается как целостное преобразование личности ребенка с появлением новых психологических образований, которые разрушают одну развивающуюся ситуацию и возникает другая, соответствующая психологической природе ребенка» [2, с. 423].

Л. С. Вербах указывает, что «подростковый возраст является сенситивным периодом для становления ценностей и норм поведения. Подросткам важно обрести навыки адекватного питания, которые помогут избежать риска формирования нарушений пищевого поведения и поддержать здоровье в долгосрочной перспективе. Опираясь на данные исследования, было обнаружено, что проблема нарушений пищевого поведения актуальна,

в зоне риска по меньшей мере находится свыше 70 % обучающихся» [1, с. 42].

Современные методы организации работы с подростками включают в себя медикаментозную терапию, психотерапию, коррекцию диеты и семейную поддержку. При этом терапия требует соблюдения комплексного подхода с привлечением к участию различных специалистов, например, как: психиатра, диетолога, невролога, гастроэнтеролога, эндокринолога, а также иных врачей при наличии необходимости.

Медикаментозная терапия назначается в зависимости от особенностей и тяжести состояния подростка. Для этого могут применяться такие категории препаратов, как: антидепрессанты; анксиолитики; нейролептики; витаминные и минеральные комплексы. Врач подбирает препараты в зависимости от возраста пациента и особенностей состояния его организма.

Психотерапия играет значимую роль в осуществлении работы с подростками с расстройством пищевого поведения. Психотерапия включает в себя: когнитивно-поведенческую терапию; семейную терапию, групповую терапию. Эффективность психотерапии зависит от индивидуальных особенностей подростка, его окружения. Терапия должна быть индивидуализированной и ориентированной на определенные потребности.

Когнитивно-поведенческая терапия позволяет идентифицировать и изменить дисфункциональные мыслительные процессы и поведение, которое направлено на поддержание расстройства пищевого поведения подростка. Терапевт в процессе работы осуществляет развития навыков эмоциональной регуляции, принятия решений подростком относительно здорового питания и в целом выстраивания позитивного отношения к пище.

Групповая терапия направлена на оказание поддержки подросткам, с учетом формирования возможности делиться опытом с другими людьми, которые страдают аналогичными проблемами, и получить в ответ поддержку. Также это позволяет сформировать взаимную поддержку.

Ю. С. Лунева указывает, что «групповая работа с подростками с НПП строится на общих принципах проведения социально-психологических тренингов, со строгим соблюдением правил конфиденциальности, уважения к участникам, ответственности, индивидуального подхода» [3, с. 238].

Семейная терапия включает в себя работы не только с пациентом, но и с его семьей для осуществления идентификации и изменений дисфункциональных семейных паттернов, которые способствовали поддержанию пищевого расстройства поведения. Целью является создание и поддержание здоровой семейной среды и профилактики возможных нарушений.

Диета является обязательным элементом в рамках терапии, в которой принимает участие диетолог. В зависимости от разновидности расстройства определяется соответствующая диетотерапия, составляется рацион. Это позволяет контролировать питание и осуществлять комплексную работу.

Семейная поддержка представляет собой оказание содействия не только подростку, но и членам его семьи. Семья и близкие, могут оказать значительную поддержку подростка, которая включает в себя: эмоциональную поддержку; помощь в установлении здоровых привычек; создание безопасной и поддерживающей среды. При этом каждый случай является индивидуальным и требуется учета в целях оценки потребностей и особенностей подростка.

Литература:

1. Вербих Л. С. Диагностика нарушений пищевого поведения среди подростков // Бизнес-трансформация: управление улучшениями. — 2024. — № 3. — С. 37–44. <https://elibrary.ru/item.asp?id=74522030>
2. Кузьмина А. Н. Особенности самоотношения у подростков с нарушением пищевого поведения // Психология, образование: актуальные и приоритетные направления исследований: Материалы международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых учёных и их наставников, посвящённой 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, Тверь, 22–23 апреля 2025 года. — Тверь: Тверской государственный университет, 2025. — С. 422–427. <https://elibrary.ru/item.asp?id=83980551>
3. Лунева Ю. С. Особенности проведения и содержательные аспекты групповой работы с подростками с нарушениями пищевого поведения // Современные проблемы подростковой медицины и репродуктивного здоровья подростков и молодежи: Сборник трудов VIII Научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 06 декабря 2024 года. — Санкт-Петербург: [б.и.], 2024. — С. 235–248. <https://elibrary.ru/item.asp?id=75129285>

О. А. Суворова указывает, что «на влияние пищевых привычек, сведения о количестве раз и частоте питания складываются из приемов пищи в кругу семьи. При этом на алиментарные привычки влияет и высокая распространенность в злоупотреблении подростками продуктов типа фастфуда, а также энергетические напитки. Высокая калорийность продуктов и их несбалансированность при частом употреблении приводит к извращению алиментарных привычек, что сказывается на нарушении работы системы организма и внутренних органов подростка и приводит к серьезным заболеваниям сердечно-сосудистой системы и желудочно-кишечного тракта» [5, с. 364].

На данный момент считается, что наиболее эффективным является психотерапевтический подход в рамках организации работы с подростками. Психотерапевтические методы включают в себя проведения семейной психотерапии, рациональную терапию, гипноз, поведенческая терапия. Комплексная работа в рамках проведения терапии позволяет создать условия для налаживания внутрисемейных отношений, создать благоприятную атмосферу внутри семьи. Осуществление совместной работы с подростком, разработка плана поведения и цели терапии лежит в основе достижения успеха. Подросток должен принимать активное участие в процессе осуществления планирования терапии и в целом работы. Это позволяет достигнуть поставленные цели, обеспечить эффективность применения методик в рамках организации работы.

Таким образом, основным средством предупреждения развития любых негативных последствий выступает предупреждение развития любых негативных процессов, которые приводят к девиации. Ранее профилактика позволяет снять остроту существующей проблемы и вернуть социальный негативный процесс в благоприятное русло. Вследствие этого требуется организация социокультурной деятельности подростка, в целях выбора ее как альтернативы девиантному поведению. Именно семья играет ключевую роль в осуществлении профилактики. При этом психологическое консультирование является одной из наиболее эффективных методик, которая позволяет не только осуществлять работу с подростком, но и с его семьей в целом.

- Петрова Л. А. Выявление расстройства пищевого поведения у подростков // Russian Journal of Education and Psychology. — 2023. — Т. 14, № 1–1. — С. 112–129. <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-rasstroystva-pischevogo-povedeniya-u-podrostkov>
- Суворова О. А. Актуальные проблемы подросткового питания // Молодежный инновационный вестник. — 2024. — Т. 13, № S1. — С. 363–364. <https://elibrary.ru/item.asp?id=68634026>

Домашняя реабилитация: пять развивающих игр, которые можно интегрировать в занятия на ходунках

Куприн Дмитрий Филиппович, магистр психологии, нейропсихолог, директор
ООО НПО «Центр современной нейропсихологии К-37» (г. Заречный, Свердловская обл.)

В статье рассматриваются особенности организации домашней реабилитации детей с двигательными нарушениями в условиях Российской Федерации с акцентом на использование ходунков как средства развития мобильности и самостоятельности. Обосновывается целесообразность интеграции игровых технологий в структуру реабилитационных занятий, направленных на формирование навыков ходьбы, равновесия, координации и пространственной ориентировки. Представлена характеристика пяти развивающих игр, адаптированных для применения в домашних условиях с учетом доступности, вариативности и возможности включения родителей в реабилитационный процесс.

Ключевые слова: домашняя реабилитация, детский церебральный паралич, двигательные нарушения, ходунки, игровая деятельность.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в Российской Федерации последовательно усиливается внимание к системе ранней помощи, комплексной реабилитации и абилитации детей с двигательными нарушениями, включая нарушения, затрудняющие формирование навыков вертикализации, опоры и самостоятельного передвижения. На государственном уровне подчеркивается высокая потребность детей-инвалидов именно в мероприятиях медицинской реабилитации, а семейно-ориентированные модели помощи рассматриваются как важнейшее условие непрерывности восстановительного процесса. В действующих методических и концептуальных документах Российской Федерации акцентируется необходимость сопровождения не только ребенка, но и семьи, поскольку эффективность вмешательства во многом определяется регулярностью занятий в естественной домашней среде. Одновременно современные клинические и научные источники показывают, что при двигательных нарушениях наибольший эффект дают не эпизодические курсы, а повторяющаяся, целенаправленная, активная, функционально значимая практика, встроенная в повседневную жизнь ребенка. Для развития ходьбы и связанных с ней навыков особенно важны задания, ориентированные на реальные двигательные цели, участие ребенка, многократное повторение и эмоциональную включенность, а именно эти условия наиболее органично достигаются через игру.

Проблема исследования состоит в том, что в отечественной практике домашняя реабилитация детей, использующих ходунки, нередко строится либо по чрезмерно медицинской модели, где доминирует механическое

выполнение упражнений, либо, напротив, по бытовому принципу без четкой реабилитационной логики, дозировки нагрузки и критериев результата.

Цель исследования заключается в научном обосновании содержания домашней реабилитации ребенка с двигательными нарушениями посредством разработки и описания пяти развивающих игр, интегрируемых в занятия на ходунках, направленных на совершенствование опорной функции, шаговой активности, постурального контроля, сенсомоторной координации, ориентировки в пространстве и мотивации к самостоятельному движению в условиях семьи.

Практическая значимость исследования определяется возможностью непосредственного использования предложенных игровых форм в домашних условиях Российской Федерации без сложного переоборудования жилого пространства и без высокой зависимости от дорогостоящих технических средств.

К числу ученых, чьи работы имеют значение для раскрытия темы, относятся российские исследователи и клиницисты Т. Т. Батышева, С. А. Немкова, В. Г. Болдырев, а также авторы современных отечественных работ, посвященных комплексной реабилитации и развитию двигательных способностей детей. В международном научном поле существенный вклад внесли Iona Novak, Catherine Morgan, Peter Rosenbaum, Mary Jackman, Lorraine Sakzewski и другие исследователи, доказавшие значение активной, дозированной, целеориентированной и семейно-центрированной помощи детям с церебральным параличом и иными двигательными ограничениями. Именно их научные позиции позволяют рассматривать домашнюю ре-

билитацию не как вынужденное дополнение к учрежденческой помощи, а как самостоятельный, содержательно насыщенный и доказательно значимый сегмент восстановительного процесса.

Тема домашней реабилитации детей с двигательными нарушениями, использующих ходунки, в современной России приобретает особую значимость в связи с развитием системы ранней помощи, комплексной реабилитации и семейно-центрированного сопровождения. Российские методические документы в сфере ранней помощи прямо исходят из того, что помощь ребенку должна быть непрерывной, а семья рассматривается не как пассивный наблюдатель, а как ключевой участник реабилитационного процесса. Это означает, что домашняя среда перестает быть лишь местом проживания и превращается в пространство, где ежедневно закрепляются двигательные навыки, формируется уверенность в движении, развивается инициатива и уменьшается зависимость ребенка от постоянной внешней поддержки. В этом контексте занятия на ходунках имеют ценность не только как средство тренировки ходьбы, но и как инструмент развития активности, самостоятельности и включенности ребенка в обычную жизнь семьи.

В российской практике ходунки чаще всего используются у детей с детским церебральным параличом, последствиями перинатального поражения центральной нервной системы, миелодисплазией и рядом других состояний, при которых сохранено или потенциально достижимо передвижение с дополнительной опорой. Отечественные обзоры подчеркивают, что ранняя и систематическая реабилитация помогает своевременно формировать двигательные навыки, предупреждать вторичные осложнения гиподинамией и расширять участие ребенка в повседневной жизни. Одновременно международные обзоры показывают, что наилучшие результаты дают не пассивные процедуры сами по себе, а активная, задачеспецифическая, повторяемая практика, когда ребенок многократно выполняет осмысленное действие в функциональном контексте. Поэтому простое «походить в ходунках по комнате» обычно менее эффективно, чем игровая деятельность, в которой движение имеет понятную цель, эмоциональный смысл и внешне привлекательный сюжет [1, с. 25].

Для условий Российской Федерации особенно важно, что домашняя реабилитация должна быть реалистичной и доступной. Не каждая семья имеет возможность ежедневно посещать центр, оплачивать интенсивные занятия или использовать сложное оборудование. Именно поэтому наиболее жизнеспособными оказываются игровые модели, которые строятся на обычных домашних предметах, легко повторяются, не требуют дорогого оснащения и могут быть встроены в привычный режим дня. Такой подход соответствует и российской логике маршрутизации помощи, где подчеркиваются преемственность этапов, участие семьи и необходимость создания развивающей среды вокруг ребенка. На практике это означает,

что специалист задает цель, например, улучшение переноса массы тела, увеличение длины маршрута, повышение устойчивости при повороте, а родители реализуют ее в форме игры, не превращая занятие в однообразную механическую тренировку.

Первая развивающая игра, которую целесообразно интегрировать в занятия на ходунках дома, может быть названа «Маршрут к сокровищу». Ее сущность состоит в том, что в квартире создается короткий, безопасный, визуально понятный путь от одной точки к другой: от стула к столу, от коврика к полке, от двери к коробке с игрушкой. По мере продвижения ребенок должен дойти до конечной цели и получить предмет, который для него значим: музыкальную игрушку, карточку, мяч, наклейку, небольшую книжку. Реабилитационный смысл такой игры заключается в формировании инициативной ходьбы, удержании внимания на маршруте, тренировке прямолинейного продвижения и дозированного увеличения дистанции. Для ребенка раннего возраста в России, особенно при домашнем формате занятий, это одна из самых удобных моделей, потому что родители могут использовать простые ориентиры: следы из бумаги, цветные круги, ленточки на полу, безопасные конусы из пластиковых стаканов. Если ребенок находится на начальном этапе освоения ходунков, маршрут делают очень коротким, с минимальным количеством поворотов. Если уровень выше, добавляют обход препятствия, остановку в промежуточной точке или перенос легкого предмета. Характерной особенностью игры является то, что она тренирует не «ходьбу вообще», а достижение конкретной цели, а именно такой формат признан одним из наиболее перспективных в реабилитации детей с двигательными нарушениями.

В российских домашних условиях эта игра особенно полезна тем, что помогает семье перейти от установки «нужно заставить ребенка пройти сколько-то метров» к установке «нужно организовать мотивирующее действие». Например, в обычной городской квартире можно выстроить маршрут «дойди до коробки с кубиками», в частном доме — «доедь до стола, где лежат картинки животных», в семье с несколькими детьми — «приди и передай брату жетон». Тогда ходунки становятся не символом ограничения, а средством участия в общей активности. По данным современных работ, участие семьи и смысловое включение ребенка в деятельность повышают устойчивость реабилитационной программы и облегчают перенос навыка в повседневную жизнь [2, с. 47].

Вторая игра может быть обозначена как «Почтальон». Ребенку предлагают доставлять карточки, небольшие мягкие игрушки, легкие кубики или цветные конверты из одного пункта в другой. Один взрослый может находиться в начале маршрута, другой — в конце, либо используются две коробки с метками. На первый взгляд это простая бытовая игра, но с точки зрения реабилитации она решает сразу несколько задач: развивает устойчивость в положении стоя с опорой, тренирует контроль корпуса при остановке, стимулирует переключение внимания,

укрепляет мотивацию к повторным проходам и формирует навык начала и завершения действия. Для российских условий эта игра ценна тем, что она легко адаптируется под образовательные и логопедические цели: можно переносить буквы, цифры, картинки с животными, цвета, предметы по тематике «овощи», «транспорт», «одежда». Тем самым двигательная задача объединяется с речевым и познавательным развитием. Отечественные и зарубежные работы все чаще подчеркивают, что эффективность возрастает, когда двигательная нагрузка сочетается с когнитивным компонентом, а не существует изолированно.

Пример из российской бытовой практики может выглядеть так: ребенку 4 лет с двигательными ограничениями предлагают в ходунках перенести по одному «письму» к игрушечному почтовому ящику. После каждого прохода взрослый открывает конверт и называет изображенный предмет. В результате ребенок выполняет серию повторных перемещений, не воспринимая их как однотипную лечебную нагрузку. Если целью является развитие поворотов, ящик ставят сбоку. Если важнее прямолинейное продвижение и контроль шага, маршрут строят по прямой. Если требуется увеличить время активности, используют несколько адресатов. Важная характеристика этой игры состоит в том, что она дозируется очень точно: можно менять число «доставок», расстояние, вес предмета, скорость и объем помощи взрослого.

Третья игра — «Собери урожай». В разных частях комнаты размещаются безопасные крупные предметы: мягкие овощи, текстильные фрукты, цветные мешочки, мячи, крупные детали конструктора. Ребенок на ходунках перемещается по помещению и «собирает» предметы в корзинку или контейнер, закрепленный на ходунках либо расположенный в финальной точке маршрута. С реабилитационной точки зрения эта игра особенно полезна для тренировки остановки, удержания равновесия, переноса внимания, приближения к объекту и точного позиционирования ходунков перед захватом. В российской семье эта игра удобна еще и потому, что в нее легко включаются сезонные, культурные и бытовые сюжеты: «собираем яблоки», «готовим суп», «убираем игрушки», «спасаем зверей». Тем самым реабилитация становится частью знакомого ребенку смыслового поля, а не внешней процедурой. Современные обзоры по детской реабилитации подчеркивают значимость функциональной активности именно в естественной среде, поскольку это улучшает перенос эффекта за пределы кабинета специалиста [3, с. 12].

Характеристика этой игры в контексте России заключается в ее высокой вариативности при низкой стоимости. В большинстве семей можно обойтись домашними предметами: тканевыми салфетками, пластиковыми контейнерами, мячами, мягкими кубиками. Для ребенка с более выраженными ограничениями предметы размещают ближе и на удобной высоте. Для ребенка с лучшим контролем добавляют необходимость выбрать только предметы одного цвета или формы. Тогда игра развивает не

только движение, но и сенсорную дифференциацию, понимание инструкции, элементы классификации. Именно это делает подобные игровые модели перспективными для домашней междисциплинарной работы, когда одна и та же активность одновременно решает задачи физической терапии, эрготерапевтического сопровождения и общего развития.

Четвертая игра — «Светофор». Взрослый показывает карточки зеленого, желтого и красного цвета или включает соответствующие сигналы на планшете, телефоне, лампе. На зеленый цвет ребенок начинает движение в ходунках, на желтый замедляется, на красный останавливается. В дальнейшем можно добавлять команды «поверни направо», «доедь до кружка», «обойди стул», «вернись назад на полшага», если это безопасно и рекомендовано специалистом. На первый взгляд игра напоминает обычное развлечение, но ее ценность очень велика: она формирует управление началом и прекращением движения, тренирует произвольную регуляцию, контроль темпа, внимание к сигналу и устойчивость при остановке. Для детей с неврологическими нарушениями именно момент контролируемой остановки нередко является сложнее, чем само продвижение вперед. В российских условиях эта игра полезна еще и как подготовка к бытовой ориентировке: остановиться перед порогом, дверью, столом, человеком, игрушкой. Такой перенос в реальные жизненные ситуации особенно важен для семейной реабилитации [4, с. 26].

Практический пример может быть следующим: мать показывает круги из цветного картона, а ребенок 5 лет в ходунках должен по сигналу начать движение от ковра к дивану, затем остановиться у метки, дождаться новой команды и продолжить путь. После освоения базового варианта вводится второй уровень: на зеленый — ехать к игрушке, на красный — остановиться, на синий — назвать изображение на карточке. Это уже сочетание двигательной и когнитивной нагрузки, которая, по современным данным, может положительно влиять на баланс, скорость ходьбы и функциональную активность у детей с церебральным параличом.

Пятая игра — «Музыкальная дорожка». На полу размещают несколько безопасных ориентиров: круги, коврики, следы, мягкие модули. Во время музыки ребенок движется в ходунках по дорожке, а когда музыка останавливается, он должен остановиться у ближайшей метки. Затем взрослый предлагает выполнить действие: хлопнуть, показать картинку, назвать животное, дотронуться до игрушки, поздороваться с членом семьи. Эта игра особенно ценна тем, что развивает ритм движения, удержание направления, адаптацию к смене условий и эмоциональную вовлеченность. Для многих российских семей именно музыкальный компонент является мощным мотиватором, особенно в раннем и дошкольном возрасте, когда ребенок легче включается в задание через песню, знакомую мелодию или ритмический счет. Исследования непрерывной и персонализированной реабилитации показывают, что мотивация, участие семьи и цифровая поддержка спо-

собны усиливать регулярность занятий и динамику функциональных показателей.

Если рассматривать эти пять игр не изолированно, а как систему, становится видно, что каждая из них развивает разные компоненты ходьбы и двигательной самостоятельности. «Маршрут к сокровищу» преимущественно направлен на инициативу движения и прохождение дистанции. «Почталон» усиливает многократное повторение целевого маршрута и добавляет коммуникативно-познавательный компонент. «Собери урожай» развивает ориентацию в пространстве, точное позиционирование и устойчивость в момент приближения к объекту. «Светофор» формирует произвольную регуляцию начала и остановки движения. «Музыкальная дорожка» поддерживает ритм, вариативность и эмоциональную вовлеченность. В совокупности они создают модель домашней реабилитации, в которой ходунки перестают быть только вспомогательным устройством и становятся платформой для комплексного развития двигательной активности ребенка. Такой подход хорошо согласуется с современным научным представлением о том, что реабилитация должна повышать не отдельный показатель, а участие ребенка в реальной жизни.

Для России важна еще одна характеристика: домашняя реабилитация должна быть не только эффективной, но и устойчивой в длительной перспективе. Семья быстро устает от однотипных упражнений, а ребенок теряет интерес к заданиям, не имеющим игрового смысла. Поэтому игровые технологии в домашнем формате следует рассматривать не как «упрощение» терапии, а как способ сохранить объем повторений, снизить эмоциональное напряжение и сделать занятия регулярными. Российские документы по ранней помощи и сопровождению семьи фактически задают именно такую логику: помощь должна

быть адресной, встроенной в повседневность и ориентированной на реальные жизненные функции ребенка.

При этом необходимо подчеркнуть, что занятия на ходунках дома должны проводиться только в безопасных условиях и желательно после подбора устройства и базовых рекомендаций специалистом по реабилитации, физическим терапевтом или врачом. Неправильно подобранная высота, избыточная дистанция, перегрузка, скользкий пол, резкие повороты и неудобная обувь могут снижать полезность занятий. Домашняя игра эффективна не тогда, когда ребенок просто дольше находится в ходунках, а тогда, когда у нее есть ясная цель, дозировка и понятный критерий успеха: пройти до трех меток, сделать пять доставок, остановиться по сигналу без потери устойчивости, собрать четыре предмета, пройти маршрут с одним поворотом. Такой формат делает домашнюю реабилитацию более профессионально организованной, но при этом сохраняет ее естественность и доступность [5, с. 47].

Таким образом, в условиях Российской Федерации домашняя реабилитация с использованием ходунков имеет наибольшую перспективу тогда, когда строится на семейно-центрированном, функциональном и игровом подходе. Пять описанных игр представляют собой не набор развлечений, а модель целенаправленного развития ходьбы, равновесия, координации, внимания и самостоятельности. Их ценность состоит в доступности, адаптивности, возможности ежедневного повторения и высоким потенциале переноса навыков в бытовую жизнь. Именно поэтому интеграция развивающих игр в занятия на ходунках может рассматриваться как одно из наиболее практичных и содержательно оправданных направлений домашней реабилитации детей с двигательными нарушениями в современной российской системе помощи.

Литература:

1. Букреева Е. А., Седненкова Т. А., Сергеенко Е. Ю. и др. Реабилитация детей с церебральными параличами, страдающих эпилепсией: оценка эффективности и безопасности / Е. А. Букреева, Т. А. Седненкова, Е. Ю. Сергеенко и др. // Лечащий врач. — 2020. — № 10. — С. 24–27.
2. Ключкова О. А. Общие принципы реабилитации пациентов с детским церебральным параличом / О. А. Ключкова // Вопросы современной педиатрии. — 2024. — № 3. — С. 45–52.
3. Колесникова Е. В. Детский церебральный паралич: современное состояние проблемы и подходы к лечению / Е. В. Колесникова // Российский журнал детской неврологии. — 2024. — № 1. — С. 5–12.
4. Немкова С. А., Болдырев В. Г. Ранняя дифференциальная диагностика и восстановительное лечение пациентов с детским церебральным параличом / С. А. Немкова, В. Г. Болдырев // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. — 2024. — № 1. — С. 24–30.
5. Эргашева М. Я. Актуальные аспекты реабилитации детей с детским церебральным параличом / М. Я. Эргашева // Международный научный журнал. — 2025. — № 2. — С. 45–49.

Психологическое консультирование подростков, испытывающих негативное влияние идеализированного контента в социальных сетях

Норова Азиза Умаровна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье автор исследует проблемы негативного влияния идеализированного контента социальных сетей на психологическое развитие подростков.

Ключевые слова: идеализированный контент, социальные сети, подростки, психологическое консультирование, самооценка, идентичность, цифровая гигиена.

Сегодня социальные сети стали ключевым элементом жизни современных подростков, выступая не просто средством коммуникации, но и важным инструментом формирования мировоззрения, самооценки и системы ценностей. Особую тревогу вызывает распространение так называемого «идеализированного контента» тщательно отредактированных изображений и видео, демонстрирующих безупречную внешность, роскошь и непрерывный успех.

Постоянное сравнение собственной реальности с этими искусственными эталонами нередко приводит к серьезным психологическим проблемам: росту неуверенности, тревожности, недовольству своей внешностью [3, с. 333; 12, с. 44]. В связи с этим, разработка эффективных методов психологической помощи подросткам становится крайне актуальной задачей.

Хотя влияние социальных сетей на психику активно изучается (существуют теории социального сравнения, возрастной психологии), мы наблюдаем противоречие: понимая масштаб проблемы, специалисты до сих пор испытывают недостаток в конкретных, апробированных методиках консультирования для данной категории [1, с. 33; 7, с. 99].

Цель работы — разработка и теоретическое обоснование программы психологической помощи подросткам, сталкивающимся с негативным воздействием идеализированного контента.

Задачи: определить психологические особенности подросткового возраста, обуславливающие уязвимость перед влиянием соцсетей; выявить основные механизмы воздействия идеализированного контента на психику; проанализировать существующие подходы к консультированию; сформулировать рекомендации по построению коррекционной программы.

Гипотеза заключается в том, что помощь будет эффективнее, если она носит комплексный характер: включает работу с мыслями (критическое мышление), эмоциями (принятие себя) и поведением (цифровая гигиена) [11, с. 631; 13, с. 222].

Практическая значимость: материалы могут быть использованы психологами в школах и центрах для проведения занятий с подростками и их родителями.

В своей работе мы определяем «идеализированный контент» как специально созданный, часто подвергнутый цифровой обработке материал, который транслирует преувеличенно позитивные, доведенные до «совершенства»

стороны жизни, внешности или отношений, не соответствующие повседневной реальности.

Психологическая суть этого феномена двойственна. С одной стороны, это «цифровая сказка», дающая эстетическое удовольствие. С другой — это мощный инструмент формирования искаженной картины мира, так называемой «культуры идеальности», где скрываются трудности и изъяны. Ключевыми чертами такого контента мы считаем: искусственность (результат монтажа и отбора), нормативность (навязывание стандартов) и эмоциональную односторонность (демонстрация только успеха) [3, с. 333; 11, с. 80]. Основная цель такого контента — создание «разрыва» между идеальной картинкой и реальным опытом зрителя [4, с. 17].

Подростковый возраст (11–17 лет) является критическим периодом для формирования личности, что делает эту группу особенно уязвимой. Мы выделяем несколько ключевых факторов: эмоциональность восприятия: информация часто воспринимается через призму чувств, минуя рациональный анализ; ориентация на сверстников: мнение референтной группы становится важнее родительского, а соцсети материализуют это одобрение в виде «лайков» [5, с. 122]; «воображаемая аудитория»: подростку кажется, что он постоянно находится в центре внимания, что заставляет его стремиться к идеальной самопрезентации [6, с. 120]; формирование самооценки: в этом возрасте самооценка зависит от внешней обратной связи, что делает подростка зависимым от реакции виртуального окружения [15, с. 80]. Эти особенности создают «идеальную почву» для усвоения искаженных стандартов, транслируемых в сети.

Систематическое потребление «идеальной» картинки запускает разрушительные психологические механизмы.

Во-первых, это механизм социального сравнения. Согласно теории Л. Фестингера, человек оценивает себя через сравнение с другими. Соцсети подталкивают к «восходящему сравнению» (сравнению с теми, кто «лучше»), что почти всегда заканчивается чувством неполноценности [13, с. 222; 14, с. 309].

Во-вторых, интериоризация стандартов. Подросток начинает воспринимать навязанные стандарты внешности и успеха как единственно верные, что порождает внутренний конфликт между «реальным Я» и «должным Я» [11, с. 631].

В-третьих, объективация и внешняя валидация. Самооценка ставится в зависимость от количества лайков

и подписчиков. Формируется хрупкая, нестабильная самооценка, а реальные чувства подменяются погоней за виртуальным одобрением [12, с. 44].

Анализ литературы показывает, что зарубежные и отечественные ученые сходятся в выводах о негативном влиянии соцсетей. Зарубежные исследования (Хаферкамп, Фогель) фокусируются на теории социального сравнения и феномене FOMO (страха упустить возможность), подтверждая связь пассивного просмотра ленты с депрессией и тревогой [13, с. 222; 14, с. 309].

Отечественная психология (С. А. Баклуновская, И. С. Кон) акцентирует внимание на трансформации идентичности, разрыве между «цифровым аватаром» и реальным «Я», а также проблемах коммуникации [6, с. 120; 15, с. 80]. Эмпирические исследования фиксируют негативные корреляции между интенсивностью использования соцсетей и уровнем субъективного благополучия у подростков [1, с. 33].

Консультирование подростков требует особого подхода. Часто клиенты приходят по настоянию родителей, что создает сопротивление. В своей работе мы считаем важным опираться на принципы конфиденциальности (за исключением угрозы жизни) и безоценочного принятия. Психолог должен выступать не как «воспитатель», а как проводник, помогающий подростку осознать свои истинные, а не навязанные соцсетями, потребности [2, с. 101; 9, с. 77].

Для работы с данной проблемой эффективны методы когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) для коррекции искажений, арт-терапия для работы с образом «Я» и обязательное взаимодействие с семейной системой [7, с. 99; 8, с. 125].

Стратегической целью нашей работы мы видим формирование устойчивой, не зависящей от внешних оценок самооценки.

Для этого решаются задачи в трех направлениях:

1. Когнитивное: научить «деконструировать» контент (понимать, где ретушь, а где реальность), выявлять и заменять автоматические мысли типа «Я хуже всех» на реалистичные [10, с. 77; 11, с. 633].

2. Эмоциональное: снизить тревогу, обучить техникам саморегуляции (дыхание, заземление), нормализовать чувство стыда за свое несовершенство.

3. Поведенческое: внедрить «цифровую гигиену» (аудит подписок, ограничение времени), расширить деятельность в реальной жизни (хобби, спорт), развить навыки самоподдержки [11, с. 633].

Наиболее эффективным является интегративный подход, сочетающий несколько школ: когнитивно-поведенческий подход (КПТ): используется для работы с автоматическими мыслями («Я неудачник») и поведенческими экспериментами. Техника когнитивного реструктурирования помогает выявить и заменить дисфункциональные убеждения на более адаптивные [10, с. 77; 13, с. 222]; гуманистический подход (К. Роджерс): создает условия для безусловного принятия, что особенно ценно для подростка, привыкшего к оценке в сети. Это помогает развитию са-

мопринятия [9, с. 77]; нарративный подход: позволяет «отделить проблему от человека». Вместо «Я плохой», мы говорим «Как история об идеальной жизни в соцсетях влияет на тебя?». Это помогает переписать негативный сценарий [14, с. 309]; системно-семейный подход: важен для вовлечения родителей в процесс, коррекции их ожиданий и создания надежной поддержки вне виртуального мира [6, с. 121].

Основываясь на теории, мы предлагаем следующие конкретные шаги для психолога:

1. На этапе диагностики: использовать не только опросники, но и проективные методики (коллаж «Я реальный и Я идеальный»), анализировать цифровые привычки подростка.

2. Когнитивные техники: практика «деконструкции образа» (вместе с подростком искать следы фотошопа и коммерческий интерес блогера), ведение дневника сравнений [2, с. 101; 11, с. 630].

3. Эмоциональные техники: упражнение «Эмоциональный барометр» (отслеживание настроения до и после просмотра ленты), арт-терапия «Мои настоящие ценности».

4. Поведенческие изменения: «цифровая уборка» (отписка от токсичных аккаунтов), техника осознанного скроллинга (вход в сеть с конкретной целью), поощрение офлайн-активностей.

5. Работа с родителями: просвещение о механизмах влияния соцсетей, выработка семейных правил экранного времени [7, с. 99].

В ходе теоретического исследования мы пришли к выводу, что проблема влияния идеализированного контента на подростков носит системный характер. Воздействие осуществляется через механизмы социального сравнения и интериоризации недостижимых стандартов [13, с. 222; 14, с. 309], что приводит к снижению самооценки, росту тревожности и нарушению формирования идентичности [1, с. 33; 3, с. 333].

Особенности подросткового возраста (эмоциональность, зависимость от группы) делают их наиболее уязвимой группой [5, с. 122; 6, с. 120]. Проведенный анализ показал, что эффективная помощь невозможна без интеграции различных психологических подходов. Наиболее перспективной мы считаем модель, сочетающую КПТ для коррекции убеждений [10, с. 77], нарративную практику для формирования здоровой идентичности [14, с. 309] и системную работу с семьей.

Разработанные практические рекомендации направлены на формирование у подростков критического мышления, навыков саморегуляции и здоровых цифровых привычек. Мы считаем, что именно комплексный подход позволяет не просто снизить негативное влияние соцсетей, но и превратить их использование в более осознанный и безопасный процесс.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в создании специализированных диагностических методик для данной проблемы и разработке профилактических программ для образовательных учреждений.

Литература:

1. Байтерякова А., Вдовцева Ю. Негативное влияние социальных сетей на подростков // Теория и практика современной науки. 2016. № 12–1 (18) С. 33–34.
2. Белова Е. В. Индивидуальное психологическое консультирование как помогающие отношения // Форум молодых ученых. 2017. № 6 (10).
3. Глухих С. И. Подростковые комплексы, связанные с внешностью: профилактика и коррекция // Социальная педагогика. 2011. № 4. С. 333–335.
4. Клеманс М., Далманс, С., Карбат, И., Аншютц, Д. (2016). Идеальная картинка: прямое влияние обработанных фотографий в Instagram на образ тела у девочек-подростков. Медийная психология. С. 1–17.
5. Кожогелдиева М. А. влияние социальных сетей на психоэмоциональное состояние подростков // Эпоха науки. 2024. № 40. С. 12–122.
6. Кон И. С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. С. 120–129.
7. Кулаченко М. П. Психологическое консультирование подростков с компьютерной аддикцией // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2019. № 26–3.
8. Линевиц Е. Н. Интернет-зависимость как социально-психологическая и педагогическая проблема // Вестник науки. 2025. № 1 (82).
9. Папура А. А. Формирование уверенности в себе у подростков // Вестник ТГПУ. 2010. № 5.
10. Романова Т. Е. Влияние социальных сетей на молодежь // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 11.
11. Тиггеманн М., Слейтер А. (2013). Международный журнал по расстройствам пищевого поведения NetGirls: Интернет, Facebook и обеспокоенность образом тела. С. 630–633.
12. Фардули, Дж., Дидрикс, П. К., Вартанян, Л. Р., и Холлиуэлл, Э. (2015). Социальные сравнения в социальных сетях: влияние Facebook на обеспокоенность образом тела и настроение у молодых женщин. С.38–45.
13. Фогель, Э. А., Роуз, Дж. П., Робертс, Л. Р., и Эклс, К. (2014). Социальное сравнение, самооценка и социальные медиа: мета-анализ. Психология популярной медиа-культуры. С. 206–222.
14. Хаферкамп, Н., Кремер, Н. К. (2011). Социальное сравнение 2.0: изучение влияния онлайн-профилей в социальных сетях. Киберпсихология, поведение и социальные сети. С. 309–314.
15. Шураева О. В., Ефанова М. И. Склонность к интернет зависимому поведению у подростков с разной сиблинговой позицией // Вестник магистратуры. 2023. № 10–2 (145). С. 80–86.

Влияние социальных сетей на формирование личности и психологическое благополучие подростков

Олейник Наталья Николаевна, учитель начальных классов
МБОУ СОШ № 15 имени Героя Советского Союза С. Д. Малого г. Ейска МО Ейский район (Краснодарский край)

В рамках данного исследования проведён анализ актуальных научных публикаций 2025–2026 годов, посвящённых изучению воздействия социальных медиа на подростковую аудиторию. Рассмотрены ключевые механизмы влияния цифровой среды на процессы становления идентичности, динамику самооценки и общее психоэмоциональное состояние. Особое внимание уделено дифференциации воздействия различных платформ, учёту гендерных и возрастных особенностей, а также роли социальной поддержки в нивелировании потенциальных негативных эффектов онлайн-активности. Основная цель статьи заключается в систематизации современных эмпирических данных о влиянии социальных сетей на подростков и разработке превентивных мер. В заключении представлены практико-ориентированные рекомендации для родителей, педагогов и специалистов в области психологии.

Ключевые слова: подростки, социальные сети, цифровая социализация, идентичность, психическое здоровье, самопрезентация, родительская медиация.

1. Введение

Современные подростки растут в условиях глубокой интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь. Согласно данным Американской академии детской и подростковой психиатрии:

- 90 % подростков 13–17 лет используют социальные сети,
  - 75 % имеют как минимум один активный профиль,
  - 51 % заходят в социальные сети ежедневно.
- В России, по данным исследований 2025 года, интернет-активность подростков также демонстрирует устой-

чивый рост, при этом социальные сети становятся не просто средством коммуникации, но и пространством для личностного становления.

Подростковый возраст представляет собой критический период развития, характеризующийся формированием идентичности, самосознания и системы ценностей. Как отмечал Д. Б. Эльконин, это период «открытия своего Я», когда подросток начинает сравнивать себя с другими и вырабатывать собственную систему ценностей.

Значимость настоящего исследования продиктована амбивалентным характером воздействия социальных медиа. Они предоставляют платформы для самопрезентации, формирования социальных связей и получения информации, однако одновременно сопряжены с угрозами для психоэмоционального состояния, включая повышение уровня тревожности, возникновение депрессивных состояний, снижение самооценки и формирование аддиктивного поведения. Предметом данной публикации является систематизация актуальных научных изысканий, посвященных влиянию социальных сетей на подростковую аудиторию, и разработка практических рекомендаций, направленных на нивелирование выявленных рисков.

2. Теоретические основы исследования

2.1. Подростковый возраст как период формирования идентичности

В классической психологии формирование идентичности рассматривается как центральная задача подросткового возраста. Э. Эриксон определял эго-идентичность как субъективное чувство целостности личности, включающее отождествление и ее признание значимым окружением. Дж. Марсия предложил модель статусов идентичности, основанную на двух критериях: исследовании (экспериментирование с различными ролями) и приверженности (принятие решений в ключевых сферах).

Современные исследователи, в частности Э. Крочетти, расширили эту модель, добавив третий фактор — пересмотр приверженности, когда человек сравнивает свои обязательства с альтернативными вариантами. В социальных сетях этот процесс пересмотра и корректировки происходит особенно интенсивно благодаря доступности различных социальных ролей и мгновенной обратной связи.

2.2. Неэкологическая теория и виртуальные микросистемы

Дж.Л. Наварро и Дж.Р. Х. Тадж разработали неэкологическую теорию, которая, отталкиваясь от работ У. Бронфенбреннера, признаёт существование виртуальных микросистем. Они выделяют два типа таких систем — физические и виртуальные, при этом особо отмечая, что именно виртуальные пространства стали основной ареной, где современная молодёжь взаимодействует с окружающим миром.

2.3. Теория компенсаторного использования интернета

Согласно теории компенсаторного использования интернета, люди могут обращаться к онлайн-пространству как к механизму с неблагоприятными жизненными обстоятельствами и эмоциями. Подростки, испытывающие трудности в реальной жизни — проблемы в семье, школе, со сверстниками — могут использовать социальные сети для компенсации дефицита социальной поддержки и позитивных эмоций. Однако такое поведение способно привести к чрезмерному использованию и зависимости.

3. Механизмы влияния социальных сетей на подростков

3.1. Модель четырех механизмов С. Со

В своей модели С. Со с соавторами идентифицируют четыре механизма, через которые цифровая среда оказывает свое влияние на развитие идентичности.

1. Выбор: подростки сами выбирают платформы для взаимодействия. Те, у кого идентичность нестабильна (в состоянии диффузии), проводят в социальных сетях больше времени.

2. Манипуляция: намеренное изменение цифровой среды — создание профилей, публикация контента для получения обратной связи.

3. Алгоритмическое управление: платформы, используя алгоритмы, генерируют персонализированный контент, сужая пространство для экспериментов с идентичностью.

4. Применение: полученный онлайн-опыт интегрируется в реальную самоидентичность.

3.2. Самопрезентация и социальное сравнение

Механизмы самопрезентации были кардинально переосмыслены с приходом социальных сетей. Подростки теперь обладают возможностью манипулировать своим образом, тщательно фильтруя контент для создания безупречных онлайн-персон и корректируя свои сообщения для достижения максимального эффекта. Эта практика усиливает диссонанс между подлинным и сконструированным ‘Я’, провоцируя непрерывное сопоставление с отфильтрованными и отретушированными версиями чужих существований.

Особую роль играет феномен «воображаемой аудитории» (по Д. Элкинду) — иллюзия постоянной оценки и интереса со стороны окружающих. Лайки и комментарии становятся публичным и постоянным подтверждением социальной оценки, усиливая ориентацию на внешнее одобрение.

3.3. Парасоциальные отношения

Подростки часто стремятся к общению с блогерами, формируя односторонние эмоциональные отношения. Такие

связи могут обогащать идентичность через подражание, но также создавать нереалистичные стандарты и ожидания.

3.4. Контекстный коллапс

Контекстный коллапс — стирание границ между различными социальными контекстами, когда друзья, семья и учителя смешиваются в одном виртуальном пространстве. Это порождает дискомфорт, самоцензуру и затрудняет формирование идентичности, поскольку разные аудитории ожидают разного поведения.

4. Влияние на психологическое благополучие

4.1. Нелинейный характер влияния

Представьте себе: огромное исследование с участием более ста тысяч австралийских подростков (данные с 2019 по 2022 год) показало, что с соцсетями не все так однозначно. Оказывается, их использование и наше самочувствие связаны по принципу буквы 'U'. Самое лучшее психологическое состояние было у тех, кто сидел в соцсетях в меру — не больше 12,5 часов в неделю. А вот те, кто полностью игнорировал соцсети, или, наоборот, 'залипал' в них слишком много, чувствовали себя хуже.

Этот показатель варьировал в зависимости от возраста и пола:

- Для девушек умеренное использование становилось наиболее благоприятным со среднего подросткового возраста
- Для юношей полное отсутствие использования становилось все более проблематичным начиная со среднего подросткового возраста, превышая риски высокого использования к позднему подростковому возрасту.

4.2. Внутриличностное единство и двойственность эффектов

В 100-дневном лонгитюдном исследовании с участием 479 подростков (44 211 ежедневных наблюдений) была предложена концепция «внутриличностного единства и двойственности» эффектов социальных сетей.

- Внутриличностное единство (60 % подростков) — однонаправленное влияние на различные аспекты благополучия (преимущественно негативное)
- Внутриличностная двойственность (13,6 % подростков) — разнонаправленное влияние, когда социальные сети одновременно вредят одним аспектам благополучия и приносят пользу другим

4.3. Платформенная специфичность

Исследование выявило значимые различия во влиянии различных платформ:

- TikTok, YouTube и Instagram- демонстрировали негативное влияние на благополучие, самооценку и близость дружеских отношений

- Snapchat и WhatsApp -показывали позитивное или нулевое влияние на те же показатели

4.4. Риски для психического здоровья

Метаанализы свидетельствуют о связи чрезмерного использования социальных сетей с повышенным риском тревожности и депрессии. Подростки, проводящие более 3 часов в день в социальных сетях, вдвое чаще сообщают о проблемах с психическим здоровьем.

4.5. Нарушения сна

Использование социальных сетей перед сном нарушает циркадные ритмы: синий свет экранов подавляет выработку мелатонина, а эмоционально заряженный контент затрудняет засыпание. Подростки, использующие соцсети в течение часа перед сном, сообщают о худшем качестве сна, что коррелирует с более высоким уровнем тревожности.

5. Гендерные и возрастные особенности

5.1. Гендерные различия

Девушки consistently демонстрируют более высокие показатели по шкалам зависимости от социальных сетей и сообщают о большей выраженности связанных с ними проблем. Они также более уязвимы к негативному влиянию на образ тела и самооценку через социальное сравнение.

Гендерные различия проявляются и в предпочтениях контента: девушки больше интересуются личными блогами, маркетплейсами и образовательным контентом, юноши — спортивным, политическим и научным.

5.2. Возрастная динамика

Младшие подростки (12–15 лет) особенно уязвимы к негативному влиянию социальных сетей в силу недостаточно развитой саморегуляции и большей восприимчивости к онлайн-давлению сверстников. Для старших подростков (16–19 лет) характерно более осознанное использование с элементами целенаправленного поиска информации и профессионального самоопределения.

6. Социокультурные и экономические контексты

6.1. Глобальные неравенства

Влияние социальных сетей на подростков существенно варьирует в зависимости от экономического и культурного контекста. В странах с высоким доходом, где более 90 % подростков имеют личные устройства, основной проблемой является чрезмерное использование и «цифровая зависимость». В странах с низким и средним доходом со-

храняется «цифровая бедность» -2,2 миллиарда детей и молодежи не имеют надежного доступа к интернету дома.

6.2. Культурные особенности

В некоторых культурах (например, в странах Ближнего Востока и Южной Азии) девушки сталкиваются с более строгим онлайн-мониторингом из-за гендерных норм, что создает стресс от ограничений самовыражения. Юноши могут испытывать давление, побуждающее к рискованному онлайн-поведению для подтверждения маскулинности.

7. Обсуждение и практические рекомендации

7.1. Ключевые выводы

Современные исследования демонстрируют сложный, нелинейный характер влияния социальных сетей на подростков. Это влияние:

- варьирует в зависимости от платформы
- различается по направленности для разных аспектов благополучия
- имеет индивидуальные траектории
- зависит от возраста и пола

7.2. Рекомендации для различных групп

Для родителей:

- Приоритет поддерживающего поведения над контролирующим: выстраивание доверительных отношений, готовность обсуждать онлайн-опыт подростка
- Обучение собственной цифровой грамотности для понимания среды, в которой находится подросток

Литература:

1. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А., Смирнова, Я.К., Калимуллин, А.М., Семенов, Ю.И. (2025). Цифровые предпочтения старших подростков: проблемы онлайн-активности и роль социальной поддержки. *Социальная психология и общество*, 16(2), 78–95.
2. From Childhood Experiences to Social Media Addiction: Unraveling the Impact on Adolescents. (2025). *Children*, 12(3), 385.
3. Кочетова, Ю.А., Климакова, М.В. (2025). Подросток в цифровой среде: идентичность и образ себя. *Социальные науки и детство*, 6(3), 85–98.
4. Diverse platforms, diverse effects: Evidence from a 100-day study on social media and adolescent mental health. (2026). *Current Psychology*, 45, 36.
5. Хакимуллина, А.Р., Мунина, И.В. (2025). Влияние социальных сетей на физическое и психическое здоровье подростков. *Медицинское образование, наука, практика*, 831–834.
6. Social Media Use and Well-Being Across Adolescent Development. (2026). *JAMA Pediatrics*.
7. Кочетова, Ю.А., Климакова, М.В. (2025). Психологи изучили, как социальные сети влияют на личность подростков. *Naked Science*.
8. Besharat Mann, R. (2026). Navigating Digital Realities: Understanding Young People’s Engagement with Social Media for News, Political Information, and Identity Formation. *Journal of Adolescent & Adult Literacy*, 69(4).
9. Роль социальных сетей в формировании личности подростка. (2025). *Zenodo*.
10. Balancing the benefits and risks of social media on adolescent mental health in a post-pandemic world. (2025). *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*, 19, 92.

- Установление разумных границ использования (например, свободные от устройств зоны и время) через диалог, а не запреты

Для педагогов:

- Интеграция в образовательные программы обучения критическому анализу контента: объяснение, что фото в соцсетях — это сконструированная реальность, а не отражение действительности
- Развитие навыков «латерального чтения» и проверки информации
- Обсуждение механизмов работы алгоритмов и их влияния на восприятие реальности

8. Заключение

Цифровая среда, в частности социальные сети, оказывает комплексное и многоаспектное влияние на подростков. Она стала неотъемлемой частью их жизни, формируя их самосознание, самооценку и социальные связи.

Современные исследования подчеркивают противоречивость этого воздействия: социальные сети могут служить источником развития, предоставляя доступ к информации, группам поддержки и площадкам для самовыражения, но в то же время несут в себе значительные риски, такие как тревожность, депрессия, проблемы с восприятием собственного тела и зависимость.

Для эффективной защиты от негативных последствий требуется комплексный подход с участием семьи, школы, психологов и самой индустрии. Ключевым фактором является не столько контроль, сколько качество межличностных отношений, поддержка близких, способность к критическому мышлению и осознанному потреблению цифрового контента.

Характеристика грамматического строя речи и словоизменения у дошкольников с общим недоразвитием речи

Прохоренко-Елкина Анна Федоровна, слушатель
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины (Беларусь)

В современной логопсихологии речевые патологии интерпретируются как девиации развития, подчиняющиеся общим закономерностям формирования высших психических функций. Общее недоразвитие речи (ОНР) представляет собой комплексную системную патологию, затрагивающую как фонетико-фонологическую, так и семантическую стороны языковой системы. Ключевым условием диагностики ОНР является сохранность когнитивного базиса и слухового восприятия при выраженной недостаточности всех языковых компонентов.

Клиническая картина ОНР характеризуется существенной задержкой вербального онтогенеза (зачастую первые слова фиксируются лишь к 3–5 годам) и выраженным диссонансом между импрессивной и экспрессивной речью. Речевая продукция таких детей отличается фрагментарностью, грубыми нарушениями звукопроизношения и аграмматизмами, что делает коммуникацию с окружающими затруднительной [1, с. 200]. Исследования когнитивной сферы дошкольников с данным диагнозом указывают на повышенную истощаемость внимания, снижение объема слухоречевой памяти и инертность мыслительных операций. При этом специалисты отмечают высокую степень гетерогенности группы — даже внутри одного уровня речевого развития наблюдаются значительные индивидуальные различия в познавательной активности.

В структуре грамматических дефицитов при общем недоразвитии речи центральное место занимает деструкция механизмов словоизменения. Данный навык предполагает свободное оперирование морфологическими категориями (родом, числом, падежом и др.), однако у старших дошкольников с ОНР этот процесс характеризуется выраженной нестабильностью. Эмпирические данные подтверждают наличие системных ошибок в согласовании различных частей речи, трудностей при склонении числительных и превалирование аграмматизмов в глагольных формах. Подобные девиации не только ограничивают связность устных высказываний, но и выступают предикторами трудностей при освоении письма и чтения в школьный период.

Отечественная логопедия рассматривает несформированность грамматики как следствие замедленного интериоризации языковых стандартов. К патогенетическим механизмам ОНР относят дефицит языковых обобщений, использование ошибочных аналогий (окказионализмов) и распад синтаксических связей, что выражается в инверсии слов и отсутствии морфологических маркеров внутри предложения.

В клинико-педагогической практике динамика речевого дефекта традиционно дифференцируется на три уровня:

1. Начальный (I уровень): характеризуется «безречием». Вербальная активность ограничена звукоподражательными комплексами и аморфными словами-корнями. Понимание речи носит ситуативный характер, фраза отсутствует;

2. Переходный (II уровень): наблюдается зачаточное формирование фразовой речи. В лексиконе появляются прилагательные и наречия, однако грамматическая координация остается примитивной;

3. Развернутый с элементами недоразвития (III уровень): фраза становится распространенной, но морфологически дефектной. Типичны ошибки в падежных флексиях, трудности в управлении и согласовании. Навыки словообразования остаются на низком уровне, а сложные синтаксические конструкции практически не используются [2, с. 176].

Изучение закономерностей формирования грамматических компетенций у дошкольников с общим недоразвитием речи традиционно остается в эпицентре внимания ведущих отечественных дефектологов, таких как О. Н. Двуреченская, Н. С. Жукова, Е. М. Мастюкова, Л. Ф. Спирина и другие. В своих работах авторы указывают на наличие специфического комплекса трудностей, которые, возникая на базе первичного речевого дефекта, серьезно лимитируют коммуникативные возможности ребенка. Основным выводом исследователей заключается в том, что становление морфологической системы при ОНР характеризуется качественной самобытностью и замедленным темпом: стойкие аграмматизмы сохраняются даже в условиях относительно развитого словарного запаса.

Теоретический фундамент, заложенный данными учеными, позволяет рассматривать ОНР как системную аномалию, деформирующую лексико-грамматический и фонетико-фонологический уровни языка. При этом ключевым диагностическим маркером остается значительный сдвиг сроков начала речевого онтогенеза [1, с. 129]. Будучи сложным дефектом, ОНР охватывает все структурные звенья речевой цепи при условии сохранности когнитивного базиса и физического слуха. Вследствие этого наблюдается сочетанное нарушение как экспрессивной стороны речи, так и механизмов её смысловой интерпретации.

В качестве детерминирующих факторов грамматических искажений выступают инертность процессов усвоения языковых норм и дефицитарность абстрактно-

логических операций. Это находит отражение в продуцировании индивидуальных словоформ — окказионализмов, строящихся на ложных аналогиях. Синтаксический уровень также претерпевает изменения: для речи детей характерны структурная неполнота предложений, инверсии и распад морфологических связей между лексемами [3, с. 21].

Развитие грамматического строя у детей с ОНР характеризуется значительной диспозиционностью: спектр нарушений варьируется от легкой задержки морфосинтаксического созревания до глубоких форм аграмматизма, блокирующих полноценную коммуникацию. Согласно концепции Н. С. Жуковой, дефицитарность грамматического компонента в данном случае является вторичным феноменом, детерминированным системным расстройством речевой функции [2, с. 271].

Специфика речевого профиля таких дошкольников заключается в когерентном нарушении морфологического и синтаксического уровней. Даже при количественном росте словаря грамматические девиации остаются персистирующими. Характерной чертой является диссонанс между использованием нерасчлененных лексем и постепенным освоением морфемного анализа, темпы которого значительно замедлены. При этом успешность грамматического оформления высказывания напрямую коррелирует с семантической сложностью лексики и типом синтаксической конструкции.

К наиболее выраженным дефектам словоизменения у данной категории обучающихся относятся:

1. Искажение парадигматических связей: дезорганизация системы склонения и спряжения. Это находит отражение в некорректной флексии существительных, глаголов и адъективной лексики по категориям рода, числа и падежа;
2. Дисфункция предложно-падежного управления: либо элизия (пропуск) предлогов, либо их дискоординация с падежной формой имени, что указывает на несформированность семантико-синтаксических обобщений;

Литература:

1. Любина, Г. А. Детская речь: пособие для педагогов дошкольных учреждений / Г. А. Любина. — Минск: НМЦентр, 2002. — 224 с.
2. Логопедия. Преодоление общего недоразвития речи у дошкольников: книга для логопедов / Н. С. Жукова, Е. М. Мастюкова, Т. Б. Филичева. — Екатеринбург: Литур, 2003. — 320 с.
3. Залевская, А. А. Вопросы теории самоконтроля в свете моделирования речемыслительной деятельности / А. А. Залевская // Слово и текст: психолингвистические исследования: сб. науч. тр. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. — Вып. 15. — С. 19–35.

3. Нарушение механизмов согласования и субординации: трудности в установлении морфологической связи между предикатом и субъектом, а также между определенным и определяемым словом;

4. Стереотипизация и примитивизация форм: доминирование исходных (номинативных) форм слов при хаотичном или фрагментарном использовании косвенных падежей.

Этиологическим базисом рассматриваемых нарушений выступает совокупность когнитивно-лингвистических факторов: инертность процессов интериоризации языковых норм, недостаточность аналитико-синтетической деятельности и дефицитарность механизмов формирования абстрактных грамматических категорий. Становление системы словоизменения характеризуется асинхронностью и пролонгированностью во времени, что диктует необходимость реализации структурированного, поэтапного логопедического сопровождения. Такое воздействие должно быть ориентировано как на стимуляцию собственно языковых операций, так и на упорядочивание иерархии грамматических смыслов и их формального выражения.

Следовательно, формирование грамматической компетенции у дошкольников с ОНР протекает с существенными затруднениями даже в условиях специализированного обучения. Трудности детерминированы высокой степенью абстрактности грамматических значений и многоаспектностью языковых алгоритмов. Примечательно, что онтогенетическая последовательность появления морфологических и синтаксических структур у данной категории детей в целом идентична нормативному развитию, однако ключевые отличия кроются в сниженной динамике усвоения, выраженной дисгармонии между морфологическим и синтаксическим уровнями, а также в деформации взаимодействия семантических и формально-языковых единиц. Коррекция грамматического строя является фундаментом не только речевого и когнитивного созревания ребенка, но и залогом его успешной социально-коммуникативной адаптации и готовности к школьному обучению.

Факторы суицидального риска у современных подростков

Скопцова Юлия Анатольевна, студент магистратуры
Томский государственный педагогический университет

Статья посвящена актуальной социальной и медицинской проблеме — росту числа суицидов и суицидальных попыток среди подростков. Автор анализирует комплекс факторов, влияющих на формирование суицидального поведения в подростковом возрасте, и подчеркивает необходимость междисциплинарного подхода к профилактике подобных случаев.

Проблема суицида среди подростков является одной из наиболее острых социальных и медицинских проблем современности. В последние десятилетия наблюдается рост числа случаев самоубийств и попыток покончить с собой среди молодежи, что подчеркивает необходимость углубленного изучения факторов, способствующих развитию суицидальных намерений у подростков. Современное общество предъявляет подросткам высокие требования к адаптации и социализации, при этом внутренние переживания и эмоциональные трудности могут приводить к возникновению суицидальных мыслей и поведения. Понимание причин возникновения суицидального риска становится критически важным для разработки эффективных профилактических мер и программ психологической поддержки.

Многие исследования фокусируются преимущественно на индивидуальных характеристиках личности или психологических состояниях, однако недостаточно изучены комплексные факторы, влияющие на возникновение суицидального поведения. Среди них следует выделить влияние социальной среды, семейной ситуации, школьных условий и культурных особенностей.

Подростковый возраст является критическим периодом развития личности, характеризующимся повышенной эмоциональной нестабильностью и психологическими кризисами.

Внутренними факторами, повышающими риск суицидального поведения, являются психоэмоциональные особенности личности, низкая самооценка, депрессивные состояния, тревожность и хроническая усталость. Депрессия проявляется снижением настроения, потерей интереса к привычным занятиям, нарушением сна и аппетита, а также мыслями о собственной никчемности или бесполезности. Тревожность выражается в постоянной озабоченности будущими событиями, страхах перед неудачами и трудностями, сопровождающимися физическим напряжением и вегетативной симптоматикой.

Кроме того, подростки, находящиеся в группе риска, склонны демонстрировать девиантное поведение, включая употребление алкоголя, наркотиков или участие в рискованных действиях. Это связано с попытками справиться с внутренними переживаниями и неудовлетворенностью жизнью. Часто такие подростки демонстрируют импульсивность и агрессивность, что дополнительно усугубляет их состояние.

Особое внимание уделяется также роли информационных технологий и социальных медиа. Исследования показывают, что длительное пребывание в виртуальном пространстве может приводить к изоляции, повышению тревожности среди подростков. Виртуальная реальность создает иллюзию общности, однако часто она усиливает чувство одиночества и неполноценности, особенно при сравнении себя с идеализированными образами других пользователей.

К внешним факторам относятся социально-экономические условия жизни, неблагоприятная семейная обстановка, отсутствие поддержки со стороны близких людей и негативное влияние окружения.

Проблемы в межличностных отношениях и семейные конфликты являются одним из наиболее важных факторов риска суицидального поведения. Конфликты внутри семьи или между сверстниками могут стать триггером мыслей о суициде. Недостаток поддержки со стороны близких людей усугубляет психоэмоциональное состояние подростка. Поддержка же со стороны родителей, доверительные отношения и эмоциональная близость способствуют снижению уровня стресса и повышению самооценки. Важность родительского внимания и вовлеченности в жизнь ребенка подчеркивается исследованиями, указывающими на прямую связь между уровнем семейного благополучия и снижением вероятности возникновения суицидальных попыток среди молодежи.

Кроме того, негативные социальные условия и экономическая нестабильность также оказывают значительное воздействие на психологическое здоровье молодых людей.

Подростки, живущие в условиях бедности, социальной дезадаптации, испытывают повышенную тревогу и отчаяние. Отсутствие перспектив и возможностей для самореализации способствует развитию депрессивных состояний и снижению самооценки, что повышает вероятность суицидальных намерений. Также нельзя недооценивать роль культурных и образовательных факторов.

В некоторых обществах существуют традиции и нормы, поддерживающие негативное отношение к жизни и смерти, что может способствовать распространению суицидального поведения.

Школьное окружение оказывает значительное влияние на профилактику суицидальных тенденций. Социальная изоляция, отсутствие поддержки сверстников могут усиливать чувство одиночества и безнадежности, что повышает риск суицидальных намерений. Формирование дружеских

связей и создание благоприятной социальной обстановки помогают снизить уровень тревожности и повысить удовлетворенность жизнью. Создание безопасной школьной среды, где учащиеся чувствуют себя защищенными и поддерживаемыми, способствует формированию позитивного восприятия учебного процесса и снижает вероятность появления негативных эмоций, ведущих к суициду.

Таким образом, проблема суицидального поведения требует междисциплинарного подхода, включающего взаимодействие специалистов различных областей знаний — педагогов, психологов, социальных работников и медиков,

а также профилактическую и просветительскую работу с родителями подростков. Важнейшими направлениями работы являются раннее выявление групп риска, проведение психообразовательных программ и создание условий для развития навыков эмоциональной регуляции и социальной адаптации. Полученные выводы подчеркивают важность дальнейшего изучения причин и механизмов формирования суицидального поведения у подростков, а также необходимость внедрения превентивных мер, ориентированных на улучшение качества жизни молодых людей и повышение их эмоциональной устойчивости.

Литература:

1. Игумнов С. А., Никифоров И. А., Костюк Г. П. Диагностика, профилактика и психотерапия суицидальных и аутоагрессивных форм поведения: учебное пособие. — М. 2017.
2. Родяшин Е. В., Раева Т. В., Селиванова О. А., Фомушкина М. Г. Суицидальное поведение у детей и подростков: факторы риска и защиты. — Тюмень. 2013.
3. Калачева И. О., Пронина Л. А., Ларионов В. А. Роль социальных и личностных факторов в формировании суицидального поведения подростков // Российский психиатрический журнал. — 2006. — № 4. — С. 41–45.

Гетерономные трансформации личности в цифровой среде

Файзиева Гульзода Улугбековна, преподаватель
Университет «Новый век» (г. Ташкент, Узбекистан)

В статье анализируется феномен гетерономных трансформаций личности в цифровой среде, в которой границы между онлайн- и офлайн-опытом стираются, а регуляция поведения и самоопределения все чаще осуществляется через платформенные алгоритмы, системы искусственного интеллекта и датафицированные (datafied) практики управления вниманием. Цель работы состоит в систематизации современных междисциплинарных теоретических подходов к гетерономии психики в условиях длительного пребывания в цифровом пространстве и в обозначении границ личной свободы в мире алгоритмов. Дизайн исследования представлен обзором литературы. Методологическая рамка: междисциплинарный подход. Научная проблема формулируется как смещение субъектности от автономного выбора к внешне задаваемым режимам «алгоритмического комфорта». В качестве основных результатов выделяются механизмы инструментальной интеграции психики в технологический контур на перцептивном (фрагментация восприятия), когнитивном (вынесение памяти и решений во внешние системы) и аффективно-волевом уровнях (экстернализация контроля, тревожные цифровые состояния). Показано, что трансформации преимущественно латентны и нормализуются через практики повседневного медиапотребления. Делается вывод о риске закрепления «программного типа личности» и предлагаются направления профилактики: развитие рефлексивной субъектности, этическая оценка алгоритмических воздействий и образовательные стратегии, поддерживающие автономию в цифровой среде.

Ключевые слова: гетерономия, субъектность, цифровая среда, алгоритмы, идентичность, медиапотребление, автономия.

*Я не знал ничего, кроме теней, и думал, что они настоящие.
Оскар Уайльд, «Портрет Дориана Грея»*

*Когда господствует разум, гибнет личность.
Макс Штирнер*

Введение

Ещё в 1970 году американский философ и футуролог Элвин Тоффлер (*Alvin Toffler*) предсказывал пережи-

ваемую сегодня эпоху как «шок будущего» или «исторический кризис адаптации». Так он представлял себе психологическое состояние отдельных людей и социума в целом, когда во весь рост встанет проблема личного восприятия

«слишком большого количества перемен за слишком короткий промежуток времени» [1]. Сегодня мы имеем множество примеров проявления феноменов психической адаптации к чрезмерно быстрой смене технологий, ценностей и социальных ролей. Одновременно воздействуют три фактора: разнообразие, быстротечность и новизна. Прежний образ мира уже не соответствует реальности, привычные способы реагирования не работают, а новые еще не сформированы. В результате даже политические события носят характер продуманных манипуляций [2]. При этом на индивидуальном уровне эмоциональный фон становится менее стабильным, более изменчивым и излишне чувствительным к внешним триггерам. Такое состояние характерно для лабильной психики¹.

С возникновением кибернетики и математической теории связи научно-техническое развитие человечества вступило в качественно новый этап. Начался бум вычислительной техники, компьютеров и средств цифровой связи. Следующим шагом стало появление на их основе глобальной сети Интернет – новой революционной технологии, превратившейся одновременно и в «универсальное социальное пространство свободной коммуникации» [3, с. 7]. Принципы его организации заложили основы построения нового информационного общества и появления иного типа социальных связей. Интернет стал не просто форматом обмена информацией, но и настоящим полем жизнедеятельности, предоставляющим альтернативные решения практически всех социально-культурных потребностей человека и способствующим его творческой активности. Жизнь теперь протекает в едином цифро-физическом пространстве онлайн (onlife), представляющем собой гиперсвязанную реальность, где границы между онлайн- и офлайн-мирами стерты. Смартфоны становятся центром нашего присутствия в этом мире, а полнота пребывания в сознании не ощущается без подключения к Сети.

Непрерывное обновление цифровых устройств и появление всё новых и новых гаджетов приводит к необходимости в постоянном режиме решать когнитивно сложные задачи. Для этого необходимо наличие некоей совокупности знаний, умений и навыков, определённый уровень способностей к информационному анализу. Нужны и соответствующие личностные качества. Люди, чья психика оказалась не подготовленной к динамике цифровизированного мира, пребывают в состоянии хронического дискомфорта. Давление внутренней тревоги делает их эмоционально возбудимыми и человек начинает действовать спонтанно – под влиянием момента, эмоций или внешних стимулов – не обдумывая последствий и не взвешивая альтернативы. Возникают ситуации, образно описываемые как «разрыв логики жизни». В психической сфере это создаёт уязвимости, открывающие возможности для тонкого воздействия на поведение людей с целью различного рода манипуляций.

Новейшие достижения – системы искусственного интеллекта, нейронные сети и технологии Big Data, позволяют успешно реализовывать это на практике. Огромные потоки неструктурированной информации, которые продуцируют пользователи в социальных сетях и блогах, с помощью цифровых инструментов преобразуются в информацию аналитически значимую. Мы живём в мире, где на постоянной основе отслеживаются наши мнения, чувства, интересы и поведение. На их основе делаются соответствующие выводы, а затем массово генерируется искусственный контент, предназначенный для целевых групп абонентов Сети и побуждающий их к нужным действиям. Происходит переход от «кустарного» производства информации к её генерации в «индустриальных» масштабах².

Перманентная включенность индивида в гибридную реальность (onlife) с этапа раннего онтогенеза детерминирует специфический вектор развития личности: формирование её структур происходит по гетерономному типу, при котором внутренние механизмы самодетерминации замещаются внешними алгоритмическими регуляторами. Не подлежит сомнению, что «...с того самого момента, когда первобытный человек догадался облегчить себе жизнь при помощи орудий труда, человеческий мозг не переживал таких быстрых и радикальных перемен» [4, с. 14].

Современная цифровая среда начинает диктовать такую трансформацию субъектности, при которой добровольный отказ от прерогативы самостоятельного решения в пользу программных комплексов начинает восприниматься как адаптивная норма. Ключевым направлением становится переход от «свободы выбора» к «комфорту алгоритмического освобождения». Существенную роль в этом процессе играют социальные сети. Именно они позволяют наиболее эффективно контролировать людей, управлять и манипулировать ими. Потенциал новых технологий активно используется в интересах государств, частных лиц и корпораций, политических партий и криминальных сообществ, массовых движений и иных акторов, стремящихся к влиянию и контролю. Таким образом, мы уже имеем дело с опосредованным технологиями сторонним давлением на общественное и индивидуальное сознание.

Социотехнологическая революция.

Человек в инфосфере

Информационная революция изменила всё: науку, технологии, бизнес, политику, социокультурные механизмы общественной жизни. Она стоит в одном ряду с аграрной и индустриальной революциями, каждая из которых, в конечном счёте, приводила к смене цивилизаций. Тогда между собственно цивилизационными изменениями, порождёнными развитием новых технологий, и изменениями в культуре проходил довольно длительный период

¹ Сущностная характеристика лабильной психики — это неспособность контролировать свои эмоции (Здесь и далее все примечания автора статьи — Г.Ф.)

² Исследование, проведённое компанией разработчиком ПО Ahrefs в апреле 2025 года, показало, что около 74% новых веб-страниц в интернете содержали материалы, созданные с помощью искусственного интеллекта (<https://ahrefs.com/blog/what-percentage-of-new-content-is-ai-generated/>)

медленных культурных инноваций, к которым человечество успевало приспособиться без значительных социальных стрессов. Но нынешняя революция радикально отличается от предшествовавших тем, что она *одновременно* ведёт к глубоким переменам и в социально-экономических структурах, и в духовно-культурной жизни. Причина заключается в самих информационных технологиях, с помощью которых изменяются не только процессы материального производства, но и преобразуется вся интеллектуальная и духовная деятельность. Психика и разум становятся главными движущими силами эволюции.

Дискуссии по поводу происходящих процессов стали вестись почти сразу же после появления новой науки – кибернетики, а затем и теории искусственного интеллекта (вторая половина XX в.). Программы, намеченные их создателями, сначала подвергались резкой критике, как, например, в книге профессора Колумбийского университета Мортимера Таубе (*Mortimer Taube*) «Вычислительные машины и здравый смысл. Миф о думающих машинах», первая публикация которой на английском языке состоялась в 1961 году [5]. А в наши дни уже активно обсуждаются идеи так называемого *датаизма* [6], рассматривающего информацию в качестве фундаментальной категории, наравне с материей и энергией. Мир – это не просто совокупность материи и энергии, а огромная система обработки информации, в которой ценность любого объекта или существа определяется его вкладом в эту обработку. Иногда датаизм рассматривают даже в качестве потенциальной религии будущего. Понятие популяризировал Юваль Ной Харари, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, автор международного бестселлера «Homo Deus. Краткая история будущего», впервые увидевшего свет в 2015 году [7]. Идеологию датаизма определяют три ключевых принципа: все сущности являются алгоритмами; жизнь – это обработка информации; обмен данными – это моральный императив, при котором беспрепятственное распространение данных считается более ценным, чем личная неприкосновенность или субъективный опыт. И это далеко не умоглядные построения. В их основе лежат достижения современной науки: биоинформатики, рассматривающей ДНК как последовательность данных, а редактирование генов – как алгоритмическое вмешательство; нейробиологии, объясняющей процесс принятия решений посредством измеримых нейронных процессов; поведенческой экономики, рассматривающей решения человека как результат поддающихся количественной оценке когнитивных искажений.

Сегодня системы машинного обучения, построенные на этих принципах, превзошли возможности экспертов во многих задачах, связанных с прогнозированием, а алгоритмы социальных сетей с нарастающей эффективностью формируют общественный дискурс, предпочтения и даже политические взгляды. Таким образом, алгоритмизация жизни – это не абстракция, а современные практические методы, используемые во многих областях профессиональной деятельности.

В рамках обсуждения необходимо обозначить и другие часто дискутируемые темы, связанные с вхождением общества в цифровое пространство. Они затрагивают вопросы этики и политики информации³ [8; 9]; онтологии цифровой реальности⁴ [10; 11; 12]; новых форм и инструментов познания [13;14]; исследуют возможный образ «дополненного» человека или «нейробиологического кентавра»⁵, сконструированного в рамках современного трансгуманизма [15; 16].

Предваряя последующий анализ, необходимо отметить, что распространённые термины «цифровая среда», «цифровая реальность», «цифровое пространство» и т. п. не имеют четких дефиниций. Это понятия скорее интуитивные и стоящие ближе к метафорам, нежели к устоявшимся научным категориям. Метафора в данном случае играет роль своеобразного когнитивного инструмента, помогающего ухватить суть явления. Какую бы область научного знания мы ни взяли, то везде сталкиваемся с важнейшей особенностью любых изучаемых явлений – они не статичны, изменчивы и каждый раз раскрывают себя по-новому. Всем явлениям материального и духовного мира имманентно присуща та или иная форма движения. Следовательно, косные трактовки и фиксированные толкования не имеют перспективы, так как в любом случае наступает состояние «терминологической сингулярности», когда язык и понятия перестают адекватно отражать истинную картину раскрывающейся перед нами новой реальности⁶. Попытки описать многомерные состояния психики в смешанной реальности (*mixed reality*) должны неизбежно привести к появлению психологических терминов, выстраивающих новые ассоциативные связи, являющиеся ключом к верному истолкованию таких состояний. Например, термин «цифровое присутствие» (*digital presence*) можно использовать не только как констатацию нахождения онлайн, но и как степень интеграции «Я» в цифровую среду. Для описания процесса, когда ИИ становится уже не просто внешним

³ Этика информации — система моральных принципов и норм, которые регулируют работу с данными. Политика информации — правила, законы и стратегии, разрабатываемые государствами, организациями и сообществами для управления информацией и технологиями

⁴ Онтология цифровой реальности — исследование сущности, структуры и взаимосвязей сущностей, понятий и данных внутри цифрового пространства для создания осмысленной, моделируемой среды

⁵ «Нейробиологический кентавр» — это концептуальная метафора, описывающая гибридную систему, в которой биологический мозг и искусственный интеллект (или интерфейс) объединены в единый функциональный механизм

⁶ Свойства кварков (элементарные частицы материи) описываются шестью различными терминами, в числе которых: аромат (верхний, нижний, странный, очарованный, прелестный, истинный) и цвет (красный, зелёный, синий). При этом кварки нельзя наблюдать напрямую, а их существование подтверждается лишь косвенными методами. Для описания явлений макромира используются такие термины, как: «чёрная дыра», «красный гигант», «белый карлик», «темная материя», «Большой взрыв», «звёздная колыбель» и др. Создание целостных образов позволяет выстроить ассоциативные связи между новым знанием и существующей системой представлений

инструментом, а функциональным органом психики, вполне уместно было бы использование термина «когнитивная аугментация» (от латинского *augmentatio* — увеличение). Понятие «трансцифровость» (*transdigility*) можно использовать для характеристики состояния, когда личность не просто мигрирует между реальным и цифровым мирами, а существует в их неразрывном синтезе. В академическом дискурсе скоро могут появиться и свои «очарованные» (по аналогии с кварками) термины. Например, «когнитивная вязкость» среды или «информационная гравитация» контента.

Цифровая среда, а вернее «техногенная знаковая система» [17], последовательно и неумолимо превращается в новую форму бытия, где человек существует в симбиозе с технологиями. Человеческая личность, вещи и алгоритмы становятся равноправными субъектами знаковой коммуникации. Это пространство смыслов, в котором идентичность, коммуникация и социальные практики конструируются заново. А поскольку выстраивание адекватного поведения в новой – информационно перенасыщенной среде, процесс весьма трудоемкий, то срабатывают биологические механизмы экономии ресурсов. Поэтому от самостоятельного принятия решений (автономии) психика может переходить к гетерономии – состоянию, при котором поведение и мышление определяются внешними «законами» цифровых платформ.

Согласно концепции Винсента Блока (*Vincent Blok*), технологические инновации перестают быть пассивными объектами. Они обладают «конституирующей силой». В условиях цифровизации возникает новая, датафицированная (*datafied*) реальность, где «цифровые двойники» не просто дублируют физические объекты, а определяют их функционирование. Блок, опираясь на феноменологическую традицию, доказывает, что конвергенция физического и виртуального создает мир, где истинность объекта подтверждается его «цифровым следом», понятным машинам и пригодным для последующего анализа и количественной оценки [18, 19].

Французский философ Жан Бодрийяр (*Jean Baudrillard*), которого часто называют «верховным жрецом постмодернизма», для осмысления социальных феноменов и процессов, имеющих место в современном виртуальном пространстве, ввел понятия «гиперреальности» и «симулякров» [20]. Его концепция легла в основу понимания того, как цифровая копия замещает оригинал, трансформируя восприятие реальности. В рамках этой концепции цифровую среду можно рассматривать как пример анти-реальности, в которой можно сохранять анонимность и придумывать себе новую жизнь. Общение при этом оказывается симуляцией общения, его суррогатом (си-

мулякром). Контактная форма общения заменяется опосредованной, при этом обедняется его содержание и примитивизируется выражение эмоций. Языком общения становятся наборы стандартных фраз, смайлики, картинки, мемы и прочие симулякры, которые прочно вошли в повседневные социальные практики. При этом возникает реальная угроза утраты личности и индивидуальности в искусственно явленном мире, заполненном симуляциями и симулякрами, и меняющемся быстрее, чем мы способны это спрогнозировать.

Американский философ, основоположник технологической феноменологии Дон Ид (*Don Ihde*) исследовал влияние виртуальной реальности и цифровых инструментов на изменение нашего восприятия собственного тела. Ид ввёл понятие «медиального тела», которое посредством цифровых интерфейсов простирается за пределы биологической оболочки. В этой парадигме человек перестает быть замкнутой биологической системой. Его субъектность распределяется между ним и интеллектуальной машиной, что ведет к размыванию классического определения «человеческого» в сторону гибридных форм существования [21].

Основываясь на теории *аутопоэзиса*⁷ [22] и философских построениях В. В. Чеклецова [23], известный российский исследователь, доктор психологических наук С. Ф. Сергеев предположил, что появление на планете Земля искусственной техногенной среды с нервной системой и мозгом в виде сети Интернет, сопровождается процессами её организации и эволюции с постепенным превращением в новую аутопоэтическую систему планетарного масштаба — *технобиод*. В обеспечении его функционирования участвуют все жители планеты как пользователи, вступающие в коммуникацию с Сетью. Исполнительными элементами этого образования являются человек и управляемые посредством компьютерных технологий машины и механизмы, а организующим фактором – циклическая *рекурсивная*⁸ коммуникация в информационно-коммуникационной среде. Технобиод предсказуемо становится самостоятельным системным объектом, в котором роль индивидуального человеческого разума постепенно отходит на второй план. Люди отдаляются от природы, трансформируясь в элемент эволюционирующего искусственного техногенного мира. Их индивидуальное поведение и активность теряют определяющее значение для процессов развития технобиода. Человек становится регулируемым и регулирующим компонентом нового планетарного системного единства. Таким образом, новая аутопоэтическая система *сама* производит и поддерживает свои элементы, определяя *через себя* свои собственные процессы, а не просто реагируя на внешние

⁷ Аутопоэзис (от греческого *autos* — сам, *poiesis* — творение) — это способность сложных систем, в первую очередь живых организмов, к самовоспроизводству и самосотворению. Система создает сама себя. Производитель и продукт — это одно и то же. Что касается социальных систем, то их можно описать как самовоспроизводящиеся коммуникации

⁸ Рекурсия — способность ума обращаться на самого себя, создавая многослойные уровни самосознания и самокритики. В когнитивной психологии это проявляется, например, в способности человека думать о собственном мышлении (метакогниция), размышлять о своих чувствах, оценивать себя через призму представлений других людей и т.д.

стимулы. Новая системная сущность является субъектной по отношению к человеку и действует при этом в эмоционально-нейтральной логике аутопоэзиса, не зависящей от моральных и этических установок [24].

Американский экономист и политолог, профессор Гарвардской школы бизнеса Шошана Зубофф (*Shoshana Zuboff*) в своей книге «Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее» [25], доказывает, что цифровая мечта человечества неумолимо трансформируется в коммерческий проект под названием «надзорный капитализм». Она описывает его как экспроприацию человеческого опыта, используемого в качестве бесплатного сырья для скрытых коммерческих практик. Данные, выходящие за рамки улучшения сервиса («поведенческий излишек»), направляются в «продукты предсказания», а затем продаются на «рынках поведенческих фьючерсов⁹», где бизнес покупает уверенность в нашем будущем поведении. В отличие от тоталитарного «Большого Брата», который опирается на насилие, возникает «Большой Другой» – распределенная цифровая архитектура, используемая для модификации нашего поведения. Власть теперь не подавляет, а «подталкивает» (*nudging*), настраивает и формирует поведение в реальном времени, *обходя сознание индивида*. Личность трансформируется гетерономно: мы становимся «организмами в сложном механизме», где наши реакции предсказуемы и управляются извне ради прибыли корпораций. Зубофф подчеркивает, что частная жизнь – это пространство, где формируется «Я», но в мире *onlife* это пространство исчезает. А так как глубокая рефлексия без приватности невозможна, то формируются «пустые субъекты», чья идентичность полностью сконструирована внешними потоками данных. В результате создается «когнитивное неравенство» между теми, кто знает о нас всё, и теми, кто не понимает, как работают эти системы управления. Происходит беспрецедентная концентрация знаний и власти, свободная от демократического контроля. Экстернализация¹⁰ выбора и алгоритмическое управление коллективным порядком разрушают основу демократического общества – суверенную личность, способную на самостоятельное суждение. Лишение субъектности Зубофф формулирует как «захват права на будущее время», когда человек лишается способности мечтать, намереваться и строить свое завтра автономно от предписанных алгоритмов. Цифровое пространство перестает быть «домом» (местом безопасности и рефлексии) и становится лабораторией по модификации поведения. Идеи Зубофф можно обобщить как описание «переворота сверху», где капитал присваивает себе право на формирование самой человеческой воли. Свобода выбора здесь не просто ограничивается – она заменяется «тотальной уверенностью» системы в том, *что* мы сделаем дальше. Над-

зорный капитализм – это архитектура, которая делает гетерономию «нормой». Свобода выбора здесь не подавляется, а аннулируется как неэффективная.

Несмотря на существование обширной и разносторонней исследовательской практики [26; 27; 28; 29; 30], единого понимания происходящего нет, ибо, как известно: – «*Сова Минервы вылетает в сумерки*». ¹¹ Пока же ясно одно – мир переживает сущностные (порой весьма болезненные) изменения индивидуального и общественного сознания, что неизбежно приведёт к пересмотру многих устоявшихся парадигм, оказывающихся несостоятельными в условиях глобального информационного общества.

Архитекторы Смыслов и Навигаторы Хаоса

Состояние перехода к цифровой эре уникально тем, что одновременно сосуществуют поколения с разной степенью вовлечённости в онлайн-пространство, различающиеся интенсивностью и дленим использования цифровых инструментов. Термины «цифровые аборигены» (*digital natives*) и «цифровые иммигранты» (*digital immigrants*) в образной форме разделяют поколения по этим признакам [31]. «Аборигены» — это те, кто вырос в мире с Интернетом, интуитивно (бессознательное понимание) осваивая гаджеты. «Иммигранты» же, будучи рождёнными до цифровой революции, осваивали технологии в более зрелом возрасте, осознанно. По понятным причинам «цифровых аборигенов» становится всё больше, а «цифровые иммигранты» обречены на постепенное исчезновение. Поэтому необходимо сполна использовать окно возможностей для сравнительных эмпирических исследований трансформаций психики на начальном этапе полного погружения человечества в новую реальность. Это позволит зафиксировать момент перехода от адаптивного использования технологий к органическому существованию в медиасреде. Анализ этих двух групп пользователей должен прояснить также направления и закономерности происходящих трансформаций.

Дихотомия *digital natives* и *digital immigrants* является отправной точкой для последующего анализа гетерономных трансформаций личности в условиях цифровой экспансии. Исследования показывают, что разрыв между ними пролегает не только по линии владения софтом [4; 31; 32; 33; 34]:

Когнитивный стиль. «Аборигены» тяготеют к параллельной обработке информации и многозадачности, предпочитая нелинейный доступ к данным (*гипертекст*¹²), в то время как «иммигранты» сохраняют приверженность к последовательному, пошаговому обучению.

Коммуникативная парадигма. Установлено, что «аборигены» отдают приоритет мгновенным интерактивным

⁹ Фьючерс по своей сути является «договором о будущем»

¹⁰ Здесь экстернализация рассматривается как тип регуляции поведения, основанный на внешних факторах

¹¹ «Сова Минервы вылетает в сумерки» — знаменитый афоризм Гегеля, означающий, что мудрость и понимание мира приходят к человеку или философии только после того, как событие или историческая эпоха уже завершились, то есть задним числом

¹² Термин введён математиком и философом Т. Нельсоном в 1965 г. для обозначения текста, состоящего из относительно небольших фрагментов, ор-

форматам и визуальному контенту, тогда как «иммигранты» склонны к асинхронному и текстоцентричному общению (электронная почта, мессенджеры, развёрнутые комментарии).

Социокультурная идентичность. Для «аборигенов» цифровая среда – это естественное пространство обитания, где стирается грань между онлайн- и офлайн-бытием, в то время как «иммигранты» воспринимают эту среду как «надстройку», сохраняя «аналоговый акцент» в поведении.

Разница между этими группами связана, в первую очередь, с разными типами нейропластичности: *формирующей* (у детей), которая создает архитектуру «под среду», и *адаптивной* (у взрослых), которая встраивает новые навыки в уже готовый жесткий каркас, так как их мозг прошел основные этапы созревания — миелинизацию¹³ и синаптический прунинг¹⁴, в аналоговой среде¹⁵. При этом нужно иметь в виду, что границы между группами могут размываться, формируя континуум «digital fluency» (свободное владение цифровыми технологиями). Он представляет собой умение гибко применять цифровые навыки в том числе и для инноваций, что отличает его от обычной цифровой грамотности. Гибкость в данном случае — это способность быстро менять направление мыслей, спокойно переключаться между задачами и умение на ходу отказываться от неэффективных навыков.

Подводя некий промежуточный итог, позволим себе прибегнуть к метафорам, помогающим уяснить существо рассмотренной дихотомии. «Иммигранты» — это своего рода *Архитекторы Смыслов*. Они доминируют в структурном познании. Их мозг сформировался на чтении бумажных книг и многочасовых лекциях, поэтому у них выше способность фокусироваться на длинных логических цепочках. Это позволяет прийти до сути сложной проблемы, не теряя нить. У них лучше развит механизм проверки информации, поскольку «аналоговое» познание менее быстрое и ориентировано на предварительную оценку данных, прежде чем они будут встроены в картину мира. Доминирующий тип мышления позволяет рассуждать абстрактными категориями, что даёт преимущество в фундаментальных науках и глубинных исследованиях.

«Аборигенов» же можно с полным основанием уподобить *Навигаторам Хаоса*. Молодое поколение доминирует в оперативном познании. Их мозг морфологи-

чески «заточен» под мгновенную фильтрацию больших массивов данных. Там, где «иммигрант» вынужден будет вдумываться, «абориген» за секунды найдет нужный паттерн. Он может эффективно синтезировать информацию одновременно из разных источников, создавая «горизонтальные» связи между областями, которые «иммигрант» не догадается связать. За счёт активности в зонах визуальной интеграции, «аборигены» на интуитивном уровне гораздо быстрее осваивают новые интерфейсы и логики систем. Они обладают уникальной способностью к адаптации в сверхбыстрой среде, которая крайне востребована при использовании современных технологий, а также при работе с чрезвычайно большими и сложными наборами данных (Big Data) и управлении кризисами.

Инструментальная интеграция психики в цифровую среду: основные аспекты и последствия трансформаций

Для большинства людей мобильный телефон – это первое и последнее, что они используют в течение дня. ChatGPT, несмотря на свою новизну, является одним из самых быстрорастущих сервисов в истории. Основная масса подростков уже сообщает, что находится в Сети «постоянно» [35]. Для будущего поколения мир без смартфонов, поисковых систем, мессенджеров и постоянно доступного Интернета уже немыслим. Образ жизни, формируемый цифровой эпохой (цифровая культура) приводит к трансформации самой природы личности, её психики. Возникает некая двойственность: в краткосрочной перспективе использование новых коммуникационных средств даёт много благ и преимуществ, но в долгосрочной приводит к активации механизмов, легко приводящих к аддиктивному (зависимому) и импульсивному поведению. Последними исследованиями [36], например, было выявлено прямое влияние зависимости от цифровых игр на академическую прокрастинацию¹⁶ подростков. Возникают фобии эры технологий. Одной из первых была описана номофобия¹⁷ – феномен, который логично вписывается в канву наших рассуждений.

Публичность превращается в норму, а приватность – в отклонение. Старый добрый обычай прошлого – ведение личных дневников – кажется современной молодёжи не имеющим смысла. Зачем фиксировать на бумаге то, что никто другой не прочтёт? Алгоритм их действий

ганизованных таким образом, что их можно читать в произвольном (при желании, каждый раз — новом) порядке. Гипертекст по Нельсону — это «непоследовательная запись», актуальная тем, что «мысли образуют структуры, которые не являются последовательными, — они связаны многими возможными переходами»

¹³ Миелинизация — важнейший этап созревания нервной системы, определяющий развитие координации движений, внимания, памяти и способностей к обучению

¹⁴ Процесс удаления лишних, неактивных синапсов (связей) между нейронами, оптимизирующий работу мозга. Это «обрезка» слабых связей, помогающая укрепить наиболее часто используемые синапсы

¹⁵ Аналоговая среда ближе к человеческой природе. Это «непрерывность». Мы видим мир, слышим звуки и чувствуем тепло в непрерывном потоке. Цифровая среда — это «дискретность». Все данные превращаются в последовательность нулей и единиц (бит). Требуется посредник (процессор), который расшифрует код обратно в понятный нам вид (картинку на экране или звук в динамиках)

¹⁶ Прокрастинация — это склонность к постоянному откладыванию важных и срочных дел. Часто приводит к негативным психологическим эффектам

¹⁷ Номофобия (англ. nomophobia, от no mobile-phone phobia) — страх (фобия) остаться без мобильного телефона или оказаться вдалеке от него

иной: «Увидел – записал. Записал – загрузил и поделился с другими». Мерилом ценности человеческой жизни «по умолчанию» становятся количественные показатели просмотров, лайков и комментариев в социальных сетях. При этом на индивидуальном уровне теряется автономность личности, позволяющая человеку действовать самостоятельно, вне зависимости от каких-либо установок.

Включение цифровых инструментов (смартфонов, соцсетей, приложений) в структуру деятельности человека формирует установку на *взаимодействие* с цифровым миром. Это естественным образом изменяет наше поведение, влияет на когнитивные процессы и эмоциональное состояние. Взаимодействие с цифровой средой становится неотъемлемой составляющей коммуникаций и процессов решения каждодневных задач, расширяя при этом возможности, но и создавая риски зависимости или искажения перцепции [37; 38; 39].

Какие базисные механизмы детерминируют данное явление?

Во-первых, операциональная установка: готовность действовать в цифровой среде, опираясь на привычные алгоритмы (например, поиск информации в Google, общение в мессенджерах), освобождающее от необходимости постоянного выбора. Это приводит к когнитивным изменениям, преобразующим способы мышления, концентрации внимания и запоминания из-за больших объемов поступающей информации и необходимости быстро её обрабатывать. Во-вторых, это аффективные аспекты, проявляющиеся в формировании соответствующей мотивации, эмоциональной привязанности к гаджетам и онлайн-ресурсам, использовании эмодзи и стикеров в качестве компенсации невербального общения. Происходят поведенческие изменения, проявляющиеся в увеличении времени, проводимого в Сети, преобразовании паттернов общения и формировании зависимости. В-третьих, это инструментальность. Цифровые инструменты (алгоритмы, ИИ, приложения) становятся инструментами для выполнения психических функций — планирования, запоминания, принятия решений, а иногда даже саморегуляции. И, наконец, ключевой момент: психика интегрируется с цифровым миром, используя его как продолжение своих возможностей, но при этом изменяясь под его воздействием, что может вести к «сдвигу мотива на цель» (например, от использования соцсети к зависимости от нее). Таким образом, гетерономные трансформации в цифровой среде ведут к инструментальной интеграции психики в технологический контур, что радикально перестраивает перцептивно-когнитивно-аффективную базу личности:

— На перцептивном уровне (восприятие) происходит переход от активного сканирования реальности к реактивному потреблению стимулов. Восприятие становится фрагментарным («клиповым») и зависимым от внешних фильтров (алгоритмов). Это снижает порог чувствительности к нюансам вне цифрового контекста и провоцирует сенсорные конфликты между физической и виртуальной средами (VR), когда, например, глаза видят активное движение (полет или бег), но тело остается неподвижным. Это часто приводит к «цифровой морской болезни»;

— На когнитивном уровне (мышление и память) доминирует стратегия «когнитивной выгрузки». Память трансформируется из хранилища знаний в систему навигации по внешним источникам (Google-эффект¹⁸), а мышление — из аналитического процесса в «когнитивную скупость» из-за склонности людей думать и решать проблемы более простыми и менее затратными способами. Личность делегирует синтез и анализ алгоритмам, что ведет к эрозии критического мышления и, как следствие, снижению автономии суждений;

— На аффективном уровне (эмоции и воля): наблюдается экстернализация (вынесение вовне) локуса контроля. Эмоциональный комфорт становится зависимым от цифровых метрик и постоянной стимуляции (дофаминовая петля), что снижает способность к волевой саморегуляции. Развиваются специфические состояния — от цифрового стресса до синдрома упущенной выгоды (FoMO¹⁹), где аффект диктуется не внутренними смыслами, а динамикой информационной среды.

Гетерономные трансформации личности в цифровой среде происходят преимущественно неосознанно, однако даже если и осознаются, то на разных уровнях это проявляется в разной степени:

— На базовом уровне (психофизиология) феномены вроде FoMO, цифровой скуки (cyber-boredom) или сенсорных конфликтов переживаются как дискомфорт, но их глубинные причины (изменение дофаминовых путей, нейропластичность) не осознаются. Это автоматические реакции;

— На поведенческом уровне факт того, что смартфон используется по 150 раз в день осознается, однако человек не осознает, насколько это использование меняет его когнитивные способности, механизмы памяти или волевую регуляцию;

— На мировоззренческом уровне только глубокая рефлексия позволяет осознать, что картина мира стала цифровой, а идентичность — гибридной. Шошана Зубофф подчеркивает, что надзорный капитализм специально со-

¹⁸ Google-эффект или «цифровая амнезия» — это явление, когда люди перестают запоминать информацию, полагаясь на технологии (смартфоны, поисковики) как на «внешнюю память», и им становится сложнее вспомнить данные, которые можно легко найти в Интернете. Это приводит к ослаблению собственной памяти, снижению концентрации внимания и «клиповому мышлению», но при этом не обязательно снижает умственные способности, а скорее меняет их

¹⁹ Эффект FoMO (Fear of Missing Out — страх упустить что-то важное) — тревожное состояние, вызванное навязчивым ощущением, что у других происходит что-то интереснее и значимее, чем у вас. Это является причиной зависти, неудовлетворенности и постоянного желания быть в курсе всех событий, особенно через соцсети. Состояние провоцируется социальными медиа и создает иллюзию, что ваша жизнь скучна, а все вокруг живет ярче, что приводит к импульсивным решениям и проблемам с самооценкой

здает когнитивную асимметрию, чтобы мы не понимали механизмы управления нашим поведением.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что трансформации носят преимущественно латентный (скрытый) характер. Они встраиваются в повседневную жизнь легитимируясь под видом комфорта, эффективности и увлечений, что скрадывает процесс утраты автономии. Ясное осмысление истинной сути происходящего требует значительных ментальных усилий и критической позиции.

Цифровая среда — это не просто инструмент, а фактор, меняющий саму структуру «Я». Личность переходит из состояния «суверенного субъекта» в состояние «управляемого узла сети», чья психическая деятельность оптимизирована под внешние алгоритмические задачи, а не под внутренние цели развития. Происходит движение от независимого (автономного) к внешне управляемому (гетерономному) мышлению и принятию решений.

Можно выделить следующие основные аспекты и последствия трансформаций:

— *Когнитивно-поведенческий аспект.* Переход от автономного целеполагания к реагированию на внешние стимулы (уведомления, алгоритмические ленты) ведет к снижению критического мышления, но одновременно развивает навыки адаптивной многозадачности в условиях информационного избытка;

— *Идентитарный (относящийся к самосознанию и принадлежности) аспект.* Формирование «цифрового двойника» создает условия для самовыражения, однако навязываемые платформенные стандарты провоцируют конформизм и зависимость от социального одобрения (лайки, рейтинги);

— *Социально-этический аспект.* Делегирование морального выбора алгоритмам (цифровая этика) подрывает личную ответственность субъекта, что является наиболее тревожным проявлением гетерономии.

В краткосрочной перспективе следует ожидать усиления «алгоритмической зависимости», когда искусственный интеллект станет определяющим фактором в принятии не только бытовых, но и ценностных решений.

Литература:

1. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер; перевод на русский язык А. Мирер [и др.]. — Москва, 2001. // Центр гуманитарных технологий: [сайт]. — 2011. — URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/4797/4814>
2. Laughland, J. The Technique of a Coup d'État / J. Laughland // Voltaire Network: [website]. — 2010. — 5 Jan. — URL: <https://www.voltairenet.org/article163453.html>
3. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс; перевод с английского А. Матвеева; под редакцией В. Харитоновой. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004. — 328 с.
4. Смолл, Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета / Г. Смолл, Г. Ворган; перевод с английского Б. Козловского. — Москва: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2011. — 352 с.
5. Таубе, М. Вычислительные машины и здравый смысл. Миф о думающих машинах / М. Таубе. — Москва: Прогресс, 1964. — 184 с.
6. Brooks, D. The Philosophy of Data / D. Brooks // The New York Times. — 2013, 4 February.
7. Харари, Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / Ю. Н. Харари; перевод с английского С. Андреева. — Москва: Синдбад, 2020. — 496 с.

Без превентивного вмешательства возможна окончательная кристаллизация «программного типа личности», функционирующего в заданном кодовом пространстве без потребности в автономии.

Выводы

В центре всех цифровых преобразований находится человек, являющийся одновременно и субъектом, и объектом трансформаций, воздействие которых на его психологию ещё предстоит изучать. Подводя итог нашего исследования, необходимо подчеркнуть, что текущая степень научной разработанности данной проблемы характеризуется выраженной междисциплинарностью, но сохраняет фрагментарный характер. Несмотря на обилие работ по цифровизации, вопросы гетерономии — утраты субъектом внутренней детерминации в пользу внешних алгоритмических и сетевых предписаний — зачастую рассматриваются лишь как побочный эффект технологического прогресса, а не как фундаментальный сдвиг в структуре самосознания.

Вероятные направления, по которым должно вестись разрешение выявленных в исследовании коллизий, следующие:

Субъективизация цифрового опыта. Переход от пассивного потребления контента к осознанному управлению личным информационным пространством (цифровая гигиена и «медленное» медиапотребление).

Этический аудит алгоритмов. Разработка нормативных рамок, ограничивающих манипулятивные механизмы платформ, направленные на подавление воли пользователя.

Образовательная парадигма. Акцент на развитии метакогнитивных навыков и субъектности в рамках учебных курсов по цифровой грамотности, что позволит личности сохранять внутреннюю опору в условиях внешней детерминации.

В конечном счете, преодоление гетерономии лежит в плоскости возвращения человеку статуса *архитектора собственной цифровой среды*, а не её рядового элемента.

8. Лешкевич, Т. Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры / Т. Г. Лешкевич // Вопросы философии. — 2022. — № 3. — С. 53–63.
9. Яхно, В. Н. Информационная этика: актуальные проблемы и поиск новых стандартов / В. Н. Яхно // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. — 2023. — № 4. — С. 143–146.
10. Соловьева, Л. Н. Виртуальная реальность как новое пространство жизни человека в информационную эпоху / Л. Н. Соловьева // Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — № 6. — С. 59–66. — DOI: 10.18522/2070–1403–2023–101–6–59–66.
11. Григоришин, С. В. Онтология цифры: монография / С. В. Григоришин, А. М. Петров, А. Н. Попов. — Москва: ИНФРА-М, 2024. — 141 с. — (Научная мысль). — DOI 10.12737/2116160
12. Бабаева, А. А. Персональная онтология и онтология цифрового / А. А. Бабаева // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. — 2025. — № 4 (27). — С. 49–55. — DOI: 10.52170/2618–7949_2025_27_49
13. Малюкова, О. В. Технология научного познания: монография / О. В. Малюкова, Л. Ф. Матроница. — Москва: Проспект, 2021. — 448 с. — ISBN 978–5–392–35734–5. — URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/387131/reading>
14. Солсо, Р. Когнитивная психология. 8-е изд. / Р. Солсо, О. Маклин, М. Маклин. — СПб.: ПИТЕР, 2024. — 640 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»)
15. Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., Илюхина, С. Н. Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру / Г. У. Солдатова, С. В. Чигарькова, С. Н. Илюхина // Социальная психология и общество. — 2024. — Т. 15. — № 4. — С. 40–57. — DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150404>
16. Walker M. J., Sparrow R. Being in the World: Extended Minds and Extended Bodies // *NeuroProsthEthics: Ethical Implications of Applied Situated Cognition* / In Heinrichs J. H., Beck B., Friedrich O. (eds.). Berlin: Heidelberg, 2024. — P. 73–87. — DOI:10.1007/978–3–662–68362–0_5
17. Быльева, Д. С. Техногенная знаковая система: концептуализация семиотико-технологической основы цифровой среды / Д. С. Быльева // Манускрипт. — 2025. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnogennaya-znakovaya-sistema-kontseptualizatsiya-semiotiko-tehnologicheskoy-osnovy-tsifrovoy-sredy>
18. Blok, V. The Ontology of Innovation: On the Ground of Structural Change and Its Relation to Technology / V. Blok // *International Journal of Innovation Studies*. — 2014. — Vol. 1. — P. 1–15.
19. Blok, V. Ernst Jünger's Philosophy of Technology. Heidegger and the Poetics of the Anthropocene / V. Blok. — New York: Routledge, 2017. — 210 p.
20. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; перевод с французского А. Качалова. — Москва: ПОСТУМ, 2016. — 238 с.
21. Ihde, D. Bodies in Technology / D. Ihde. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2002. — 176 p.
22. Maturana, H. R. Autopoiesis and cognition: The realization of the living / H. R. Maturana, Fr. Varela // *Boston Studies in the Philosophy of Science*. — Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1980. — No. 42.
23. Чеклецов, В. В. Топологическая версия постчеловеческой персонологии: к разумным ландшафтам / В. В. Чеклецов // *Философские науки*. — 2010. — № 6. — С. 36–53.
24. Сергеев, С. Ф. Аутопоэтический базис эволюции биотехносферы / С. Ф. Сергеев // *Образовательные ресурсы и технологии*. — 2015. — № 1 (9). — С. 57–66.
25. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф; перевод с английского А. Ф. Васильева; под редакцией Я. Охонько, А. Смирнова. — Москва: Издательство Института Гайдара, 2022. — 784 с.
26. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. М.: Эксмо, 2018. — 288 с.
27. Gräbe, H.-G., & Kleemann, K. P. Intentionality and Machines // *Philosophia*. — 2023. — Vol. 51. — № 2. — P. 675–695. — DOI: 10.1007/s11406–022–00572–2
28. Buongiorno F., Chiamonte X. Do we really need a “Digital Humanism”? A critique based on post-human philosophy of technology and socio-legal techniques // *Journal of Responsible Technology*. 2024. Vol. 18. P. 1–9. — DOI: 10.1016/j.jrt.2024.100080
29. Poell T. et al. (2025). Global perspectives on platforms and cultural production // *International Journal of Cultural Studies*. Vol. 28. № 1. P. 3–20.
30. Белобрагина, А. С. Цифровой гуманизм: между апологией и критикой философской концепции / А. С. Белобрагина // *Философия и культура*. — 2025. — № 9. — DOI: 10.7256/2454–0757.2025.9.75779
31. Prensky, M. Digital natives, digital immigrants part 1 / M. Prensky // *On the Horizon*. — 2001. — Vol. 9, no. 5. — P. 1–6.
32. Солдатова, Г. У. Цифровое поколение и цифровые иммигранты - к модели цифровой грамотности: результаты всероссийского исследования / Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова. — Москва: Фонд развития Интернета, 2013. — 144 с.
33. Твенге, Дж. М. Поколение I: почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни / Дж. М. Твенге. — М.: Рипол-Классик, 2019. — 406 с.

34. Белинская, Е. П. Идентичность поколений: социально-психологический подход и опыт эмпирического исследования / Е. П. Белинская, А. М. Рикель // Национальный психологический журнал. - 2024. - Т. 19. - № 3. - С. 31-45. - DOI:10.11621/npi.2024.0303
35. Santos, L. Screen Time and Youth Health Issues: A Literature Review / L. Santos, R. Reeve // International Journal of E-Learning & Distance Education. — 2020. — Vol. 35, no. 1. - URL: <https://www.ijede.ca/index.php/jde/article/view/1163>
36. Kaya, B. Over-gaming burns me out: The indirect role of academic procrastination between digital game addiction severity and school burnout among adolescents / B. Kaya, A. Sarpkaya // School Psychology International. — 2025. — Vol. 46, no. 5. — P. 499–518. - URL: <https://doi.org/10.1177/01430343251376767>
37. Клементьев, Б. С. Трансформация личности в пространстве Интернета / Б. С. Клементьев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. - 2017. - Т. 6, вып. 2 (22). - С. 173–178. - DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-2-173-178
38. Двойникова, Е. Ю. Особенности влияния цифровизации на развитие личности: обзор /Е. Ю. Двойникова, Е. Д. Минибаева, К. Д. Федотенко // Мир науки. Педагогика и психология. - 2024. - Т. 12. - № 6. - URL: <https://mir-nauki.com/PDF/131PSMN624.pdf>
39. Шейнов, В. П. Психология человека в цифровой перспективе: рецензия на учебное пособие «Цифровая трансформация психологии человека» (авторы С. А. Безгодова, А. В. Микляева) / В. П. Шейнов // Психология человека в образовании. - 2024. - Т. 6. - № 3. - С. 384–391.

Особенности психологического здоровья студентов в организациях среднего профессионального образования

Федотов Александр Вячеславович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается проблема сохранения и укрепления психологического здоровья обучающихся в организациях среднего профессионального образования. Теоретически обоснована значимость эмоционального благополучия, рефлексивности, тревожности и адаптивности как ключевых компонентов психологического здоровья. Представлены результаты эмпирического исследования, которое было проведено среди студентов первого курса колледжа, в ходе которого были выявлены уровни тревожности, рефлексивности, а также ригидности. В результате проведенного анализа было выявлено, что большинство обучающихся обладают удовлетворительным уровнем психологического здоровья, однако некоторые респонденты испытывают тревожность, связанную с учебной нагрузкой. Сделан вывод о необходимости системной психолого-педагогической поддержки в организациях СПО.

Ключевые слова: психологическое здоровье, обучающиеся среднего профессионального образования, тревожность, ригидность, рефлексивность, адаптация, эмоциональное благополучие, учебная нагрузка, психолого-педагогическая поддержка, стрессоустойчивость.

Введение. Психологическое здоровье является одной из ключевых характеристик личности, которая определяет ее способность к самореализации, эффективному взаимодействию с окружающим миром [1]. В научных исследованиях оно рассматривается как интегративное состояние, включающее адекватную самооценку и чувство внутренней гармонии [2]. Обучение в системе среднего профессионального образования является важным этапом как личностного, так и профессионального становления. Студенты среднего профессионального образования сталкиваются с двойной нагрузкой: с одной стороны стоит необходимость овладения профессией, с другой — поиск жизненных ориентиров и формирование идентичности.

Современная образовательная среда среднего профессионального образования характеризуется достаточно

высокой необходимостью адаптации к новым формам обучения и повышенными требованиями к самостоятельной работе обучающихся [4]. По мнению И. В. Дубровиной, именно для подросткового периода характерно формирование базовых механизмов стрессоустойчивости, умения контролировать свои эмоции [3].

Важным показателем является уровень тревожности. Умеренная тревожность выполняет адаптивную функцию, однако ее высокий уровень может привести к снижению учебной мотивации и дезадаптации [2].

Не менее значимым фактором является рефлексивность, которая позволяет человеку осознавать те или иные события, проводить анализ поступков и принимать взвешенные решения. Благодаря развитой рефлексии повышается устойчивость к стрессу и становится заметным личностный рост [1].

Третьим и достаточно важным компонентом выступает ригидность, т. е. мобильность личности. Ригидность выражается в трудности принятия изменения, тогда как мобильность напротив отражает гибкость мышления и готовность к новым условиям, благодаря чему существенно возрастает готовность личности к новым условиям, что в дальнейшем влечет за собой успешную адаптацию студентов [4].

Таким образом можно сказать, что психологическое здоровье обучающихся среднего профессионального образования представляет собой сложное многокомпонентное образование, составляющими которого являются эмоциональные и личностные характеристики [5].

Анализ научных подходов к проблеме психологического здоровья показал, что эмоциональное благополучие, уровень тревожности и гибкость личности являются важнейшими компонентами психического благополучия обучающихся. Однако, любое теоретическое положение требует подтверждение данных на практике, и анализа в условиях конкретной образовательной среды.

В связи с этим представляется целесообразным проведение эмпирического исследования, которое направлено на выявление особенностей психологического здоровья студентов среднего профессионального образования, определив уровень тревожности, ригидности, рефлексивности у обучающихся 1-го курса.

В эмпирическом исследовании приняло участие 35 студентов первого курса частного учреждения «Высший колледж предпринимательства КИНЭУ». Возрастная группа участников — от 16 до 18 лет, 3 девочки и 32 мальчика.

Исследование психологического здоровья подростков было проведено в виде анкетирования, с помощью методик таких ученых, как А. М. Прихожан, А. В. Карпова, Д. Я. Райгородского.

В ходе исследования применялись следующие методы эмпирического исследования:

1. Тест личностной тревожности для подростков по А. М. Прихожан.

Цель: определить уровень личной тревожности у обучающихся.

Данная методика позволяет проводить диагностику у подростков таких видов личностной тревожности как:

— тревожность связанную с различного рода школьными ситуациями (ввиду того, что студенты являются учащимися первого курса);

— с ситуациями, которые возникают в процессе общения;

— отношение к себе (самооценка);

— шкала, характеризующая уровень мистического и магического страха.

В процессе работы с анкетой обучающиеся на основе представленных ситуаций оценивают уровень своего беспокойства и страха от 0 до 4, где 0 означает, что ситуация не вызывает никакого беспокойства, а 4 обозначает очень сильный страх.

При подведении итогов используются так называемые сырые баллы. Сумма сырых баллов и будет давать результат по уровню общей тревожности.

По мнению А. М. Прихожан, можно выделить пять уровней тревожности, а именно:

1. Уровень, характеризующийся чрезмерным спокойствием — 1–2 балла;
2. Уровень, соответствующий норме — 3–6 баллов.
3. Несколько завышенный уровень — 7–8 баллов;
4. Очень высокий уровень — 9 баллов
5. Уровень, явно завышенный — 10 баллов.

Нормальный уровень является наиболее оптимальным уровнем, характеризующим тревожность. Главное его достоинство — это тревожность, характеризующая адаптивностью и конструктивностью.

Высокий же уровень выступает как субъективный показатель проявления психического здоровья. Человек, обладающий таким уровнем тревожности, находится в ожидании каких-либо негативных событий. При появлении хотя бы малейшей угрозы либо обстоятельств, которые в определенной ситуации кажутся необычными, наблюдается бурная реакция [6].

2. Методика диагностики уровня развития рефлексивности. Опросник А. В. Карпова.

Цель: измерение степени развития одного из таких свойств личности, как рефлексия.

Обучающимся, в ходе проведения данного анкетирования дается ряд вопросов, на которые необходимо дать ответы в виде цифры. Причем каждое числовое значение представлено следующим образом:

- 1 — абсолютно неверно;
- 2 — неверно;
- 3 — скорее неверно;
- 4 — не знаю;
- 5 — скорее верно;
- 6 — верно;
- 7 — совершенно верно.

После проведения суммирования баллов и прибавления к ним инверсированных баллов и дальнейшем их переводе в стенов, согласно таблицы, производится дифференциация индивидов на три основные категории:

1) Высокоразвитая рефлексивность — показатели равны или больше 7 стенов;

2) Средняя рефлексивность — 4–7 стенов;

3) Низкая рефлексивность — меньше 4 стенов [7].

3. Методика измерения ригидности (адаптирована Райгородским).

Цель: выявить уровень ригидности у анкетированных.

В ходе проведения опроса, обучающимся была дана анкета с пятьюдесятью вопросами. Испытуемые отвечали на них утверждениями «да» или «нет». Каждый ответ совпадает с ключом и кодируется в один бал.

Оценка результатов данной методики представлена следующим образом:

0–13 баллов — анкетированный является достаточно мобильным;

14–27 баллов — анкетированный проявляет черты как ригидности так и мобильности;

28–40 — анкетированный является ригидным человеком [8].

В ходе выполнения первого исследования нами были получены следующие результаты общей тревожности:

Нормальный уровень — 26 человек;

Несколько завышенный уровень — 9 человек;

Очень высокий уровень — 0 человек.

В целом, можно сказать, что у большей части респондентов уровень общей тревожности находится в пределах нормы (75 %). Несколько завышенный уровень имеют 25 %.

После получения данных с учащимися была проведена беседа, в ходе которой было выяснено, что основной причиной тревожности выступают предстоящие экзамены и зачеты. Респондентами было замечено, что реакция на ту или иную ситуацию не всегда одинакова и зависит от каких-либо событий в их жизни.

Наряду с показателями тревожности, большую роль в жизни каждого человека играет и рефлексивность. Особенно это актуально для подростков, ведь они достаточно часто сталкиваются с такими жизненными моментами, где необходимо обдумать свои действия и принять решения.

Анализ ответов, полученных в результате проведения анкетирования уровня развития рефлексивности, дал следующие результаты:

Уровень развития рефлексивности среди опрошенных находится в пределах нормы. А именно:

— 1 человек — 4 стен;

— 14 человек — 6 стен;

— 20 человек — 5 стен.

После проведения анкетирования, со студентами была проведена беседа, во время которой, обучающиеся давали пояснения к своим ответам.

Особенно учащиеся выделяли следующие вопросы: «Совершив какой-то промах, я долго потом не могу от-

влечься от мыслей о нем», «Я довольно легко принимаю решение относительно дорогой покупки».

Все испытуемые по-разному отнеслись к данным вопросам, у каждого из них был свой взгляд на определенный вопрос. Например, многие отстаивали такую точку зрения, что если постоянно думать о своей неудаче, то в дальнейшем ничего не будет получаться в другом роде деятельности.

Другая же часть респондентов, напротив, говорила, что если мы думаем о том промахе, что мы совершили, это дает нам силы для преодоления следующих трудностей.

Относительно второго вопроса, необходимо отметить, что учащиеся сошлись во мнении, что покупка дорогой вещи будет зависеть от того, будет ли испытывать человек денежные трудности. Однако приводились примеры, что дорогую покупку вне зависимости от своего денежного состояния может совершить человек, который имеет хобби. Например, коллекционер.

Одной из особенностей психологии человека является возможность адаптироваться к новым условиям, а также идти на компромисс там, где это необходимо.

В ходе анкетирования было выявлено, что большая часть респондентов относится к мобильной группе — 29 человек (83 %). Чертами же как мобильности, так и ригидности обладают 6 человек (17 %).

После проведения исследования были даны рекомендации по сохранению и укреплению психологического здоровья у обучающихся, перечислены методики, направленные на снижение тревожности, развитие рефлексивности, снижение ригидности.

Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы для дальнейшего практического изучения проблемы сохранения и укрепления психологического здоровья при организации образовательной деятельности в образовательных организациях среднего профессионального образования.

Литература:

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла.—М.:Смысл,2019. —352 с.
2. Абрамова Г. С. Возрастная психология. —М.:Академия, 2020. —384 с.
3. Зинченко В. П. Психология развития личности.—М.:Гардарики, 2018. —304 с.
4. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология.—М.:Академический проект, 2019.—432 с.
5. Сергеева М. Г. Психолого-педагогическая поддержка студентов СПО// Педагогика.—2023.—№ 4.—С. 41–47
6. Прихожан А. М. Диагностика личностной тревожности и некоторые способы ее преодоления.-Доступ свободный: <https://magistr54.ru/wp-content/uploads/2019/06/diagnostika-lichnostnoj-trevozhnosti-i-nekotorye-sposoby-ee-preodolenija.-prihozhan-a.m..pdf> (дата обращения: 16.02.2026)
7. Материалы для диагностики и развития уровня рефлексивности. Опросник для определения уровня рефлексивности (Карпов А. В., Пономарев В. В.).-Доступ свободный: https://studref.com/463196/psihologiya/materialy_diagnostiki_razvitiya_refleksii (дата обращения: 17.02.2026)
8. Диагностика эмоциональной сферы детей и подростков: / Сост.: Н. А. Литвинов. — Южно-Сахалинск: Изд-во ИРОСО, 2020 –52 с.

Родительская подсистема как объект психологического анализа

Штокало Кристина Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Агеева Ирина Александровна, кандидат медицинских наук, доцент
Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан)

В статье рассматривается феномен родительства как сложная системная и социокультурная категория. Анализируются классические и современные психологические теории, раскрывающие механизмы формирования родительских ролей и половой идентичности. Особое внимание уделяется влиянию биологических предпосылок, исторической эволюции института родительства, а также этнокультурного контекста на воспитательные практики в различных обществах, включая поликультурную среду Кыргызстана и России. Подчеркивается необходимость учета культурной матрицы при анализе семейного взаимодействия и процессов полоролевой социализации.

Ключевые слова: родительство, семья, социализация, этнокультурные традиции, половые роли, системный подход, материнство, отцовство, кросс-культурная психология.

Семья является фундаментальной и отдельной социальной группой, уникальной по своему влиянию на индивида. Именно поэтому проблемы, возникающие внутри нее, неизменно вызывают пристальный научный интерес как у социологов, так и у психологов. Анализ семейных отношений позволяет понять, как индивидуальная психика переплетается с широкими социальными процессами.

В работе З. Фрейда «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921) выдвинут ключевой тезис: «первичная психология — это социальная психология в индивидуальной жизни». Это высказывание резюмирует идею о неразрывной связи между индивидуальной психикой и социальными отношениями. Эрик Эриксон в работе «Детство и общество» (1950) заложил фундамент идеи о том, что развитие человека обусловлено не только биологическими, но и мощными социальными и культурными факторами, демонстрируя, как племенные обычаи влияют на психологическое развитие.

Культурно-историческая теория Льва Выготского (1934) имеет огромное значение для понимания роли семьи как ключевого института, опосредующего влияние культуры и истории на развитие ребенка. Семья выступает первой и наиболее важной социальной средой, где происходит усвоение культурных норм и развитие высших психических функций. Его последователи развили эти идеи: А. Лурия (1974) рассматривал семью как первый «транслятор» культуры и «культурных орудий» (знаков, языка), а А. Н. Леонтьев (1975) — как первую среду для осуществления предметной деятельности и формирования основных мотивов личности.

Целью статьи является комплексный анализ феномена родительства с позиций системного и кросс-культурного подходов, и его рассмотрение как динамической категории, детерминированной совокупностью биологических, психологических и этнокультурных факторов.

В рамках системного анализа семьи особое значение приобретает рассмотрение родительской подсистемы как относительно автономного структурного образования, выполняющего специфические функции по отношению к развитию и социализации ребенка. Родитель-

ская подсистема формируется на определенном этапе жизненного цикла семьи и функционирует во взаимосвязи с другими семейными подсистемами, сохраняя при этом собственные границы, роли и зоны ответственности. Именно поэтому анализ семьи как системы предполагает поэтапное рассмотрение ее структурных элементов — от целостного понимания семейной системы к выделению ее подсистем и детальному анализу родительской подсистемы, ее функций, ролевых ожиданий и механизмов формирования родительских ролей в конкретном социокультурном контексте.

1. Родительство как системный феномен

Одной из ключевых характеристик любой целостной системы является её способность к самосохранению в условиях постоянного движения, изменений и развития. Эти свойства в полной мере присущи семье, которая представляет собой интегрированное и многоставное образование, функционирующее как система [13, с. 42; 12, с. 58]. Семья — это социальная система, объединяющая группу людей, связанных не только совместным проживанием и ведением общего хозяйства, но прежде всего сложной сетью взаимоотношений [16, с. 35].

Для понимания места родительства в данной системе целесообразно рассмотреть семейные подсистемы. Согласно классическим представлениям системной семейной терапии, в семье выделяются супружеская, родительская и сиблинговая (детская) подсистемы [12, с. 64]. Начало функционирования семейной системы начинается с возникновения супружеской подсистемы. Переход семейной системы к следующему этапу развития связан с формированием родительской подсистемы, функции и границы которой должны быть четко дифференцированы по отношению к супружеским отношениям. Ключевыми функциями данной подсистемы являются рождение и воспитание детей [13, с. 55], что позволяет рассматривать родительство как относительно самостоятельное и функционально специфичное образование в структуре семейной системы.

Применяя системный подход к анализу феномена родительства, можно выделить несколько ключевых положений:

– **Системная организация:** Родительство является относительно автономной подсистемой внутри более широкой системы семьи.

– **Многоуровневость:** Его можно исследовать как на уровне отдельной личности (психология отца или матери), так и как надындивидуальное, общественное явление.

– **Многоплановость:** Анализ предполагает рассмотрение индивидуально-личностного, семейного, межпоколенческого и социального планов.

– **Иерархическая детерминация** родительства предполагает влияние макросистемных (общественных), мезосистемных (родительская семья, традиции рода) и микросистемных (собственная нуклеарная семья) факторов [5, с. 250; 10, с. 102].

Таким образом, родительство можно рассматривать как интегральное психологическое образование личности, включающее систему ценностных ориентаций, установок, ожиданий, чувств, отношений, ответственности и стилей воспитания, реализующихся в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах [13, с. 60].

На этапе становления родительства данная структура характеризуется первоначальной неустойчивостью, что может проявляться в несогласованности взглядов партнеров, возникновении конфликтных ситуаций и высокой динамичности по сравнению с уже сформированной родительской позицией [13, с. 72]. Зрелая форма родительства, напротив, отличается относительной стабильностью, согласованностью воспитательных стратегий супругов и взаимодополняющим (комплементарным) характером их действий, что обеспечивает психологическую безопасность развития ребенка [16, с. 110].

2. Биологические и социокультурные детерминанты родительства

Биологические и историко-культурные предпосылки оказывают значительное влияние на развитие личности, включая особенности реализации родительской функции. И. С. Кон и В. В. Бочаров подчеркивают: если биологические факторы обеспечивают психофизиологическую готовность, то социальные механизмы определяют формы и границы этой реализации [10, с. 120; 11, с. 85; 9, с. 45].

Формирование половой идентичности и, как следствие, будущих родительских установок, происходит поэтапно:

– **Биологический уровень:** до рождения развитие пола регулируется биологическими механизмами и гормональным фоном, что влияет на дальнейшие поведенческие особенности.

– **Ранний социальный опыт:** с момента рождения социальная среда, прежде всего мать, начинает играть ключевую роль. Родители по-разному взаимодействуют с мальчиками и девочками, формируя их самооощение уже к 1,5–2 годам [4, с. 130; 5, с. 220].

– **Препубертатный и пубертатный периоды (7–18 лет):** в эти периоды происходит активное формирование полоролевых установок. Поведение родителей оказывает существенное влияние: демократичные отцы способствуют развитию самостоятельности, тогда как гиперпекающее поведение матерей может приводить к зависимости сыновей [3, с. 95].

Современное общество отчетливо разделяет сексуальную и родительскую функции. Тенденция к более позднему деторождению в развитых странах свидетельствует о том, что мотивация к родительству выходит за пределы сексуальной потребности, охватывая стремление к наставничеству, самореализации и продолжению рода [9, с. 210; 18, р. 52].

3. Специфика отцовской и материнской ролей

Современные исследования в области родительства ведутся в двух направлениях: изучение влияния отца на ребенка и анализ материнской роли.

3.1. Роль отца в развитии ребенка

Отцовство все чаще рассматривается как важный компонент личности взрослого мужчины [3, с. 88]. Рождение ребенка — стрессовая ситуация для семьи, и эмоциональная поддержка со стороны отца играет важную роль в ее преодолении [2, с. 54].

Влияние отца проявляется через совместные игры, способствующие развитию моторики, пространственной ориентации и интеллекта. Исследования В. Фтенакиса [20, с. 75] показали, что вовлеченность отца особенно важна для когнитивного развития мальчиков, поскольку он демонстрирует примеры практического решения проблем и оказывает эмоциональную поддержку.

Отец играет значимую роль в усвоении ребенком моральных норм, транслируя модели поведения и задавая рамки допустимого. Как отмечают исследователи, отцовская фигура является ключевым фактором в процессе половой идентификации ребенка и формирования его уверенности в себе [7, с. 102]. В отличие от материнской безусловной любви, любовь отца часто воспринимается ребенком как «требовательная», что стимулирует развитие ответственности и достижение социальных успехов [3, с. 93].

Особое значение имеет роль отца в процессе сепарации ребенка от матери, где он выступает в качестве «третьей стороны», помогающей ребенку обрести автономию и начать активное освоение внешнего мира [9, с. 210]. Современные психологи подчеркивают, что стиль отцовского воспитания напрямую коррелирует с уровнем эмоционального благополучия и отсутствием тревожности у детей [2, с. 60].

3.2. Психологические особенности материнства

Психологическая особенность материнской роли обусловлена как биологическими, так и социокультурными

факторами. Материнство традиционно ассоциируется с заботой, эмпатией и чуткостью [8, с. 74].

Материнская роль не является статичной — она трансформируется в зависимости от возраста ребенка:

- **Младенческий этап (0–1 год):** полная опека, обеспечение выживания, формирование базового чувства безопасности и надежной привязанности [4, с. 131].

- **Раннее детство (1–3 года):** развитие самостоятельности под контролем, обучение правилам и границам.

- **Дошкольный возраст (3–6 лет):** развитие эмоциональной и ролевой сферы, поддержка инициативы и эмпатии.

- **Младший школьный возраст (6–10 лет):** становление саморегуляции и учебной мотивации, помощь в организации режима дня.

- **Подростковый возраст (11–18 лет):** переход от контроля к роли партнера и советчика, поддержка автономии и самоопределения [17, с. 145].

Оптимальная реализация родительской роли предполагает баланс между удовлетворением потребностей ребенка и сохранением собственной субъектности женщины в других ролях (профессиональной, супружеской) [6, с. 120].

4. Экспектации родительских ролей в различных этнокультурах

Под экспектациями понимаются социально и культурно обусловленные ожидания по отношению к поведению матери и отца. Эти ожидания формируются на уровне культуры и транслируются через традиции, религию и социальные институты [23, р. 5; 14, с. 22].

В разных этнических общностях данные ожидания существенно различаются:

- в традиционных мусульманских семьях Кыргызстана доминирует патриархальная модель, где отец ассоциируется с авторитетом и ответственностью, а мать — с заботой и эмоциональной поддержкой [1, с. 52];

- в православной культурной традиции чаще прослеживается тенденция к партнерской модели родительства и эмоциональной вовлеченности обоих родителей [14, с. 64];

- в западных индивидуалистических культурах акцент делается на автономии ребенка и равенстве родительских ролей [18, р. 41].

Дополняя, можно отметить, что в индивидуалистических культурах (например, США и страны Западной Европы) от родителей чаще ожидаются поддержка самостоятельного выбора ребенка, развитие личных достижений и самопрезентации, а также раннее поощрение независимого «Я» [22, р. 224]. В коллективистских культурах (например, Китай, Индия, ряд стран Центральной Азии) родительские ожидания в большей степени ориентированы на уважение к старшим, выполнение семейных обязанностей и сохранение гармонии в группе, что проявляется в более выраженном акценте на послушании и межличностной взаимозависимости [22, р. 226; 18, р. 44].

Важное уточнение касается того, что «строгость» и «контроль» в разных культурах могут иметь различный смысл: например, для китайской традиции описана модель родительства, связанная с идеей «тренинга/наставничества», где высокая требовательность сочетается с ответственностью за обучение и моральное воспитание ребенка, и потому не тождественна западному пониманию авторитарности [19, р. 1112].

С точки зрения культурных ценностей, ожидания к родительским ролям соотносятся с доминирующими в обществе ценностными приоритетами: в культурах, где выше ценятся «сохранение» (традиция, конформность, безопасность), нормативность и контроль поведения ребенка могут восприниматься как «правильное воспитание», тогда как в культурах, ориентированных на «открытость изменениям» и самостоятельность, больше поддерживается автономия и личный выбор [23, р. 12].

Также в ряде обществ фиксируется модель «автономии-и-связанности», когда от родителей одновременно ожидаются и поддержка самостоятельности ребенка, и сохранение тесных семейных связей; подобная комбинация особенно характерна для семей, живущих в условиях модернизации и поликультурной среды [21, р. 87].

Именно поэтому, родительские роли формируются не универсально, а в соответствии с культурными сценариями.

5. Механизмы полоролевой социализации в семье

Полоролевая социализация — это многоступенчатый процесс, начинающийся с рождения и проходящий сквозь различные этапы детства и юности. Каждый возрастной период накладывает свои культурные и социальные фильтры [17, с. 96; 5, с. 210].

5.1. Язык и коммуникация как инструменты социализации

Особое внимание в подходе, учитывающем половые и социальные роли, уделяется языку и коммуникативным стратегиям. Язык, на котором говорят родители с детьми, отражает и укрепляет нормы, связанные с социальными ролями полов. Девочкам чаще говорят, что они «милые», «хорошие», мальчиков поощряют быть «смелыми», «сильными» [24, р. 45].

5.2. Психологическая вовлеченность родителей по полу

Психологическая вовлеченность родителей не просто определяет стиль воспитания, но и передает ребёнку модели полоролевой идентичности. Вовлечённые отцы расширяют модель мужественности, делая её более гибкой и эмоционально открытой. Вовлечённые матери могут поддерживать девочек в освоении социальных ролей и карьер [3, с. 92; 12, с. 70].

Роль отца и матери в полоролевой социализации также различается. Отец чаще становится образцом мужского поведения для мальчика и может быть более строг с сыном. Мать, в свою очередь, передает дочери паттерны женственности и обучает нормам, принятым в данной культуре [2, с. 58; 4, с. 120].

6. Трансформация моделей родительства и вызовы современности

Современные тенденции — урбанизация, миграция, глобализация — ведут к трансформации традиционных моделей. Родители нового поколения нередко сочетают традиционные и современные воспитательные подходы.

Однако такое смешение моделей может приводить к внутренним конфликтам у родителей. Родители, выросшие в традиционной культуре, но живущие в модернизированной городской среде, сталкиваются с дилеммой выбора между устоявшимися семейными сценариями и новыми социальными ожиданиями [13, с. 47; 7, с. 78].

Современные подходы к воспитанию, основанные на принципах инклюзии и индивидуального подхода, предлагают учитывать личностные особенности ребёнка вне зависимости от пола. Подход, учитывающий половые роли, в воспитании может способствовать созданию условий, при которых каждый ребёнок сможет реализовать свой потенциал, не ограниченный рамками традиционных [6, с. 112; 9, с. 128].

Поэтому, подход, учитывающий половые роли, к воспитанию мальчиков и девочек в контексте культурных различий представляет собой сложную и многогранную

область. Он требует учёта культурных традиций, социальных ожиданий, индивидуальных особенностей и научных данных о развитии личности. Стереотипы, связанные с социальными ролями, всё ещё оказывают значительное влияние на воспитательные практики во многих странах мира, однако глобализация, развитие гуманистической педагогики и расширение прав женщин способствуют трансформации этих подходов [9, с. 205; 1, с. 55; 21, р. 90].

Понимание родительства вне социокультурного контекста невозможно. Современная наука подчеркивает необходимость комплексного подхода, учитывающего этнокультурные особенности при анализе семейных практик, представлений об идеальном родителе, допустимых методах воспитания и приоритетных целях социализации ребенка [5, с. 260; 10, с. 95; 18, р. 40].

Подводя итог, следует сказать, что родительская подсистема является ключевым структурным элементом семейной системы, обеспечивающим не только выполнение воспитательных и социализирующих функций, но и передачу культурных норм, ценностей и полоролевых моделей. Ее функционирование определяется взаимодействием биологических предпосылок, индивидуально-личностных характеристик родителей, внутрисемейной динамики и социокультурных ожиданий. Анализ родительской подсистемы в системном и кросс-культурном ракурсах позволяет глубже понять механизмы формирования родительских ролей, вариативность воспитательных практик в разных этнокультурах и условия психологического благополучия ребенка в семье.

Литература:

1. Асанов, З. Традиции воспитания в кыргызской семье [Текст] / З. Асанов. — Бишкек: Илим, 2005.
2. Борисенко, Ю. В. Психология отцовства: монография [Текст] / Ю. В. Борисенко. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007.
3. Борисенко, Ю. В. Психология семьи и отцовства: учебное пособие [Текст] / Ю. В. Борисенко. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013.
4. Боулби, Дж. Привязанность [Текст] / Дж. Боулби. — Москва: Прогресс, 1982.
5. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. [Текст] / Л. С. Выготский. — Москва: Педагогика, 1983–1984.
6. Каган, В. Е. Психология пола [Текст] / В. Е. Каган. — Санкт-Петербург: Питер, 1997.
7. Калина, О. Г. Психология семьи [Текст] / О. Г. Калина, А. Б. Холмогорова. — Москва: Академический проект, 2011.
8. Кон, И. С. Введение в сексологию: курс лекций [Текст] / И. С. Кон. — Москва: Медицина, 1988.
9. Кон, И. С. Мужчина в меняющемся мире [Текст] / И. С. Кон. — Москва: Время, 2009.
10. Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность [Текст] / А. Н. Леонтьев. — Москва: Политиздат, 1975.
11. Лурия, А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов [Текст] / А. Р. Лурия. — Москва: Наука, 1974.
12. Минухин, С. Семьи и семейная терапия [Текст] / С. Минухин. — Москва: Класс, 1998.
13. Овчарова, Р. В. Родительство как психологический феномен: монография [Текст] / Р. В. Овчарова. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005.
14. Соловьева, Л. М. Православная традиция семейного воспитания [Текст] / Л. М. Соловьева. — Москва: Изд-во ПСТГУ, 2018.
15. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого Я [Текст] / З. Фрейд // Я и Оно. — Москва: АСТ, 1997.
16. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи [Текст] / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. — Санкт-Петербург: Питер, 1999.
17. Эрикссон, Э. Детство и общество [Текст] / Э. Эрикссон. — Санкт-Петербург: Ленато, 1996.

18. Bornstein, M. H. Handbook of parenting: Vol. 3. Status and social conditions of parenting [Text] / M. H. Bornstein. — New York, NY: Psychology Press, 2012.
19. Chao, R. K. Beyond parental control and authoritarian parenting style: Understanding Chinese parenting through the cultural notion of training [Text] / R. K. Chao // Child Development. — 1994.
20. Fthenakis, W. Vaterschaft [Text] / W. Fthenakis. — Weinheim: Psychologie Verlags Union, 1985.
21. Kagitcibasi, Ç. Family, self, and human development across cultures [Text] / Ç. Kagitcibasi. — Mahwah, NJ: Erlbaum, 2007.
22. Markus, H. R. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation [Text] / H. R. Markus, S. Kitayama // Psychological Review. — 1991.
23. Schwartz, S. H. Universals in the content and structure of values [Text] / S. H. Schwartz // Advances in Experimental Social Psychology. — 1992.
24. Tannen, D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation [Text] / D. Tannen. — New York: Ballantine Books, 1990.

ПРОЧЕЕ

Порядок перемещения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу воздушным видом транспорта

Мазарова Дарья Сергеевна, студент магистратуры
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье автор изучает порядок перемещения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу воздушным видом транспорта.

Ключевые слова: наличные денежные средства, денежные инструменты, декларирование, порядок перемещения, таможенная граница, физическое лицо, декларант.

Для начала необходимо определить понятия «наличные денежные средства» и «денежные инструменты».

Согласно Таможенному кодексу Евразийского экономического союза (далее — ТК ЕАЭС) «наличные денежные средства — денежные знаки в виде банкнот и казначейских билетов, монет, за исключением монет из драгоценных металлов, находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством в государствах-членах или государствах (группе государств), не являющихся членами Союза, включая изъятые либо изымаемые из обращения, но подлежащие обмену на находящиеся в обращении денежные знаки» [1, с. 3].

Денежные инструменты — дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документальной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата [2, с. 3].

Таможенная граница является частью государственной границы, которая специально предназначена для осуществления таможенного контроля. Она обеспечивает контроль за перемещением товаров, транспортных средств, денежных средств и иных предметов, подлежащих таможенному оформлению.

Любое физическое лицо независимо от возраста вправе перемещать через таможенную границу без декларирования наличные деньги и (или) денежные инструменты, не превышающие в эквиваленте 10000 долларов США. Эквивалент в данном случае означает, что при переводе в доллары США учитываются все виды валют, в том числе российские рубли и их сумма не должна превышать установленную законом норму. Если у физического лица имеется сумма свыше 10000 долларов США в эквива-

ленте, он обязан ее задекларировать. Важно отметить, что перевод различных видов валют к доллару США осуществляется по курсу Центрального банка Российской Федерации (далее — ЦБ РФ) на день перемещения через таможенную границу.

Таможенное декларирование товаров для личного пользования представляет собой процедуру предоставления информации о товарах, которые физическое лицо ввозит или вывозит через таможенную границу с целью их использования для личного пользования [5, с. 1].

Требования к декларированию наличных денег и (или) денежных инструментов несколько отличаются. Наличные денежные средства и дорожные чеки подлежат декларированию, если их эквивалент превышает 10000 долларов США. Денежные инструменты, за исключением дорожных чеков, подлежат декларированию в любом случае.

Декларантами могут выступать достигшие 16-летнего возраста физические лица независимо от гражданства, в противном случае, декларантом выступают его сопровождающие — один из родителей, усыновителей, опекунов или попечителей этих лиц, иное сопровождающее лицо либо представитель перевозчика при отсутствии сопровождающих лиц.

Рассматривая порядок пересечения границы воздушным видом транспорта, при котором применяется система двойного коридора, необходимо обратиться к ч. 1 ст. 257 ТК ЕАЭС, где указано:

— «зеленый» коридор является специально обозначенным в местах перемещения товаров через таможенную границу Союза местом, предназначенным для перемещения через таможенную границу Союза в сопровождаемом багаже товаров для личного пользования, не подлежащих таможенному декларированию.

— «красный» коридор является специально обозначенным в местах перемещения товаров через таможенную границу Союза местом, предназначенным для перемещения через таможенную границу Союза в сопровождаемом багаже товаров для личного пользования, подлежащих таможенному декларированию, а также товаров, в отношении которых осуществляется таможенное декларирование по желанию физического лица [1, с. 268].

Важно отметить, что гражданин обязан выбрать коридор самостоятельно, поскольку таможенные инспекторы не имеют права решать за пассажира и тем более прямо указывать на конкретный коридор. Также стоит учитывать, что гражданин имеет право по собственному желанию задекларировать сумму меньше 10000 долларов США в эквиваленте.

Бланки пассажирской таможенной декларации размещены перед входом на «красный» коридор, так же на стойках имеются образцы заполнения.

Со 2 марта 2022 года действует запрет на вывоз из РФ наличных средств в иностранной валюте и (или) денежных инструментов в иностранной валюте на сумму, свыше 10 тысяч долларов США. Запрет распространяется не только на американские доллары, но и на любую иностранную валюту [6, с. 5].

Раньше, пассажир мог задекларировать сумму наличных денег, превышающую 10000 долларов в эквиваленте, но в настоящее время, действует Указ Президента РФ от 01.03.2022 N 81 ограничивающий вывоз наличных денежных средств в иностранной валюте, превышающей 10000 долларов США в эквиваленте [4, с. 4]. Таким образом, указанное ограничение распространяется исключительно на вывоз иностранной валюты с территории Российской Федерации, это значит, что физическое лицо может вывезти превышающую сумму в российский рубль, при этом, ему необходимо подать декларацию.

Также необходимо учесть, что с 4 февраля 2020 года при одновременном перемещении одним физическим лицом через таможенную границу ЕАЭС наличных денежных средств и (или) денежных инструментов в сумме свыше 100 тысяч долларов США в эквиваленте одновременно необходимо предоставить документы, подтверждающие происхождение таких средств [3, с. 1]. Такими документами могут являться:

- справка о доходах физических лиц;

Литература:

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. — [Электронный ресурс] URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_tamoj_zak/tk_eaes.php?ysclid=mn1tkytrbf78756342. (Дата обращения 20.03.2026 г.)
2. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2001 г., N 33, ст. 3418 (Часть I). (Дата обращения 20.03.2026 г.)

— договоры за выполненные работы (предоставленные услуги), подтверждающие выплату физическому лицу перемещаемых денежных средств;

— договор банковского займа, оформляемый кредитными организациями, договор со специализированной коммерческой организацией, предоставляющей краткосрочные займы под залог движимого имущества граждан и хранения вещей;

— кредитный договор;

— договор купли-продажи;

— договор дарения;

— справка о снятии наличных денежных средств со счета кредитной организации и т. д.

При пересечении таможенной границы воздушным видом транспорта в большинстве аэропортов имеются залы «Прибытие» и «Отправление».

Зал «Прибытие» не представляет особой сложности в декларировании наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. У лица есть 2 варианта:

— выбрать «зеленый» коридор, если сумма наличных денег и денежных инструментов не превышает установленный лимит, т. е. 10000 долларов США в эквиваленте;

— выбрать «красный» коридор и задекларировать всю сумму, если она превышает установленный лимит. При этом нужно учитывать, что российские рубли также входят в общий объем.

С залом «Отправление» немного сложнее, поскольку нельзя вывозить сумму, превышающую 10000 долларов США в эквиваленте, поэтому у гражданина есть несколько вариантов:

— выбрать «зеленый» коридор, если сумма наличных денег и денежных инструментов не превышает установленный лимит по курсу ЦБ РФ;

— выбрать «красный» коридор и задекларировать всю сумму, если она превышает установленный лимит, однако важно учитывать, что сумма должна вывозиться в российских рублях, поскольку запрет установлен исключительно на иностранную валюту.

В заключении можно сказать, что процесс декларирования наличных денежных средств и (или) денежных инструментов не представляет особой сложности. Физическим лицам необходимо лишь внимательно ознакомиться с правилами перемещения товаров, подлежащих декларированию, а в случае возникновения сомнений обратиться к сотрудникам таможенного органа на «красном» коридоре.

3. Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 06.08.2019 № 130 «О представлении документов для подтверждения происхождения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. — [Электронный ресурс] URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/335/4574/>. (Дата обращения 20.03.2026 г.)
4. Указ Президента Российской Федерации от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 01.03.2022 г. (дата обращения 20.03.2026 г.)
5. Нестеренко Р., Гомон И. В. Таможенное декларирование товаров для личного пользования // Экономика и бизнес: теория и практика, 2024. — №4-2 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tamozhennoe-deklarirovanie-tovarov-dlya-lichnogo-polzovaniya> (дата обращения: 27.03.2026).
6. Кабаев В. А. Валютное регулирование в Российской Федерации в условиях глобальных вызовов // Сфера науки. — 2025. — № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/valyutnoe-regulirovanie-v-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah-globalnyh-vyzovov> (дата обращения: 27.03.2026).

Анализ риска возникновения и развития аварий на объектах нефтегазовой отрасли

Мищенко Алена Викторовна, студент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье проводится анализ системы управления промышленной безопасностью при эксплуатации объектов нефтегазовой отрасли. Также проанализированы методы оценки рисков на объектах нефтегазового комплекса и представлены практические методологии оценки рисков на объектах нефтегазового комплекса. Процесс создания современной системы мер и методов управления промышленной безопасностью, в том числе с использованием методологии анализа риска, изложена в ряде научных работ отечественных и зарубежных исследователей, нормативно-правовых и нормативно-технических документах. Представляется важным, чтобы процедуры анализа и оценки опасностей аварий являлись бы одним из основных элементов системы управления промышленной безопасностью.

Ключевые слова: риск, нефтегазовая отрасль, оценка рисков, источники аварий на нефтегазовом предприятии, меры по снижению риска.

Risk analysis of accidents occurrence and development at oil and gas facilities

Mishchenko Alena Viktorovna, student
Togliatti State University (Samara Oblast)

This article analyzes the industrial safety management system for the operation of oil and gas facilities. It also analyzes risk assessment methods at oil and gas facilities and presents practical risk assessment methodologies for oil and gas facilities. The process of developing a modern system of industrial safety management measures and methods, including the use of risk analysis methodology, is described in a number of scientific papers by domestic and international researchers, as well as regulatory and technical documents. It is important that accident hazard analysis and assessment procedures be a key element of the industrial safety management system.

Keywords: risk, oil and gas industry, risk assessment, accident sources at oil and gas facilities, risk mitigation measures.

Введение

В связи с усложнением, увеличением энергоёмкости производства, стоимости технических устройств и мер безопасности возрастают требования к точности оценки опасностей и прогноза возможности возникновения аварий и их последствий. Занижение опасности может привести к крупной аварии, завышение опасности может потребовать проведения таких дорогостоящих мер безопасности, практическое применение которых может привести к экономической неэффективности производства.

В концепции национальной безопасности Российской Федерации отмечено, что падение научно-технического потенциала, неразвитость законодательной основы природоохранных мероприятий, низкая экологическая культура, ослабление надзора и контроля со стороны государства, отсутствие эффективных правовых и экономических механизмов предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, увеличивают риск катастроф техногенного характера во всех сферах хозяйственной деятельности. Для повышения уровня национальной безопасности необходимо усилить роль государства, создав соответствующую правовую базу и механизмы ее применения.

Таким образом, актуальность и научная значимость настоящего исследования, состоит в проведении исследования существующих рисков при эксплуатации оборудования, относящихся к нефтегазовому комплексу, обладающих повышенной степенью опасности.

Анализ систем управления промышленной безопасности при эксплуатации объектов нефтегазовой отрасли

Проводя анализ аварий, произошедших на опасных промышленных объектах, можно выявить общие характерные для аварийных ситуаций причины. «К ним следует отнести следующее:

- ошибка на стадии проектирования;
- неверное решение о том, где должен быть расположен ОПО и в каком режиме нужно осуществлять эксплуатацию объекта;
- халатность персонала;
- беспечность персонала;
- недостаточная подготовка персонала» [2].

Даже при анализе инцидентов проблема не может быть решена полностью. Необходимо не только выявлять уязвимости, но и прогнозировать потенциальные чрезвычайные ситуации на опасных промышленных объектах (ОПО) и минимизировать их последствия путем своевременных действий. Существующие правила техники безопасности, ограничивающиеся инструкциями по эксплуатации оборудования, устарели. Опасные объекты должны перейти к применению теории риска или теории безопасности.

В настоящее время существует множество программных пакетов для расчета показателей человеческого риска, таких как Bars, CRISS, ASRN и «АРБИТР».

Программный комплекс (далее — ПК) АРБИТР (ПК АСМ СЗМА) предназначен для автоматизированного математического моделирования и расчета вероятностных характеристик надежности (ГОСТ 27.002–89) и безопасности (технического риска, вероятности возникновения или не возникновения аварийных ситуаций и аварий вследствие отказов элементов) структурно-сложных систем опасных производственных объектов (ОПО).

ПК «АРБИТР» может использовать методы дерева отказов (FT), дерева событий (ЕТ) и блок-схемы (FCD) для определения степени коллективных и технических рисков и ожидаемых потерь, а затем оценивать работоспособность и ожидаемые потери.

Индивидуальный риск является одной из наиболее распространенных характеристик опасности. Тщательная оценка индивидуальных рисков, с которыми сталкиваются персонал, объекты, общественность и конкретные группы населения в окрестностях (например, работники определенных профессий), имеет решающее значение. Вероятностные ме-

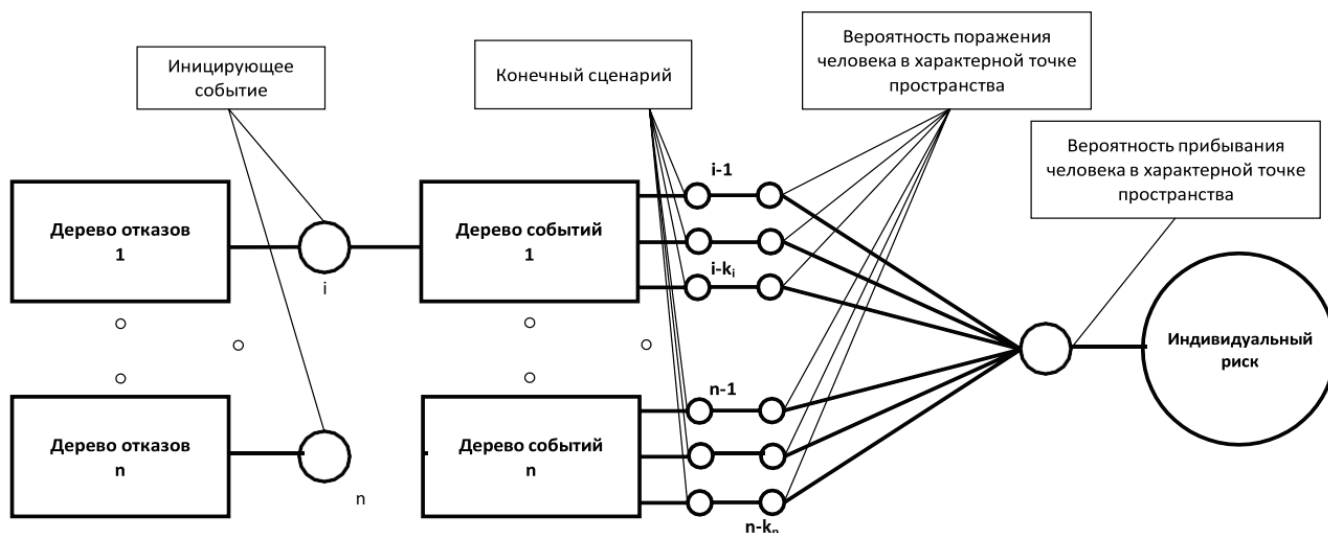

Рис. 1. Блок-схема оценки индивидуального риска

тоды могут быть использованы для более точного определения индивидуальных рисков при построении деревьев отказов и деревьев событий.

Блок-схема оценки индивидуального риска при помощи ПК «АРБИТР» изображена на рисунке 1.

Моделирование инцидентов в программном обеспечении позволяет не только рассчитать вероятность их возникновения, но и выявить ключевые элементы системы, определяющие стабильность её работы.

Программное обеспечение ПК «АРБИТР» генерирует диаграмму дерева аварий при исследовании отказов функциональной целостности (FIFD) для каждого смоделированного инцидента.

Наглядное представление применения ПК «АРБИТР» на выявление вероятности аварий на нефтегазодобывающей компании при разгерметизации резервуаров представлено на рис. 2.

Из представленного дерева сценариев, можно увидеть два направления:

- полная разгерметизация резервуара;
- частичная разгерметизация резервуар.

В процессе исследования сценария при полном разгерметизации резервуара, происходит залповый выброс содержимого резервуара, и это может привести к масштабной аварии нефтегазодобывающей компании. Что относится к частичной, то происходит пролив содержимого резервуара через поврежденные поверхности резервуаров, такие аварии легче поддаются к исправлению и предотвращению.

Таким образом на нефтегазодобывающих предприятиях причинами большей части аварийных ситуаций можно представить в виде общего графика, отображенного на рис. 3.

На нефтегазодобывающих предприятиях причинами большей части аварийных ситуаций «являются нарушения технологий производства работа, а также нарушения требований промышленной безопасности, которые заключаются в использовании неисправного оборудования и неэффективной организации и осуществлении производственного контроля эксплуатации резервуаров» [3].

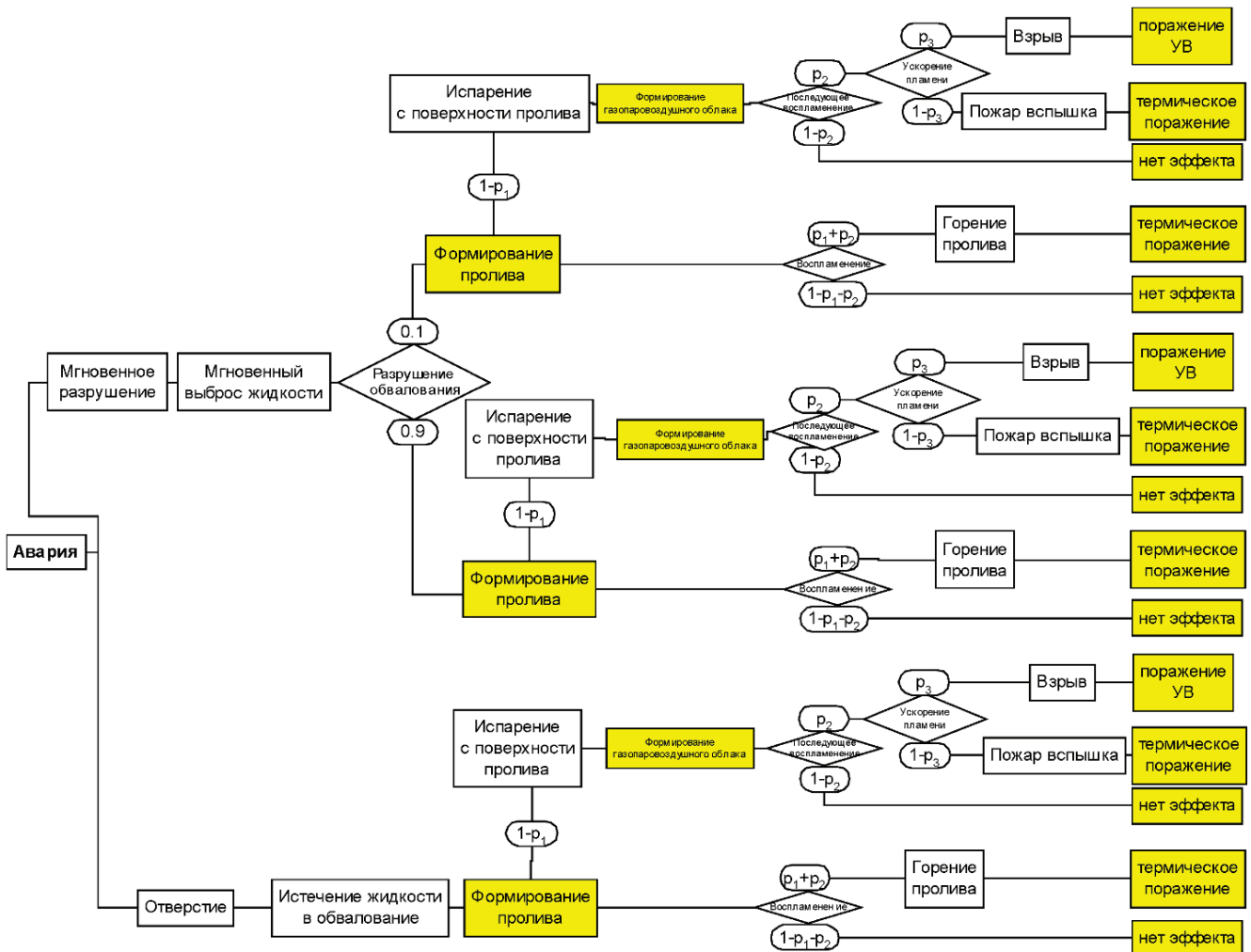

Рис. 2. Условные вероятности реализации сценариев аварий при разгерметизации резервуара

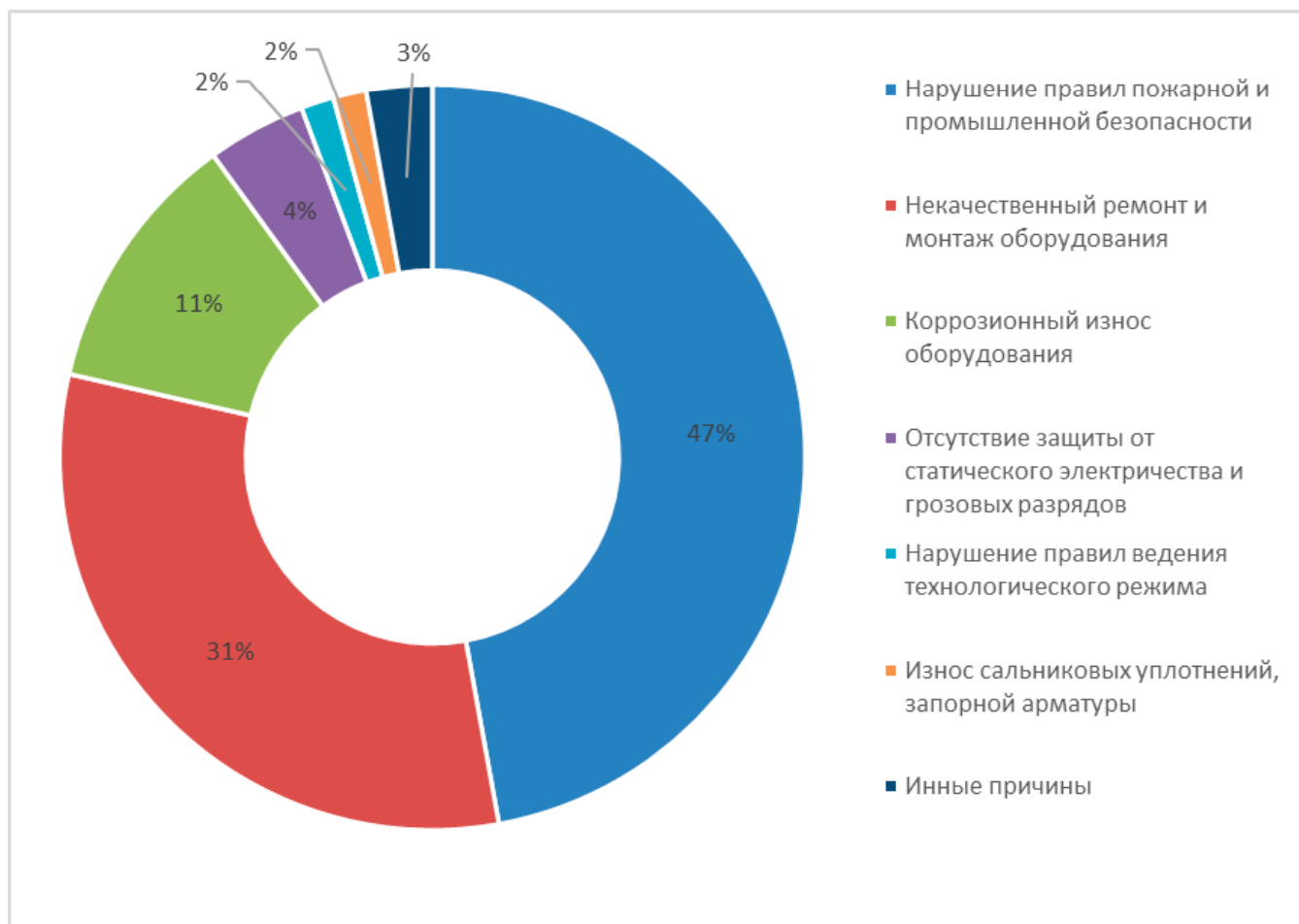

Рис. 3. Причины аварийных ситуации

Таблица 1. Значения индивидуального риска персонала

Обозначение сценария	Поражающий фактор	Условная вероятность поражения	Индивидуальный риск, 1/год
C1.1(С)-Г	тепловое излучение	0	0
C1.1(С)-ПВ	ударная волна	0,75	1,238·10 ⁻⁶
C1.1.(Б)-Г	тепловое излучение	0	0
C1.1(Б)-ПВ	ударная волна	0,79	1,304·10 ⁻⁶
C6.1(С)-Г	тепловое излучение	0	0
C6.1(С)-ПВ	ударная волна	0,74	1,177·10 ⁻⁶
C6.1(Б)-Г	тепловое излучение	0	0
C6.1(Б)-ПВ	ударная волна	0,78	1,24·10 ⁻⁶
C9.1(С)-Г	тепловое излучение	0	0
C9.1(С)-ПВ	ударная волна	0,44	1,898·10 ⁻⁷

На основе проведенного анализа системы управления промышленной безопасностью при эксплуатации объектов нефтегазовой отрасли, можно будет провести оценку рисков возникновения и развития аварий на примере Филиала «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация» г. Печора.

Оценка рисков возникновения и развития аварий на исследуемом объекте — филиале «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация» г. Печора

Анализ риска возникновения и развития аварий на исследуемом объекте: Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация» г. Печора, визуализирован при помощи табличных данных (табл. 1–3).

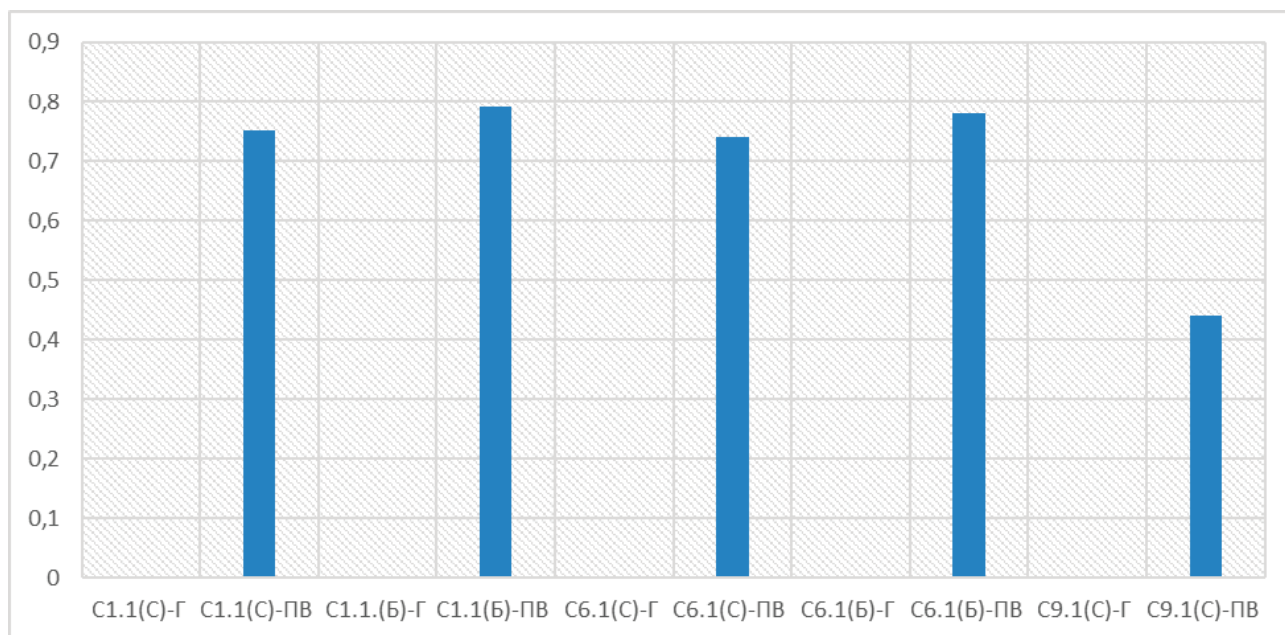

Рис. 4. Анализ показателей вероятности поражения

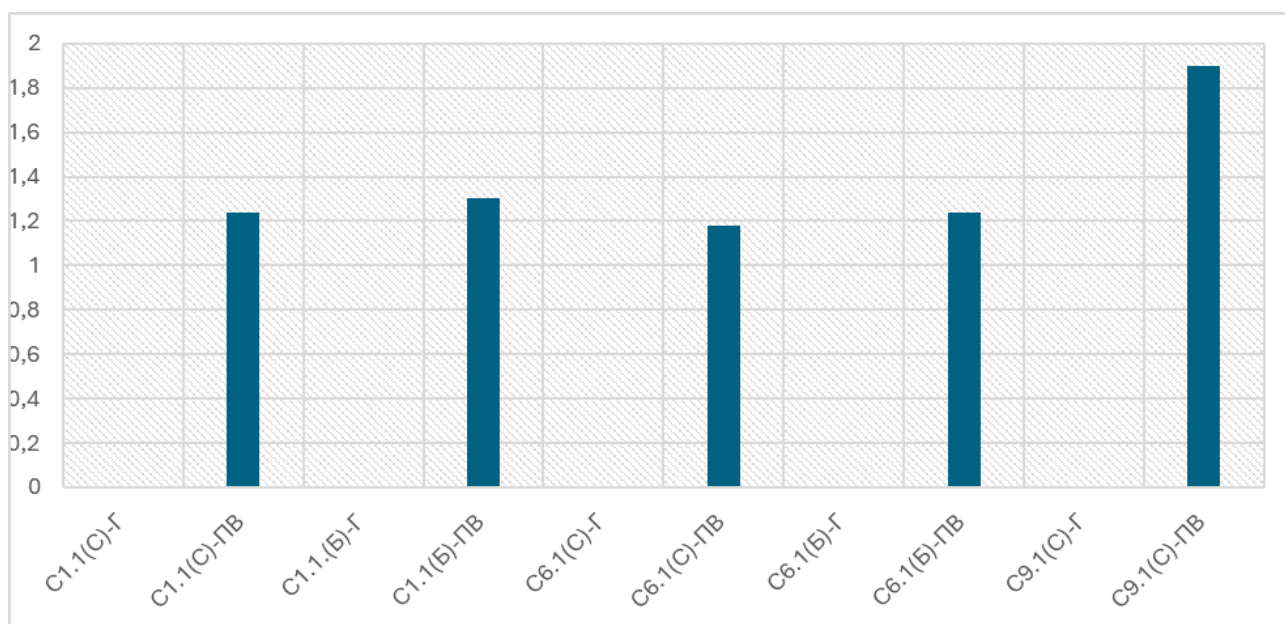

Рис. 5. Анализ показателей индивидуального риска

Таблица 2. Значения коллективного риска персонала

Наименование оборудования	Рассматриваемые сценарии	Коллективный риск, чел/год
Участок перекачки нефти	C1.1(C)-Г, C1.1(C)-ПВ, C1.1(Б)-Г, C1.1(Б)-ПВ, C6.1(C)-Г, C6.1(C)-ПВ, C6.1(Б)-Г, C6.1(Б)-ПВ, C9.1(C)-Г, C9.1(C)-ПВ	$7,86 \cdot 10^{-5}$

Таблица 2. Значения потенциального риска

Наименование оборудования	Значение потенциального риска, 1/год на расстоянии 200 м от места возможной аварии
Участок перекачки нефти в Филиале «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация» г. Печора	$5,15 \cdot 10^{-6}$

Для оценки среднего риска ущерба мы анализируем частоту аварий и общий потенциальный ущерб. Этот общий ущерб складывается из различных факторов, включая прямые финансовые потери компании, расходы на локализацию и ликвидацию последствий, компенсации за гибель и травмы, штрафы за негативное воздействие на окружающую среду и упущенную выгоду из-за перерыва в производстве. Результаты расчетов приведены в таблице 3.

Таблица 3. Средний риск нанесения материального ущерба

Участок трубопровода	Обозначение сценария	Средний риск нанесения материального ущерба, тыс. руб./год
Участок 1 (ПК0+00 — ПК110+00)	C1.1(C)-Г	1,125
	C1.1(C)-ПВ	0,126
	C1.1(Б)-Г	2,423
	C1.1(Б)-ПВ	0,27
	C1.1.(C)-3	9,886
	C1.1(Б)-3, C1.1(В)-3	1,421
Участок 6 (ПК509+00 — ПК615+00)	C6.1(C)-Г	0,955
	C6.1(C)-ПВ	0,107
	C6.1(Б)-Г	2,17
	C6.1(Б)-ПВ	0,242
	C6.1.(C)-3	8,365
	C6.1(Б)-3, C6.1(В)-3	19,154
Участок 9 (ПК815+00 — ПК843+75)	C9.1(C)-Г	0,105
	C9.1(C)-ПВ	0,012
	C9.1(C)-3	9,258

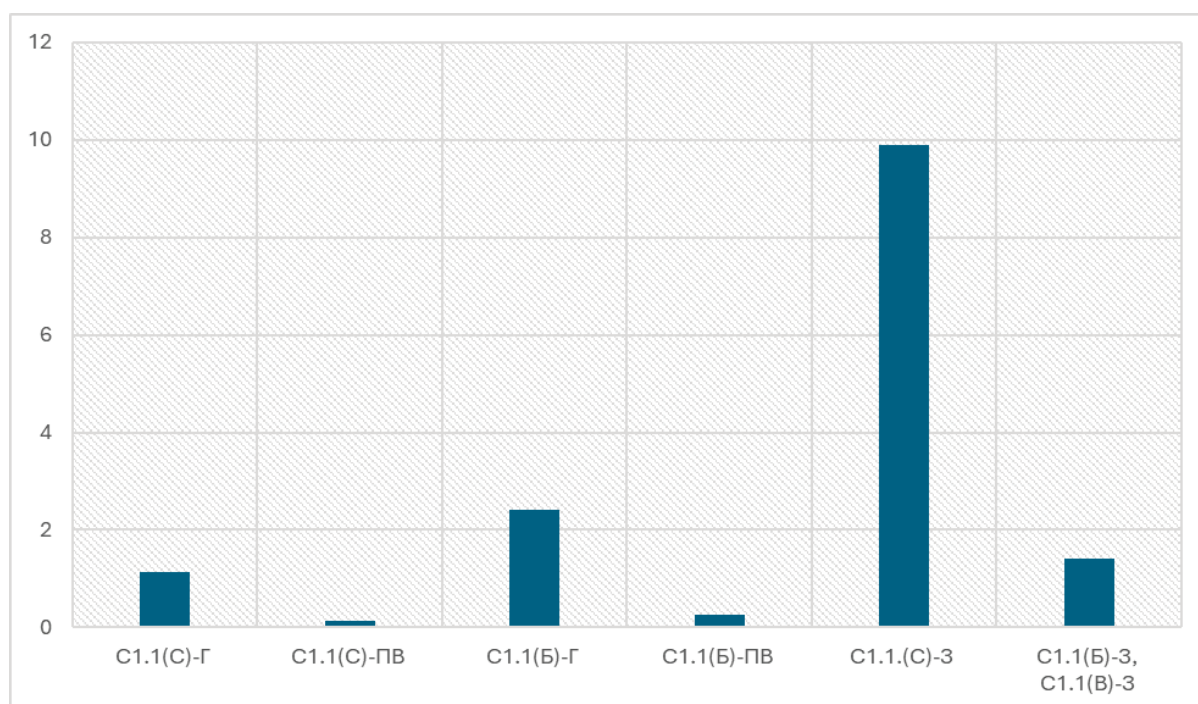

Рис. 6. Участок 1 (ПК0+00 — ПК110+00)

На основе проведенных данных в виде графического материала, было выявлено, что для предотвращения образования рисков аварий в Филиале «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация» г. Печора, при проведении эксплуатационных работ, необходимо разработать меры по их снижению.

Разработка мер по снижению риска возникновения и развития аварий на исследуемом объекте Филиала «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация» г. Печора

План мероприятий по снижению рисков в Филиале «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация» г. Печора приведен в табл. 4.

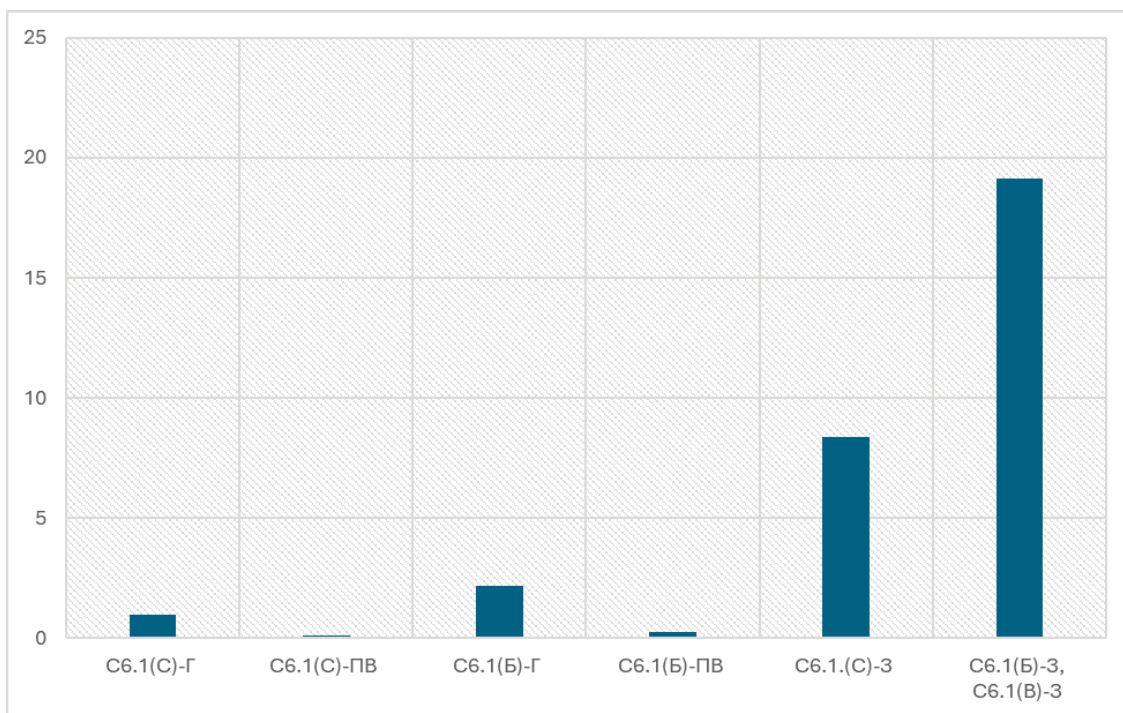

Рис. 7. Участок 6 (ПК509+00 — ПК615+00)

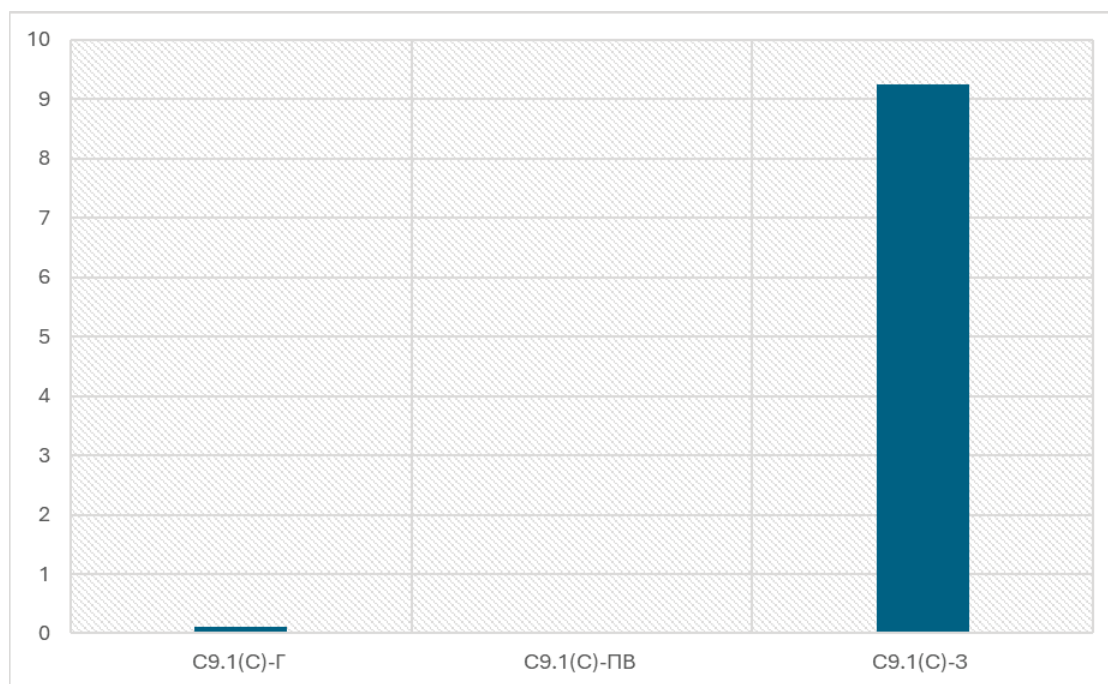

Рис. 8. Участок 9 (ПК815+00 — ПК843+75)

Таблица 4. План мероприятий по снижению уровня риска возникновения аварийных ситуаций

№	Наименование мероприятий	Дата	Ответственное лицо
1	Проверка и диагностика технического оборудования, участвующего в технологическом процессе	12.01.2026	Инженер по охране труда/промышленной безопасности/директор Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»
2	Замена оборудования, участвующего в технологическом процессе на новое	15.01.2026	Инженер по охране труда/промышленной безопасности/директор Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»

№	Наименование мероприятий	Дата	Ответственное лицо
3	Регистрация технических устройств, введённых в эксплуатацию	18.01.2026	Инженер по охране труда/промышленной безопасности/директор Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»
4	Разработка эффективной системы местной и общеобменной вентиляции	21.01.2026	Инженер по охране труда/промышленной безопасности/директор Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»
5	Постановка на учет новых средств индивидуальной защиты органов дыхания и зрения	25.01.2026	Инженер по охране труда/промышленной безопасности/директор Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»
6	Постановка на учет предлагаемого оборудования, обработка результатов работы — изучение и анализ особенностей работы	28.01.2026	Инженер по охране труда/промышленной безопасности/директор Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»
7	Выявление опасностей в ходе работы и тестирования оборудования методом экспертного мнения	02.02.2026	Инженер по охране труда/промышленной безопасности/директор Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»
8	Снижение уровней рисков ЧС путем подготовки персонала	12.02.2026	Инженер по охране труда /директор Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»
9	Снижение уровней рисков ЧС путем своевременного проведения планово-предупредительного ремонта на ОПО, а также применения действующих методик исследований уязвимости	24.02.2026	Инженер по охране труда/промышленной безопасности/директор Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»
10	Профилактический осмотр оборудования производственного пространства Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация» с отметкой об осмотре в журналах, дальнейшим ознакомлением руководящего состава компании	28.02.2026	Инженер по охране труда/промышленной безопасности/директор Филиал «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация»

Заключение

На основе исследования было выявлено, что аварии могут происходить по разным причинам, включая:

- повреждение технологического оборудования из-за коррозии, износа, производственных дефектов или усталости металла;
- человеческие ошибки при техническом обслуживании, ремонте, огневых работах и сварке;
- механические повреждения, вызванные несанкционированными действиями вблизи трубопровода;
- падение давления из-за избыточного давления.

Эти сценарии аварий описаны на основе ключевых сопутствующих факторов, но некоторые из них могут рассматриваться как компоненты более крупных, долгосрочных сценариев аварий.

Поэтому разработка инновационных защитных конструкций и эксплуатации оборудования на исследуемом объекте Филиала «Печорская ГРЭС» АО «Интер РАО — Электрогенерация», имеет решающее значение для минимизации образования аварийной ситуации.

Литература:

1. Аракален, Г. Защитные ограждения для резервуарных парков / Г. Аракалян // Строительная газета. — 2010. — № 49.
2. Венгерцев, Ю. А. Анализ отказов металлических резервуаров на предприятиях по обеспечению нефтепродуктами / Ю. А. Венгерцев // Транспорт и хранение нефти и нефтепродуктов. — Москва: ВНИИОЭНГ. — 1989. — № 6. — с. 3–4.
3. ГОСТ 12.0.004–2015 Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения» (вместе с «Программами обучения безопасности труда») (введен в действие Приказом Росстандарта от 09.06.2016 N 600-ст).
4. ГОСТ 12.1.003–2014 ССБТ Шум. Общие требования безопасности. [Электронный ресурс]: <https://uc.foresltd.com/wp-content/uploads/> (дата обращения: 20.09.2025).

5. ГОСТ 12.1.005–88 ССБТ. Общие санитарно-гигиенические требования к воздуху рабочей зоны. [Электронный ресурс]: <https://uc.foresltd.com/wp-content/uploads/> (дата обращения: 20.09.2025).
6. ГОСТ 12.1.006–84 ССБТ Электромагнитные поля радиочастот. Общие требования безопасности. [Электронный ресурс]: <https://uc.foresltd.com/wp-content/uploads/> (дата обращения: 20.09.2025).
7. ГОСТ 12.1.007–76 ССБТ Вредные вещества. Классификация и общие требования безопасности. [Электронный ресурс]: <https://uc.foresltd.com/wp-content/uploads/> (дата обращения: 20.09.2025).
8. ГОСТ 12.1.019–2017 ССБТ. Электробезопасность. Общие требования и номенклатура видов защиты. [Электронный ресурс]: <https://uc.foresltd.com/wp-content/uploads/> (дата обращения: 20.09.2025).
9. ГОСТ 12.1.038–82 ССБТ Электробезопасность. Предельно допустимые уровни напряжений прикосновения и токов. [Электронный ресурс]: <https://uc.foresltd.com/wp-content/uploads/> (дата обращения: 20.09.2025).
10. ГОСТ 12.1.045–84 ССБТ Электростатические поля. Допустимые уровни на рабочих местах и требования к проведению контроля. [Электронный ресурс]: <https://uc.foresltd.com/wp-content/uploads/> (дата обращения: 20.09.2025).
11. ГОСТ 12.2.003–91 ССБТ Оборудование производственное. Общие требования безопасности. [Электронный ресурс]: <https://uc.foresltd.com/wp-content/uploads/> (дата обращения: 20.09.2025).
12. ГОСТ 12.4.011–89 ССБТ Средства защиты работающих. Общие требования и классификация. [Электронный ресурс]: <https://uc.foresltd.com/wp-content/uploads/> (дата обращения: 20.09.2025).
13. ГОСТ 12.4.124–83 ССБТ Средства защиты от статистического электричества. Общие технические требования. [Электронный ресурс]: <https://uc.foresltd.com/wp-content/uploads/> (дата обращения: 20.09.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 13 (616) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 08.04.2026. Дата выхода в свет: 15.04.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.